

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

4

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

4

С О Ц Э К Г И З

1939

Экономическое районирование СССР и задачи советской науки

XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) принял историческое решение: «Теперь,—говорится в резолюции XVIII съезда партии по докладу тов. Молотова о третьем пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР,—когда СССР сложился как социалистическое государство, закончил в основном техническую реконструкцию народного хозяйства и по уровню техники производства в промышленности и сельском хозяйстве стоит впереди любой капиталистической страны Европы,—теперь мы можем и должны во весь рост практически поставить и осуществить решение основной экономической задачи СССР: догнать и перегнать также в экономическом отношении наиболее развитые капиталистические страны Европы и Соединенные Штаты Америки, окончательно решить эту задачу в течение ближайшего периода времени»¹.

Практическое осуществление поставленной товарищем Сталиным и утвержденной съездом партии задачи—в 10—15 лет догнать и перегнать в экономическом отношении главные капиталистические страны—требует дальнейшего всестороннего развития производительных сил нашей страны. Все народное хозяйство и в первую очередь промышленность нашей социалистической родины должно в течение ближайших двух-трех пятилеток увеличить объем продукции в несколько раз. Потребуется огромные капиталовложения в промышленность, транспорт, сельское хозяйство, потребуется массовое строительство новых предприятий во всех отраслях народного хозяйства, строительство новых фабрик, заводов, шахт, промыслов, электростанций, железных дорог, автострад. Необходимо гораздо более полное использование наших неисчерпаемых природных богатств, ресурсов недр, вод и лесов.

Уже третий пятилетний план развития народного хозяйства СССР, выполнение которого, как говорил тов. Молотов, должно предпринять решение основной экономической задачи СССР, предусматривает огромную программу нового строительства. За годы третьей пятилетки (1938—1942) капитальные работы во всем народном хозяйстве составят сумму в 192 млрд. руб., что превышает объем капиталовложений за первые две пятилетки, взятые вместе. Капитальные вложения в промышленность достигнут 111,9 млрд., из которых 93,9 млрд. будет вложено в промышленность, производящую средства производства. Капитальные вложения в транспорт выразятся суммой в 37,3 млрд. руб. Общая стоимость новых и реконструированных предприятий, утвержденных к вводу в действие за годы

¹ Третий пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1938—1942 гг.), Резолюция XVIII съезда ВКП(б) по докладу тов. В. Молотова, см. Резолюции XVIII съезда ВКП(б), стр. 12.

третьей пятилетки, составит огромную сумму в 193 млрд. руб. против 103 млрд. во второй пятилетке.

Величественная программа дальнейшего расцвета производительных сил страны победившего социализма в годы третьей пятилетки и за ее пределами требует тщательного и продуманного размещения новых предприятий на территории нашей родины. Правильное решение вопроса о рациональном размещении нового строительства является важнейшей предпосылкой успешного выполнения третьей сталинской пятилетки и необходимым условием дальнейшего, еще более эффективного развития социалистического хозяйства и еще большего укрепления мощи нашего социалистического государства.

Рациональное размещение производительных сил в масштабе большого государства, с многочисленным населением, является специфической задачей социалистического общества. Такая задача не может возникнуть и практически неосуществима при капитализме. Стихийные, анархические законы капитализма неизбежно приводят к нерациональному, неэкономному, расточительному размещению производства как внутри каждой капиталистической страны в отдельности, так и в мировом масштабе. Капитализм, подчиняющий развитие производства эгоистическим интересам буржуазии, доводит до крайних пределов отрыв промышленности от сельского хозяйства, перерабатывающей промышленности от добывающей, центров массового производства от источников сырья и районов массового потребления. Эти экономические уродства, вытекающие из антагонистических противоречий капитализма, приводят к огромному расточению производительных сил и народного труда, к созданию небольшого количества односторонне развитых промышленных центров и подчиненной им огромной отсталой аграрной периферии. Из анархии капиталистического производства вытекают сплошь и рядом нерациональные, встречные и чрезмерно дальние перевозки. Ярким примером извращенного географического разделения труда в масштабе одной страны может служить царская Россия, в которой на долю богатейших районов востока и юго-востока (Урал, Сибирь, Средняя Азия) приходилось меньше 10% промышленной продукции всей страны.

Капитализм, в лице крупной промышленности, создает материальную основу для слияния промышленности с сельским хозяйством, для подъема сельского хозяйства до уровня машинной индустрии, для превращения сельскохозяйственного труда в разновидность индустриального. Но в силу своего эксплуататорского характера капитализм до пределов углубляет и обостряет противоположность между городом и деревней. В эпоху империализма созданы огромные богатства, значительная часть которых могла бы быть использована для экономического и культурного подъема отсталых стран. Однако эти богатства используются монополистами в качестве орудия еще большего порабощения колониальных и полуколониальных народов, сохранения и увековечивания их отсталости и зависимости.

Великая Октябрьская социалистическая революция освободила нашу страну от господства капитала и его антагонистических противоречий. Тем самым были уничтожены и старые законы размещения производительных сил. Восторжествовали новые социалистические принципы. Советская власть, развивая социалистическое хозяйство, уничтожает противоположность между городом и деревней, между старыми промышленными центрами и отсталыми окраи-

нами; Советская власть стремится к максимальной экономии общественного труда, к развитию и укреплению индустриальной и оборонной мощи социалистического государства.

С первых же шагов своего мирного хозяйственного строительства Советская власть и партия Ленина — Сталина направили все усилия к тому, чтобы наряду с дальнейшим подъемом старых промышленных центров индустриализировать отсталые национальные окраины, приблизить промышленность к источникам сырья, создать новые индустриальные центры во всех районах СССР, ликвидировать нерациональные перевозки сырья и готовой продукции. Социалистические законы размещения производительных сил, сформулированные еще Марксом и Энгельсом и развитые Лениным и Сталиным, были положены в основу экономической политики диктатуры рабочего класса в СССР.

Еще в 1918 г. Ленин в «Наброске плана научно-технических работ» требовал разработки такого плана хозяйственного строительства, в который вошло бы в качестве обязательного элемента «...рациональное размещение промышленности в России с точки зрения близости сырья и возможности наименьшей потери труда при переходе от обработки сырья ко всем последовательным стадиям обработки полуфабрикатов вплоть до получения готового продукта»¹.

На X съезде ВКП(б) по докладу товарища Сталина было принято решение о том, что первейшей задачей является «...ликвидация всех остатков национального неравенства во всех отраслях общественной и хозяйственной жизни и, прежде всего, планомерное насаждение промышленности на окраинах, путем переноса фабрик к источникам сырья (Туркестан, Башкирия, Киргизстан, Кавказ — текстильная, шерстяная, кожевенная промышленность и др.)»².

Успешное осуществление ленинско-сталинской политики социалистического размещения производительных сил внесло, особенно за годы сталинских пятилеток, огромные изменения в экономическую географию нашей родины. Созданы новые крупные индустриальные центры на Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке, Казахстане, Кавказе, Крайнем Севере. На советской земле выросли сотни новых городов, тысячи МТС и совхозов. Невиданными темпами индустриализируются национальные республики, создавшие уже свои собственные кадры квалифицированных рабочих и инженерно-технического персонала.

Решениями XVIII съезда ВКП(б) проблема социалистического размещения производительных сил СССР поднята на новую, более высокую ступень, соответствующую новой полосе в развитии нашей страны — полосе завершения строительства бесклассового социалистического общества и постепенного перехода от социализма к коммунизму. Кладя в основу социалистического размещения производства принцип «...приближения промышленности к источникам сырья и районам потребления в целях ликвидации нерациональных и чрезмерно дальних перевозок, а также — дальнейшего подъема в прошлом экономически отсталых районов СССР»³, XVIII съезд ВКП(б) особо подчеркнул необходимость обеспечения комплексного развития хозяйства в основных районах СССР. Постановле-

¹ Ленин, Соч., т. XXII, стр. 434.

² ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, Партиздат, 1936, ч. I, стр. 395.

³ Резолюция XVIII съезда ВКП(б) по докладу тов. В. Молотова, см. Резолюции XVIII съезда ВКП(б), стр. 25.

ниями съезда положена прочная научная основа экономического районирования нашей страны, являющегося необходимым условием решения задачи — догнать и перегнать в экономическом отношении главные капиталистические страны.

Огромная программа третьей сталинской пятилетки построена в соответствии с этой задачей комплексного развития основных экономических районов СССР. Программа предусматривает крупное промышленное строительство на Дальнем Востоке, рассчитанное на то, чтобы этот мощный форпост Советской власти на Востоке имел у себя на месте «все необходимое по топливу, а, по возможности, также по металлу и машиностроению, по цементу, лесу и вообще по строительным материалам, равно и по большинству громоздких к перевозке продуктов пищевой и легкой промышленности»¹.

В третьей пятилетке в восточных районах, на Урале и в Поволжье должны быть созданы «...предприятия-дублиеры по ряду отраслей машиностроения, нефтепереработки и химии, чтобы устранить случайности в снабжении некоторыми промышленными продуктами с предприятий-уникумов»². Одной из решающих задач третьей пятилетки является создание новой мощной нефтяной — добывающей и перерабатывающей — базы между Волгой и Уралом.

Изложенные в докладе тов. Молотова на XVIII съезде ВКП(б) и принятые съездом практические директивы о комплексном развитии основных экономических районов СССР в третьей пятилетке дают все основные исходные положения для разработки социалистической теории экономического комплекса. Каждый экономический район должен быть обеспечен своим топливом, электроэнергией, строительными материалами, химическими удобрениями, массовыми изделиями легкой и пищевой промышленности. В каждой области и национальной республике должны производиться в достаточном количестве такие продукты массового потребления, «...как картофель, овощи, молочные и мясные продукты, мука, кондитерские изделия, пиво, а также ряд промышленных изделий массового потребления — галантерей, изделия швейной промышленности, мебель, кирпич, известь и т. д.»³. Основные экономические очаги страны должны быть обеспечены полным металлургическим циклом и главными видами машиностроения с таким расчетом, чтобы бесперебойно и с возможно меньшими затратами на транспорт снабжать всю страну металлом, машинами и промышленным оборудованием.

Нетрудно понять, что такое комплексное развитие экономических районов СССР дает огромную экономию в затратах общественного труда, создает устойчивые условия для производства в изобилии продуктов промышленности и сельского хозяйства, ликвидирует нерациональные встречные и чрезмерно дальние перевозки.

Решения XVIII съезда партии о комплексном хозяйственном развитии экономических районов нашей страны возлагают на работников передовой советской науки и в первую очередь на Академию наук СССР ответственные задачи. Научные работники экономисты и прежде всего Институт экономики Академии наук, на который по-

¹ Молотов, Третий пятилетний план развития народного хозяйства СССР, Доклад и заключительное слово на XVIII съезде ВКП(б), стр. 33.

² Резолюция XVIII съезда ВКП(б) по докладу тов. В. Молотова, см. Революция XVIII съезда ВКП(б), стр. 26.

³ Там же, стр. 25.

становлением Совнаркома СССР возложена научная разработка проблем экономического районирования СССР, должны, руководствуясь директивами XVIII съезда партии, тщательно и конкретно разработать экономическую характеристику хозяйства основных районов страны и перспективу их развития.

Важнейшим звеном в решении этой неотложной научной задачи является разработка районных балансов производства и потребления основных продуктов промышленности и сельского хозяйства. Эти балансы должны вскрыть причины нерациональных дальних и встречных перевозок и показать неиспользованные внутренние резервы роста и развития социалистического хозяйства. На основе сложившихся балансов производства и потребления должны быть разработаны перспективы увеличения производства в пределах каждого экономического района; такая разработка проблем экономического районирования должна вестись под углом зрения решения основной экономической задачи СССР и подготовки перехода к высшей фазе коммунизма.

Разработка вопросов комплексного развития экономических районов СССР является необходимым условием для установления правильных соотношений в развитии отдельных отраслей нашего народного хозяйства и ликвидации последствий вредительства в этой важной области социалистического планирования.

Для комплексного развития экономических районов СССР особое значение имеет «обеспечение на месте топливом и некоторыми трудными к перевозке продуктами тех крупных промышленных районов, зависимость которых от дальнего привоза большого количества грузов увеличилась в связи с их промышленным ростом и быстрым увеличением городского населения»¹. Также требуется обеспечить «...промышленными запасами сырья действующие и строящиеся в третьем пятилетии предприятия...»², и создать «...резервы новых промышленных запасов во всех районах Союза»³. Почетной и ответственной задачей советских геологов является развертывание геолого-разведочных работ с таким расчетом, чтобы обеспечить все экономические районы страны основными видами минерального сырья, особенно теми, которые абсолютно необходимы для комплексного хозяйственного развития.

Комплексное экономическое развитие районов, областей и национальных республик СССР и быстрое устранение нерациональных перевозок требует решительной борьбы с вредной гигантоманией и чрезмерно узкой специализацией промышленных предприятий. В решениях XVIII съезда ВКП(б) сказано: «в целях ускорения сроков строительства и ввода в действие производственных мощностей, а также рассредоточения новых предприятий по основным экономическим районам страны, XVIII съезд ВКП(б) требует решительной борьбы с гигантоманией в строительстве и широкого перехода к постройке средних и небольших предприятий во всех отраслях народного хозяйства Союза ССР. В промышленном строительстве не допускать постройки предприятий с чрезмерно-узкой специализацией и организовать кооперирование предприятий внутри экономических районов»⁴. Отсюда вытекает задача

¹ Резолюция XVIII съезда ВКП(б) по докладу тов. В. Молотова, см. Резолюции XVIII съезда ВКП(б), стр. 25.

² Там же, стр. 29.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 31.

научных работников экономистов и техников — разработать проблемы эффективной организации производства на небольших и средних предприятиях и вопросы промышленного кооперирования.

Важное значение для развития экономических районов имеет комплексное использование сырья. Перед энергетиками, химиками и техниками стоят задачи максимальной химизации и электрификации промышленности, разработки рациональных методов производства, основанного на использовании низкосортного сырья, менее ценных видов топлива, отходов крупного производства и т. д.

Перед агрономами стоят задачи продвижения в глубь страны технических культур, на север и восток — зерновых, овощей, картофеля, фруктов. Сельское хозяйство должно получить такое направление развития всех своих отраслей, чтобы в каждом экономическом районе, области и национальной республике производились в изобилии все сельскохозяйственные продукты питания. Чрезвычайно важное значение в решении этой задачи имеют создаваемые вокруг крупных городов «картофельно-овощные и животноводческие базы, обеспечивающие полностью снабжение этих центров овощами, картофелем и, в значительной степени, молоком и мясом»¹.

Огромные задачи стоят в деле изучения неисчерпаемых возможностей использования богатейших водных и лесных ресурсов, имеющих почти во всех основных экономических районах СССР.

Передовая советская наука, руководимая героической партией Ленина—Сталина, окруженная любовью всего советского народа, вдохновляемая великим Сталиным, сумела уже показать, что ее чудесное развитие неразрывно связано с победой социализма в СССР и что расцвет ее могучих сил и недюжинных способностей объясняется ее кровной и тесной связью с практикой социалистического строительства. Не может быть сомнений, что в деле осуществления исторических решений XVIII съезда ВКП(б) наша советская наука окажется на высоте своих задач.

¹ Резолюция XVIII съезда ВКП(б) по докладу тов. В. Молотова, см. Резолюция XVIII съезда ВКП(б), стр. 21.

Социалистическая собственность — основа колхозного строя

Постановление Центрального Комитета ВКП(б) и Совета народных комиссаров Союза ССР от 27 мая 1939 г. «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания», одобренное майским пленумом ЦК ВКП(б), установило наличие серьезных извращений политики партии в области колхозного землепользования. Эти извращения состояли в грубейших нарушениях Сталинского устава сельскохозяйственной артели.

В работе местных партийных и советских организаций имела место противоколхозная и противогосударственная практика разбазаривания и расхищения общественных земель колхозов: она выражалась в многочисленных фактах наделения колхозников приусадебными участками сверх норм, установленных уставом, за счет полевых общественных земель колхоза. В ряде колхозов были случаи, когда отдельные корыстные элементы из колхозников производили фиктивные разделы семей для увеличения размеров приусадебного участка. Некоторые руководители колхозов и районных организаций допускали преступную практику сдачи колхозных земель в аренду. Все эти извращения вели к чрезмерному раздуванию личного хозяйства колхозника во вред артельному, к потаканию частнособственническим и рваческим элементам в колхозах, использующим артель в целях спекуляции и личной наживы. Раздувание личного хозяйства за счет общественного привело к образованию в колхозах довольно значительного числа мнимых колхозников, фактически не работающих в артели, занятых своим личным хозяйством и использующих колхоз для получения различного рода льгот, установленных государством для честных колхозников.

Все эти грубейшие извращения основ политики партии в области колхозного строительства создались на основе неправильного, меньшевистского руководства колхозами со стороны местных районных и областных партийных и советских организаций. Они нарушали основные ленинско-сталинские принципы колхозного строительства и проявляли преступно-благодушное отношение к проникновению в колхозы враждебных колхозному строю частнособственнических, буржуазных тенденций, культивируемых остатками разбитого кулачества.

ЦК ВКП(б) и СНК СССР сурово осудили эту меньшевистскую практику местных партийных и советских организаций и установили ряд практических мероприятий для немедленной ликвидации извращений основ политики партии в области колхозного строительства. Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания» — важнейший программный документ, направленный к укреплению и развитию социалистических основ колхозного строя. Это постановление выражает мудрость и силу великой партии Ленина — Сталина, которая, опираясь на марксистско-ленинскую теорию, умеет предвидеть и направлять ход

общественного развития и уверенно ведет колхозное крестьянство к коммунизму.

* * *

В огне Великой Октябрьской социалистической революции осуществлена была национализация земли. В ожесточенных классовых битвах был уничтожен и сведен с исторической арены класс помещиков. Трудящееся крестьянство СССР сверх тех земель, которыми оно пользовалось до революции, получило в пользование свыше 150 млн. га помещичьих, церковных, монастырских, удельных земель. Вековые чаяния крестьянства о земле были удовлетворены социалистическим государством в первые же часы после Октябрьского переворота. Но установлением диктатуры рабочего класса и национализацией земли положено было только начало преобразованию советской деревни на новой, социалистической основе. Воплощая в жизнь великие аграрные законы Октября («Декрет о земле» от 8.XI. 1917 г. и ряд других), большевистская партия учитывала при этом неоднократные указания В. И. Ленина, что «...мелким хозяйством из нужды не выйти»¹, что «система мелкого хозяйства при товарном производстве не в состоянии избавить человечество от нищеты масс и угнетения их»², что лишь «когда практически, на опыте, близком для крестьян, будет доказано, что переход к товарищескому, артельному земледелию необходим и возможен, лишь тогда мы вправе будем сказать, что в такой громадной крестьянской стране, как Россия, по пути социалистического земледелия сделан серьезный шаг»³.

С победой социалистической революции перед рабочим классом, установившим прочный союз с основными массами крестьянства, во всей своей сложности и остроте встала труднейшая, после захвата власти, задача социалистической революции — перевод многомиллионных масс трудящегося крестьянства от мелкого, раздробленного, единоличного крестьянского хозяйства, рождающего капитализм, обрекающего крестьянина на вечную мятку и лишения, на рельсы крупного высокопродуктивного социалистического хозяйства, несущего зажиточную и культурную жизнь всему трудящемуся крестьянству. Практическая программа решения этой задачи нашла свое выражение в ленинско-сталинском кооперативном плане. Разрабатывая на основе указаний Маркса — Энгельса кооперативный план вовлечения крестьянства в русло активного строительства социалистического общества, большевистская партия исходила из того бесспорного для всякого марксиста-ленинца положения, что в силу исторического прошлого крестьянина и его особого (отличного от рабочего класса) отношения к средствам производства (мелкий товаропроизводитель, веками эксплуатировавшийся, но сохранивший приверженность к частной собственности) пути перехода крестьянина к социализму не могут не быть своеобразными. «Своеобразие путей к социализму рабочего класса и крестьянства очевидно. В силу особых условий своего классового положения рабочий класс идет впереди крестьянства, через высшие на данной стадии формы социалистического хозяйства. Из особенностей положения трудящейся массы крестьянства в прошлом вытекают особенности его путей (ряд дополнительных переходных ступеней, большие сроки и др.) к бесклассовому социалистическому обществу»⁴.

¹ Ленин, Соч., т. XXIV, стр. 540.

² Там же, Партиздат, 1935, т. XX, стр. 122.

³ Там же, т. XXIV, стр. 580.

⁴ Доклад тов. Молотова на XVII партконференции. Стенограф. отчет, Партиздат, 1932, стр. 147.

Сила ленинско-сталинского кооперативного плана, рассчитанного на победу социализма, на превращение трудящегося крестьянина-собственника в труженика бесклассового социалистического общества, заключалась в учете этого своеобразия путей перевода крестьянства на социалистические основы развития. Проводя в жизнь кооперативный план, большевистская партия на каждом этапе развития социалистической экономики осуществляла кооперирование крестьянства в формах, наиболее понятных и доступных трудящемуся крестьянину, последовательно развивая кооперативное движение от низших (снабженческо-сбытовая кооперация) до высших форм (колхозная кооперация).

В середине 1929 г. в деревне наступает великий перелом. Всепобеждающая сила большевистского руководства, все более растущая мощь социалистической индустрии, этой основы колхозного движения, рост колхозов и совхозов, финансовая и организационная помощь крестьянству со стороны государства, последовательная борьба против кулачества, осознание широкими массами бедняцко-средняцкого крестьянства полной безысходности мелкого, нищенского, единоличного хозяйства — таковы предпосылки, которые обусловили наступление глубочайшего революционного переворота в деревне.

В год великого перелома — в 1929 г. — в колхозы двинулась основная масса деревни — середняк.

Партия осуществляет крутой поворот от старой политики — ограничения и вытеснения кулачества — к новой политике — ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации. «Это был глубочайший революционный переворот, скачок из старого качественного состояния общества в новое качественное состояние, равнозначный по своим последствиям революционному перевороту в октябре 1917 года.

Своеобразие этой революции состояло в том, что она была произведена сверху, по инициативе государственной власти, при прямой поддержке снизу со стороны миллионных масс крестьян, борющихся против кулацкой кабалы, за свободную колхозную жизнь»¹. В ожесточенных классовых боях был экспроприрован и разбит последний, наиболее многочисленный эксплуататорский класс — кулачество. Основные массы крестьянства порвали со старым, единоличным хозяйством и вступили на новый путь колхозной жизни. Внутри страны уничтожены были последние источники реставрации капитализма.

С развертыванием сплошной коллективизации борьба за осуществление ленинско-сталинского кооперативного плана вступила в новую, завершающую фазу. Осуществление первой ступени кооперативного плана — развитие снабженческо-сбытовой кооперации — не меняло еще частнособственнических основ мелкого товарного производства. Переход к колхозной форме, напротив, преобразовывал в корне основы производства, а, следовательно, основы распределения, обмена, потребления. В отличие от крестьянского хозяйства, базирующегося на частной собственности, единоличном труде и отсталой технике, колхоз есть социалистическое хозяйство, базирующееся на общественной, коллективной собственности, коллективном труде и современной социалистической технике.

В ходе великой преобразовательной работы в деревне партии предстояло избрать такую форму колхозного движения, которая обеспечивала бы превращение частнособственнического, раздробленного, малопродуктивного крестьянского хозяйства в зрелое, социалистическое крупное высокотоварное хозяйство. Крестьянин, который сто-

¹ История ВКП(б), стр. 291—292.

летиями был частным собственником, мелким товаропроизводителем, озабоченным только своими личными интересами, вступая в колхоз, мгновенно не мог отрешиться от прежних навыков, привитых веками. Ленин и Сталин постоянно учили, что нельзя представлять себе крестьянина как прирожденного социалиста, что нужны многие годы упорной организаторской, воспитательной работы, чтобы осуществить социалистическое перевоспитание крестьянства. Партии предстояло избрать такую форму колхозного движения, которая облегчила бы социалистическое перевоспитание колхозников в сознательных тружеников бесклассового социалистического общества, свободных от индивидуалистических пережитков.

Эта задача была разрешена товарищем Сталиным в его учении о сельскохозяйственной артели как основной форме колхозного движения на длительный период борьбы за полное торжество социализма. «Основное звено колхозного движения, его преобладающую форму в данный момент, за которую надо теперь ухватиться, представляет сельско-хозяйственная артель»¹.

Именно артельная форма давала в руки большевистской партии ключ для решения задачи последовательного укрепления социалистических основ колхозного строя, не игнорируя личных имущественных интересов колхозника и подчиняя их чем дальше, тем в большей мере интересам общественным, социалистическим. Сталинское учение об артели как основной форме колхозного движения нашло свое конкретное выражение в принятой XVI съездом партии целостной программе колхозного движения и подъема сельского хозяйства. «Основной формой колхоза на данной стадии является сельско-хозяйственная артель. Требовать, чтобы крестьяне, вступая в артель, немедленно отказались от всяких индивидуалистических навыков и интересов, от возможности вести добавочное к общественному личное хозяйство (корова, овцы, птица, приусадебный огород), от возможности использования для себя заработков на стороне и т. п. — значит забывать азбуку марксизма-ленинизма...

Колхозное движение может подниматься к высшей форме — к коммуне — в соответствии с повышением технической базы, ростом колхозных кадров и культурного уровня колхозников при неременном условии признания самими крестьянами соответствующих изменений в уставе и их осуществлении снизу»².

В непримиримой борьбе против троцкистско-бухаринской банды, пытавшейся сорвать колхозное движение, а также против всякого рода «левых» головотяпов, делавших ставку на немедленное создание скороспелых нежизненных коммун, партия Ленина — Сталина отстаивала артельную форму как столбовую дорогу массового колхозного движения.

* * *

Свыше 50 лет тому назад Ф. Энгельс писал А. Бебелю: «Что при переходе к коммунистическому хозяйству нам придется в широких размерах применять в качестве промежуточного звена кооперативное производство, — в этом Маркс и я никогда не сомневались. Дело должно быть поставлено так, чтобы общество — следовательно, на первое время государство — удержало за собой собственность на средства производства и, таким образом, частные интересы кооперативного товарищества не могли бы возобладать над интересами всего»

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 325.

² XVI съезд ВКП(б), Стенографический отчет, «Моск. Рабочий», 1931, стр. 731.

общества в целом»¹. Сельскохозяйственная артель, основывающаяся на земле, принадлежащей государству, при концентрации основных и решающих средств производства в руках предприятий последовательно-социалистического типа — МТС, при допущении небольшого личного, подсобного хозяйства колхозника, — есть та наилучшая форма, которая обеспечивает при правильном большевистском руководстве все большее укрепление и расширение социалистических основ производства и распределения. Вместе с тем, данная форма в наибольшей степени отвечает личным интересам колхозников. В этом сочетании личного и общественного, при подчинении личных интересов интересам общественным, заключается сила и жизненность артельной формы.

В условиях социалистического общества, где уничтожена поработаживающая власть капитала, правильно поняты личные интересы не находятся в антагонизме с интересами общества в целом. Напротив того. Только социализм создает все условия для наиболее многогранного удовлетворения личных запросов и потребностей членов социалистического общества; «...социализм не отрицает, а совмещает индивидуальные интересы с интересами коллектива. Социализм не может отвлекаться от индивидуальных интересов. Дать наиболее полное удовлетворение этим личным интересам может только социалистическое общество. Более того, — социалистическое общество представляет единственно прочную гарантию охраны интересов личности. В этом смысле непримиримого контраста между «индивидуализмом» и социализмом нет»².

Основу колхозного строя составляет общественная социалистическая собственность. Только на базе ее роста и процветания могут получить наиболее полное удовлетворение и личные, индивидуальные запросы и интересы членов колхоза. Труд, землепользование, все решающие средства производства в артели обобществлены. Крупное обобществленное хозяйство есть главное, решающее в артели. Оно является основой процветания колхозного строя, роста артельного богатства и социалистической зажиточности колхозного крестьянства. Но наряду с этим главным и решающим обобществленным хозяйством в артели допущено добавочное, личное хозяйство колхозника для удовлетворения потребительских нужд колхозника, которые не могут быть целиком удовлетворены за счет артельного хозяйства. Необходимость этого личного хозяйства, размеры которого ограничены рамками сталинского устава сельскохозяйственной артели, обуславливается недостаточным еще уровнем развития производительных сил колхозного строя, с одной стороны, и историческим прошлым колхозного крестьянства — с другой. Выступая на Комиссии Второго Всесоюзного съезда колхозников-ударников, товарищ Сталин говорил: «Если у вас в артели нет еще изобилия продуктов и вы не можете дать отдельным колхозникам, их семьям, все, что им нужно, то колхоз не может взять на себя, чтобы и общественные нужды удовлетворять и личные. Тогда лучше сказать прямо, что вот такая-то область работы — общественная, а такая-то — личная. Лучше допустить прямо, открыто и честно, что у колхозного двора должно быть свое личное хозяйство, небольшое, но личное. Лучше исходить из того, что есть артельное хозяйство, общественное, большое, крупное и решающее, необходимое для удовлетворения общественных нужд и есть наряду с ним небольшое личное хозяйство, необходимое для удовлетворения личных нужд колхозника. Коль скоро имеется

¹ Архив Маркса и Энгельса. Партиздат, 1932, т. I (VI), стр. 329.

² Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 602.

семья, дети, личные потребности и личные вкусы, то с этим нельзя не считаться».

Если личное хозяйство остается в рамках действительно добавочного и подсобного, если преимущественная доля труда колхозников вкладывается в артельное хозяйство, дающее неизмеримо больший эффект, растущее артельное богатство способно во все большей степени удовлетворять и личные потребности колхозников. При подлинно социалистическом отношении к труду, к делу укрепления и приумножения социалистической собственности артели личные интересы колхозника гармонически сочетаются с интересами колхоза в целом, с общенародными интересами; «...а) артель правильно сочетает личные, бытовые интересы колхозников с их общественными интересами, б) артель удачно приспособляет личные, бытовые интересы — к общественным интересам, облегчая тем самым воспитание вчерашних единоличников в духе коллективизма»¹.

Этот принцип правильного сочетания общественного и личного при подчинении личных интересов общественным является основой основ Сталинского устава сельскохозяйственной артели. Коренной недостаток подавляющего большинства сельскохозяйственных коммун заключался именно в том, что в них не был осуществлен принцип правильного сочетания личных и общественных интересов крестьянина. В коммунах обобществляются не только все средства производства, но и быт членов коммуны, которые лишаются права иметь в личном пользовании приусадебную землю, мелкий скот, птицу и т. д. При технической неразвитости такого рода коммун, при отсутствии у них возможности удовлетворить наиболее полно личные нужды членов артели, в коммуне на деле личные интересы крестьянина заглушались во имя мелкобуржуазной уравниловки.

Торжество сталинского учения о сельскохозяйственной артели как естественно правильной форме колхозного движения на данном этапе олицетворяется окончательно окрепшим, цветущим колхозным строем. Артель стала безраздельно господствующей формой колхозного хозяйства.

Стремительный рост социалистического сельского хозяйства, освобожденного от частнособственнических пут, и неоспоримые преимущества социалистической системы земледелия перед деградирующей капиталистической системой может иллюстрировать следующая таблица:

Среднегодовые темпы роста продукции основных отраслей сельского хозяйства

Показатели	СССР	США	Германия
	1932—1937 г.	1932—1935 г.	1932—1935 г.
Продукция пшеницы	+16,9	— 4,7	— 3,0
Продукция хлопка	+16,0	+ 0,1	—
Поголов е крупного рогатого скота	+ 9,3 ²	+ 0,7	+ 1,1
Поголовье свиней	+27,3 ²	— 4,5	+ 3,0
Размеры тракторного парка	+34,8	+ 4,4	+ 4,1 ³

Среднегодовые темпы роста валовой продукции сельского хозяйства СССР в условиях единоличного способа производства (1926—

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 581.

² 1932—1935 гг.

³ 1929—1935 гг.

1929 г.) составляли +0,9%, а в условиях социалистического способа производства + 8,6%. Это значит, что социалистическое сельское хозяйство движется вперед темпами, почти в 10 раз превышающими темпы единоличного крестьянского хозяйства. В то же время среднегодовые темпы роста валовой продукции сельского хозяйства США составили за десятилетие—с 1925 по 1935 г.—минус 0,5%. В Германии с установлением кровавой фашистской диктатуры сельское хозяйство вступило в полосу прямой деградации. Только за годы второй пятилетки валовая продукция сельского хозяйства СССР увеличилась с 13 до 20,1 млрд. руб. Урожайность зерновых культур к концу второй пятилетки составила по отношению к 1932 г. 164%, орошаемого хлопка — 214,5%, неорошаемого хлопка — 287,5%, сахарной свеклы — 428,8%, льна — 135,0%. Товарность колхозного производства по сравнению с единоличным хозяйством более чем утроилась.

На основе роста артельного богатства колхозное крестьянство становится все более зажиточным. Тысячи колхозов уже стали колхозами-миллионерами. Денежные доходы колхозов поднялись с 5,6 млрд. в 1933 г. до 14,1 млрд. руб. в 1937 г. В советской деревне развернулась настоящая культурная революция. В артели заложены колоссальные возможности дальнейшего роста производительности труда, приумножения социалистического богатства и на этой основе — подъема зажиточности и культуры колхозного крестьянства. Артель и впредь остается главной и единственно правильной формой колхозного движения. На третью пятилетку сохраняется в полной силе следующее указание товарища Сталина: «...мы должны держать курс не на коммуну, а на сельскохозяйственную артель, как главную форму колхозного строительства...»¹.

* * *

Характеризуя первую фазу коммунизма, Маркс в «Критике Готской программы» писал: «Мы имеем здесь дело не с таким коммунистическим обществом, которое развилось на своей собственной основе, а с таким, которое, наоборот, только что выходит как раз из капиталистического общества и которое поэтому во всех отношениях, в экономическом, нравственном и умственном, сохраняет еще родимые пятна старого общества, из недр которого оно вышло»². Товарищ Сталин, характеризуя диалектический метод, учил брать явления в их развитии, движении, видеть борьбу старого с новым. «Диалектический метод говорит, что жизнь нужно рассматривать именно так, как она в действительности существует. Жизнь находится в непрерывном движении, стало быть наш долг рассматривать жизнь в ее движении, в разрушении и созидании. Куда идет жизнь, что умирает и что рождается в жизни, что разрушается и что создается — вот вопросы, которые должны, в первую очередь, интересоваться нас»³. Всякое новое рождается в борьбе со старым. Причем старое не уходит мирно с исторической арены. Оно отстаивает свое право на жизнь, сопротивляется и, разлагаясь, действует на окружающую среду. Только оппортунисты могут рисовать дело таким образом, что раз даны колхозы, то можно предоставить дело естественному ходу вещей, развитие впредь пойдет самотеком, гладко, без борьбы и противоречий. Действительный ход общественного развития не имеет ничего общего с этой пошленькой схемой «героев» самотека.

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 333.

² Маркс, Критика Готской программы, Госполитгиздат, 1938, стр. 11—12.

³ Берия, К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье, Партиздат, 1933, стр. 63.

Рожденный в огне классовых боев новый колхозный строй утверждает свое господство в борьбе со старым. Коммунизм «...пр о и с х о д и т из капитализма, исторически развивается из капитализма, является результатом действий такой общественной силы, которая рождена капитализмом»¹. Качественно новый, социалистический колхозный строй долгий период носит на себе родимые пятна своего исторического происхождения. Остатки старого в новом живучи. Эти остатки старого не вытравлены еще целиком даже в наиболее передовой части советского общества — в рабочем классе. Они тем более живучи среди колхозного крестьянства, на котором висел груз частной собственности.

Колхоз есть хозяйство социалистического типа. Основу колхозного строя составляет социалистическая, колхозно-кооперативная собственность. Эта форма собственности имеет свои особенности, не коренным образом отличающие ее от собственности государственной, всенародной. Если в предприятиях последовательно социалистического типа обобществлены все средства производства, то в колхозах обобществлены основные и решающие средства производства. Известная часть средств производства (скот, мелкий инвентарь, постройки и пр.) остается в личной собственности колхозника. Хозяином всей продукции предприятий последовательно социалистического типа является социалистическое государство, т. е. весь советский народ; распорядителем всей продукции артели, за исключением той ее части, которая идет на выполнение обязательств перед государством, является артель, сами колхозники. В отличие от рабочего, колхозник имеет подсобное хозяйство на правах личной собственности. Источником его доходов является не только обобществленное социалистическое хозяйство, но и хозяйство личное. Наконец, колхозник является продавцом своей продукции на рынке. Все эти различия между двумя формами социалистической собственности характеризуют меньшую социалистическую зрелость колхозно-кооперативной собственности. Они показывают вместе с тем, что в артели существует еще материальная основа известного противоречия между общественным социалистическим хозяйством и хозяйством личным. Это противоречие, указывает товарищ Сталин, не носит характера непримиримого контраста между индивидуумом и коллективом, между интересами отдельной личности и интересами коллектива², но это противоречие реально существующее.

Товарищ Сталин учит не превращать артельную форму в икону, помнить, что решает дело содержание, которое будет влито в эту форму, что это содержание, в свою очередь, определяется всецело большевистским руководством колхозным строем. Ленинизм не фетишизирует артельную форму вообще. Партия борется за артельную форму с социалистическим содержанием, за такие артельные порядки, при которых облегчается решение задачи коммунистического воспитания колхозных масс, полного преодоления ими частнособственнических пережитков прошлого. В силу этого колхоз как хозяйство, которое может развиваться по социалистическому пути лишь при наличии планового руководства им со стороны социалистического государства, большевистской партии, увеличивает, а не уменьшает степень ответственности и заботу партии об укреплении социалистических основ производства и распределения в деревне.

¹ Ленин, Соч., т. XXI, стр. 428.

² Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 602.

В речи «О работе в деревне» на январском пленуме ЦК ВКП(б) в 1933 г., когда колхозный строй в деревне уже победил, товарищ Сталин со всей силой предупреждал о вредности настроений самоуспокоенности, об опасностях самотека в колхозном строительстве: «...переход к коллективному хозяйству, как преобладающей форме хозяйства, не уменьшает, а увеличивает наши заботы о сельском хозяйстве, не уменьшает, а увеличивает руководящую роль коммунистов в деле подъема сельского хозяйства. Самотек теперь больше чем когда-либо опасен для дела развития сельского хозяйства. Самотек теперь может погубить все дело».

Философия самотека глубоко чужда большевистскому руководству. Всепобеждающая сила большевистского руководства не только в том, чтобы знать все процессы, происходящие в колхозах. Этого еще мало. Руководить — это значит предвидеть. Нужно уметь распознавать в каждом новом зародышевом явлении тенденции его развития в будущем. Предупреждать о возможных опасностях. Поощрять и культивировать новое, коммунистическое. Устранять в зародыше те явления и тенденции, которые в своем развитии могут оказать серьезной помехой к дальнейшему движению вперед колхозного строя. «Мы не можем двигаться вперед, не зная, куда нужно двигаться, не зная цели движения... Без ясных перспектив, без ясных целей партия не может руководить строительством. Мы не можем жить по рецепту Бернштейна: «Движение — все, цель — ничто». Мы, наоборот, как революционеры, должны подчинять свое движение вперед, свою практическую работу — основной классовой цели пролетарского строительства. Без этого — в болото оппортунизма, неминуемо и безусловно»¹.

В чем существо внутренних противоречий в артели?

Известно, что крестьянин-единоличник, мелкий товаропроизводитель, двойственен по своей природе. «Он отчасти собственник, отчасти труженик. Он не эксплуатирует других представителей трудящихся. Ему десятилетия приходилось с величайшим трудом отстаивать свое положение, он испытал на себе эксплуатацию помещиков и капиталистов, он вынес все, и в то же время он — собственник»². Объясняя известные колебания середняцкого крестьянства, Ленин писал: «Крестьянин, как труженик, тянет к социализму, предпочитает диктатуру рабочих диктатуре буржуазии. Крестьянин, как продавец хлеба, тянет к буржуазии, к свободной торговле, т. е. назад к «привычному», старому, «исконному» капитализму»³.

Победа колхозного строя означает окончательное разрешение этого противоречия, преодоление этой двойственности мелкого товаропроизводителя, его колебаний между капиталистическим и социалистическим путями развития. Объединившись в колхозы и разгромив под руководством рабочего класса кулачество, крестьянство окончательно и бесповоротно стало под красное знамя социализма. Этот факт как нельзя лучше разоблачил и развеял в прах подлые кликушества троцкистской контрреволюции о неизбежности враждебного столкновения рабочего класса и крестьянства.

Но колхозному строю присущи свои, качественно иные противоречия, правильное предвидение и преодоление которых есть основа дальнейшего движения вперед по пути к коммунизму. Колхозный строй, который зиждется на общественной, социалистической собственности, допускает сосуществование главной и решающей с о ц и а-

¹ Доклад товарища Сталина на XV конференции ВКП(б), Стенограф. отчет, Гиз, 1927, стр. 452.

² Ленин, Соч., т. XXIV, стр. 164.

³ Там же, стр. 314.

личностной собственности и подчиненной, подсобной личной собственности. Между этими разными формами собственности есть не только известная связь, но и борьба. Отсюда ясно, что развитие артельной формы колхозного движения происходит путем преодоления присущих ей внутренних противоречий, выступающих прежде всего как противоречия между социалистической и личной собственностью, между личным и общественным. Это противоречие находит свои многообразные проявления то в форме нарушения социалистической дисциплины труда и уклонения некоторой части отдельных колхозников от общественного труда в артельном хозяйстве, то в форме торгашеских спекулятивных тенденций, то в форме попыток урвать у колхоза побольше себе во вред общим интересам, то в форме раздувания своего личного хозяйства.

Товарищ Сталин указывал на наличие этого противоречия и дал перспективу такого развития артельной формы, при котором это противоречие полностью преодолевается: вести курс на дальнейшую механизацию работ в сельскохозяйственной артели посредством МТС, повышать производительность колхозного труда, приумножать артельные богатства, удовлетворяя личные потребности колхозника во все более возрастающей степени, в прямой зависимости от количества и качества его работ в общественном хозяйстве. Таков путь создания будущей коммуны, рождающейся из развитой и зажиточной артели, когда обладание личной собственностью (приусадебным участком, скотом, огородом и пр.) теряет всякий смысл.

Враги социализма, враги колхозного крестьянства делали ставку на разжигание противоречия между личным и общественным в колхозах, пытаясь использовать эту щель для подрыва колхозного строя.

В свое время глашатаи право-кулацкой контрреволюции выбросили реставраторский лозунг «обогащайтесь», смысл и цель которого состояли в развязывании частнокапиталистической наживы, в расширении кулацкой эксплуатации деревни. Разоблачив реставраторско-белогвардейское содержание этого лозунга, партия Ленина — Сталина указала всему трудящемуся крестьянству единственно правильный путь для того, чтобы обрести зажиточную социалистическую жизнь — путь сплошной коллективизации и ликвидации кудачества как класса.

В годы развертывания сплошной коллективизации троцкистско-бухаринские наймиты бешено боролись против зарождающегося колхозного строя, уничтожавшего последние источники реставрации капитализма внутри страны. Но и эта ставка врагов, их попытки приостановить победное шествие нового строя в деревне, оказалась битой. Колхозный строй победил. Стало невозможно выступать открыто против колхозов. Все темные силы старого мира, остатки классов, разбитых революцией, избирают новую тактику — пролезать в колхозы, надевать фальшивую маску советских людей, с целью подрыва колхозов изнутри. Разлагая трудовую дисциплину, вредительствуя, враги колхозного крестьянства избирают в качестве одной из важнейших основ своей реставраторской деятельности — всемерное разжигание частнособственнических пережитков колхозников — вчерашних единоличников. Программа кулацкой контрреволюции состояла в том, чтобы раздувать личное, индивидуальное, приусадебное хозяйство, не беспокоясь о труде в хозяйстве артельном.

Вскрытые постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР грубейшие нарушения устава сельскохозяйственной артели идут по той же линии. Вот почему ЦК ВКП(б) и СНК СССР сурово осудив «как антипартийную и антигосударственную, практику районных и областных партийных и советских организаций, правлений колхозов и земельных

органов, допускающих нарушения устава сельхозартели...», постановили: «...секретари райкомов партии и председатели райисполкомов, а также другие партийные и советские работники, допускающие разбазаривание общественных колхозных земель и увеличение размеров приусадебных участков колхозников сверх предусмотренных уставом норм, будут подлежать снятию с постов, исключению из партии и отдаче под суд, как нарушители закона»¹.

* * *

В артели не завершается, а начинается процесс коммунистического перевоспитания колхозного крестьянства; «...придется еще много поработать над тем, чтобы переделать крестьянина-колхозника, выправить его индивидуалистическую психологию и сделать из него настоящего труженика социалистического общества»².

Колхозный строй, при неустанном внимании и заботе партии, вырастил уже миллионы передовиков социалистического сельского хозяйства, беспредельно преданных делу партии Ленина — Сталина, делу коммунизма, проявляющих подлинно коммунистическое отношение к труду, величайшую заботу о процветании общественной собственности. Но наряду с этим большинством в колхозах есть немало отсталых элементов. «Многие наши партийные и советские руководители, видимо, забыли, что в колхозах, наряду с громадным большинством честных тружеников, имеется известная часть колхозников, которая пытается урвать себе побольше, а колхозу дать поменьше, которая использует всякую возможность для того, чтобы, числясь колхозниками, пользуясь наравне с честными и добросовестными колхозниками колхозной землей, рабочим скотом, выпасами, кормами и т. д. уклоняться от работы в колхозах и пренебрегать общественным трудом, занимаясь раздуванием своего личного хозяйства»³. Вражеские элементы в колхозах умышленно насаждают и культивируют такого рода тенденции, подстрекая отсталых колхозников к разбазариванию социалистической собственности, противопоставляя личные интересы колхозника интересам общественным.

Как показывают отчетные данные колхозов за 1937 г., по Ярославской обл. в 1 036 колхозах, по Удмуртской ССР в 1 330 колхозах, по Ивановской обл. в 1 063 колхозах приусадебные участки колхозников превышали нормы, установленные уставом. В Винницкой области у 8 000 колхозных дворов находится в пользовании сверх нормы 1 488 га земли. В колхозе «Ясный путь», Жлобинского района, Гомельской области, бригадир Ходоренко до последнего времени пользовался одновременно тремя приусадебными участками, два из которых были противозаконно отведены для сестер Ходоренко, никогда не работавших в колхозе. В отдельных случаях руководители местных партийных и советских органов, председатели колхозов и сельсоветов не только не принимали мер к ограждению общественных земель колхозов — этого основного источника силы и крепости колхозного строя — от посягательств частнособственнических элементов, но и сами выступали инициаторами нарушений законов социалистического государства о земле. В Лозовском районе, Харьковской области,

¹ Из постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 27 мая 1939 г. «О мерах охраны общественных земель от разбазаривания», «Правда» от 28 мая 1939 г.

² Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 313.

³ Из постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 27 мая 1939 г. «О мерах охраны общественных земель от разбазаривания».

вскрыто 16 случаев сдачи колхозной земли в аренду. В колхозе «Заповіт Ленина», Балаклейского района, например, председатель колхоза сдал в аренду единоличникам 270 га луговой земли. Колхоз «Червона вийськова», Синельниковского района, Днепропетровской области, получил за сданную в аренду землю 13 200 руб.

Другая разновидность нарушений устава сельхозартели идет по линии раздувания количества скота, находящегося в личной собственности колхозника. В колхозе им. Кирова, Селидовского района, Сталинской обл. УССР, 30 колхозников имеют по 2—3 коровы, в то время как уставом для этого района разрешено иметь одну корову. В Белопопольском районе, Харьковской обл., немало колхозников имеют по целой отаре овец, доходящей иногда до 25 голов против уставной нормы — до 10 голов овец. В Верхошижемском районе, Кировской обл., председатель Высоковского колхоза имеет в личном пользовании 16 голов скота, а «ферма» этого колхоза состоит всего из 3 голов крупного рогатого скота.

Пользуясь попустительством местных руководящих работников, колхозники кое-где начали приобретать в личную собственность даже лошадей. В Джулинском районе, Винницкой обл., в 1938 г. 10 колхозных дворов приобрели лошадей; в Белопопольском районе, Харьковской обл., 24 колхозных двора обзавелись лошадьми. Председатель колхоза «Победа» Кононовского сельсовета (Смоленская обл.) распродал колхозных лошадей членам артели.

«Все эти и тому подобные факты нарушения устава сельхозартели и раздувания личного хозяйства колхозников приводят к тому, что приусадебное хозяйство теряет характер подсобного хозяйства и превращается иногда в основной источник дохода колхозника»¹. «Колхозница» Блинова из колхоза им. Димитрова (Озерский район, Моск. обл.) выработала в 1937 г. в колхозе 30 трудодней, за 5 месяцев 1939 г. — 12 трудодней, а в своем личном хозяйстве только за счет продажи продукции сада получила за год доход в 6 000 руб. В колхозе им. Димитрова (Мичуринского района, Тамбовской обл.) «колхозник» Зубцов и его жена за 3 года пребывания в колхозе не выработали ни одного трудодня. В своем личном хозяйстве Зубцов имеет корову, овец, огород, лошадь. Весной текущего года Зубцов обрабатывал этой лошадью огороды единоличников, спекулировал и за счет спекулятивной наживы обзавелся новым домом. Такие фиктивные колхозники наносят огромный вред артельному хозяйству и вызывают негодование честно работающих колхозников.

Глубочайший революционный переворот в деревне — сплошная коллективизация — подорвал в корне вековые индивидуалистические привычки крестьянина. За десятилетие, истекшее со времени года великого перелома крестьянство прошло в колхозах замечательную школу двух сталинских пятилеток. Подавляющее большинство колхозного крестьянства прочно связало свою жизнь и работу с колхозным строем, честно и самоотверженно работает над укреплением артельного хозяйства, приумножая общественную социалистическую собственность и видя в ней единственно прочный источник подъема материального благосостояния, личного благополучия и счастья. Основную и главную часть своего труда честные колхозники отдают артельному хозяйству. Десятки миллионов колхозников стали подлинными энтузиастами социалистического труда. Тон в колхозах задает именно это большинство честных тружеников социалистической деревни, для которых колхозный строй открыл путь в настоящую социалистическую жизнь, полную мате-

¹ Из постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 27 мая 1939 г. «О мерах охраны общественных земель от разбазаривания».

риального изобилия и культурных благ. Трудовая активность колхозников растет из года в год, о чем могут свидетельствовать следующие данные годовых отчетов колхозов по СССР:

	1936 г.	1937 г.
Выработано в среднем на 1 колхоз (в тыс. трудодней) . . .	29,2	32,8
Выработано в среднем на 1 наличный двор (в трудоднях).	393	433

Из года в год сокращается количество колхозников, выработавших до 100 трудодней, и возрастают группы с высокой трудовой активностью.

Так обстоит дело с подавляющим большинством колхозников. Но этого мало. На приеме делегации колхозников Днепропетровской обл. товарищ Сталин говорил: «...если все колхозники,—все, а не только большинство,—будут работать честно,—колхозы завалятся продуктами, они завалятся всяким добром, и наша страна станет самой богатой страной в мире»¹.

Но наряду с этим большинством в колхозе есть меньшинство, не освободившееся еще от старых традиций мелких собственников. Это — колхозники, которые или вовсе не работают в колхозах или работают «для близиру», «...которым нет дела не только до интересов государства, но и до интересов своего колхоза, которые думают только о том, чтобы урвать для себя побольше и у государства и у колхоза»². Это — лодыри и дармоеды, уклоняющиеся от работы в социалистическом хозяйстве и предпочитающие честному труду легкую наживу, частнособственническое обогащение. О философии этих лодырей говорил товарищ Сталин на 1-м Всесоюзном съезде колхозников-ударников: «Иногда говорят: ежели социализм,—зачем еще трудиться? Трудились раньше, трудимся теперь,—не пора ли перестать трудиться? Такие речи в корне неправильны, товарищи. Это философия лодырей, а не честных тружеников. Социализм вовсе не отрицает труд. Наоборот, социализм строится на труде. Социализм и труд неотделимы друг от друга... Социализм требует не лодырничанья, а того, чтобы все люди трудились честно, трудились не на других, не на богачей и эксплуататоров, а на себя, на общество. И если мы будем трудиться честно, трудиться на себя, на свои колхозы,—то мы добьемся того, что в какие-нибудь 2—3 года поднимем всех колхозников, и бывших бедняков, и бывших середняков, до уровня зажиточных, до уровня людей, пользующихся обилием продуктов и ведущих вполне культурную жизнь»³.

Годовые отчеты колхозов показывают, что в 1937 г. не выработали ни одного трудодня в колхозах Дагестанской АССР — 23,5%, Рязанской обл. — 25,1% колхозников. А вместе с тем в той же Рязанской обл., нарушая устав, привлекали со стороны тысячи людей для работы в колхозе; на полевые работы было привлечено 1 290 человек, на строительство — 1 002 человека, на работу в подсобных предприятиях — 1 019 человек, на прочие работы — 921 человек, в качестве служащих — 1 003 человека.

Мнимые колхозники дезорганизуют честных колхозников, подрывают трудовую дисциплину, тормозят рост производительности общественного труда в колхозах, мешают дальнейшему росту доходности и зажиточности колхозов. Они создают искусственную нехватку рабочей силы в колхозах. Между тем, колхозная деревня

¹ Колхозники на приеме у товарища Сталина, Партиздат, 1934, стр. 10.

² Молотов, Третий пятилетний план развития народного хозяйства СССР. Доклад и заключительное слово на XVIII съезде ВКП(б), стр. 12.

³ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 533.

располагает достаточными трудовыми ресурсами не только для удовлетворения собственных нужд, но и для покрытия спроса на рабочую силу в социалистической промышленности, для переселения в многоземельные районы СССР, испытывающие действительную нужду в рабочей силе.

Какие колоссальные потери несет колхозное крестьянство и все социалистическое общество в результате уклонения известной части, меньшинства колхозников, от общественного труда в социалистическом хозяйстве и противопоставления своих личных интересов общественным интересам, можно иллюстрировать следующими ориентировочными подсчетами. Если бы все колхозники Джулинского района, Винницкой обл., не давшие ни одного трудодня и выработавшие до 50 трудодней, выработали в колхозе только по 80 трудодней, то в переводе на продукты это означало бы получение по одному району дополнительно 147 901 пуд. зерна и 466 332 пуд. свеклы, а при выработке по 200 трудодней это означало бы получение дополнительно 545 840 пуд. зерна и 1 720 506 пуд. свеклы.

Постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания» дана целостная программа мероприятий по ликвидации извращений устава сельхозартели, по дальнейшему подъему всего колхозного производства. Установлен определенный порядок в области колхозного землепользования. Введена строжайшая ответственность всех советских, партийных руководителей и колхозников за точное выполнение законов социалистического государства о земле. Установлен обязательный минимум трудодней для каждого колхозника (от 60 до 100 трудодней для различных зон Советского Союза). Невыполнение этого минимума членами артели дает право колхозу считать их выбывшими из колхоза. Дан действенный план наиболее рационального использования труда в колхозах, в частности путем переселения колхозников из районов с избыточными трудовыми ресурсами в многоземельные районы, испытывающие нехватку рабочих рук (Поволжье, Омская обл., Челябинская обл., Алтайский край, Казахстан, Дальний Восток и т. д.).

Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР — это программа укрепления и развития священной и неприкосновенной основы колхозного строя — социалистической собственности, программа дальнейшего расцвета колхозного строя. Постановление встречено с огромным воодушевлением всей передовой частью, подавляющим большинством колхозного крестьянства. Оно вызвало новый подъем производственной активности колхозников. Оно послужит могучим рычагом большевистского осуществления устава сельхозартели. «Устав — это высший закон, основной закон построения нового общества в деревне». (Сталин). Социалистическое государство не может позволить нарушать его в угоду рваческим, частнособственническим элементам в колхозах.

* * *

За истекшее десятилетие с года великого перелома сельскохозяйственная артель в корне преобразилась. «Мануфактурный период» в развитии колхозного движения, когда артель базировалась на простейших крестьянских орудиях и средствах производства, давно пройден. Благодаря победе сталинского плана социалистической индустриализации страны современная артель оснащена самой передовой в мире техникой. 495 тыс. тракторов, 127 тыс. комбайнов, 83 тыс. сложных молотилок, 405 тыс. тракторных плугов, 178 тыс. тракторных зерновых сеялок и сотни тысяч других перво-

классных механизмов — таково техническое оснащение современной артели. Эти механизмы сосредоточены в 6350 МТС, посредством которых Советское государство осуществляет техническое перевооружение, организационно-хозяйственное и политическое укрепление колхозов. В колхозах создана мощная сеть крупных животноводческих предприятий — колхозно-товарных ферм. Артель все больше обрастает культурно-бытовыми учреждениями. На 1/1 1938 г. в колхозах имелось 54 118 клубов, 19 326 изб-читален, 64 550 красных уголков, 74 922 детских яслей, 12 363 хат-лабораторий, 5 209 родильных домов и т. д. Нынешняя артель способна чем дальше, тем в большей мере удовлетворять и общественные и личные потребности колхозников. Колхозы становятся все более зажиточными. Остатки на текущих счетах колхозов в Госбанке СССР составляли: на 1/1 1933 г. — 298,3 млн. руб., на 1/1 1936 г. — 1 004,3 млн. руб., а на 1/1 1939 г. — 2 519,2 млн. руб. Там, где личные интересы колхозников не противопоставляются общественным, где проявляется повседневная забота об охране и приумножении социалистической собственности, где осуществляется действительно большевистское руководство колхозами, там крепнет и процветает артель и на базе общественной собственности растет зажиточность колхозников, правильно развивается личное хозяйство членов артели, все более полно и удовлетворяются личные нужды и запросы колхозников. Валовой доход колхоза им. Папанина, Наурского района, Орджоникидзевской обл., в 1938 г. превысил 6 млн. руб. В колхозе им. Сталина, Янш-Курганского района (Узбекская ССР), колхозник т. Тишабай Касимов за последние 3 года получил от колхоза на трудодни только деньгами 70 000 руб. Такого рода примеров можно привести немало.

XVIII съезд ВКП(б) дал целостную программу дальнейшего укрепления и развития колхозного строя: «В колхозном строительстве задачи заключаются в дальнейшем всемерном организационно-хозяйственном укреплении сельскохозяйственной артели, в развитии и укреплении общественной собственности колхоза, в развитии колхозных животноводческих ферм, общественных построек, общественных страховых фондов и других видов колхозной собственности, что является основой дальнейшего подъема сельского хозяйства и материально-культурного уровня жизни колхозного крестьянства. В соответствии с этим необходимо усилить борьбу с нарушениями Устава сельскохозяйственной артели, не допускать незаконного расширения приусадебного хозяйства, приусадебных земельных участков и скота у отдельных колхозников, что ведет к нарушению интересов колхоза, мешает укреплению колхозной дисциплины».

Общественная социалистическая собственность — единственно прочная основа и могучий источник роста зажиточности колхозного крестьянства.

На XVIII съезде ВКП(б) тов. Андреев говорил: «Правильное сочетание личных интересов и общественных в колхозах остается основой колхозного строя, но личное хозяйство колхозных дворов должно все более носить узко-подсобный характер, а общеколхозное — возрастать как основное»¹.

При таком сочетании личного и общественного будет обеспечен дальнейший расцвет колхозного строя.

¹ Андреев, Речь на XVIII съезде ВКП(б), стр. 33.

А. КУРСКИЙ

КАНДИДАТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК

Промышленность СССР в третьей пятилетке

Развитие социалистической промышленности, создание мощной тяжелой индустрии явилось основой осуществления ленинско-сталинского плана построения социализма в СССР. В результате борьбы партии за социалистическую индустриализацию страны и осуществление программы реконструкции народного хозяйства наша промышленность превратилась в гигантскую силу в народном хозяйстве СССР.

Социалистическая система хозяйства является единственной системой в промышленности СССР; «...социалистическая система хозяйства дала нам возможность в несколько лет переоборудовать всю нашу социалистическую промышленность на новой, современной технической базе. Такой возможности не дает и не может дать капиталистическая система хозяйства»¹.

В итоге двух пятилеток коренным образом обновился производственный аппарат промышленности. Новая техника современной крупной индустрии стала преобладающей во всех отраслях промышленности. Вновь построенные и полностью реконструированные заводы дали в 1937 г. свыше 80% всей продукции промышленности.

В результате успешного выполнения первой и второй пятилеток промышленность СССР имеет самый новый в мире и технически передовой производственный аппарат. В то время как в США возраст основной части силового, металлообрабатывающего и технологического оборудования превышает 10 лет, в промышленности СССР подавляющая часть оборудования установлена на протяжении первой и второй пятилеток. «Это факт, что с точки зрения техники производства, с точки зрения объема насыщенности промышленного производства новой техникой, наша промышленность стоит на первом месте в мире»².

Осуществление задачи завершения технической реконструкции промышленности во втором пятилетии потребовало упорной борьбы за освоение новой техники. Успехи в ее освоении получили свое ярчайшее выражение в стахановском движении, которое явилось результатом всего нашего развития на путях к коммунизму и которое возникло и впервые широко развернулось в социалистической промышленности.

В результате стахановского движения задание по производительности труда, установленное вторым пятилетним планом, в промышленности перевыполнено в 1937 г.: вместо намечавшегося повышения на 63% производительность труда в промышленности выросла на

¹ Сталин, Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б), стр. 20—21.

² Там же, стр. 21.

82%. Рост производительности труда явился во второй пятилетке основным источником увеличения продукции промышленности. Из общего прироста продукции промышленности за второе пятилетие прирост за счет производительности труда составил около 60%.

Осуществление технической реконструкции промышленности и освоение новой техники во второй пятилетке было неразрывно связано с созданием кадров собственной технической интеллигенции из рабочих и крестьян и с решительным поднятием культурного уровня всей массы трудящихся. Выпуск инженеров промышленности и строительства за годы второй пятилетки составил 107,4 тыс. человек. За период второй пятилетки подготовлено в школах ФЗУ, 1,4 млн. квалифицированных рабочих. Проведена огромная работа по обязательному обучению рабочих техминимуму. Начавшийся культурно-технический подъем рабочего класса до уровня работников инженерно-технического труда — это путь к уничтожению противоположности между умственным и физическим трудом, путь к достижению такого уровня производительности труда, который необходим для перехода от социализма к коммунизму.

По темпам развития промышленности СССР стоит на первом месте в мире. Вторая пятилетка выполнена промышленностью досрочно, к 1 апреля 1937 г., т. е. в 4 года и 3 месяца. Продукция всей промышленности составила в 1937 г. 95,5 млрд. руб. при задании второго пятилетнего плана на 1937 г. в 92,7 млрд. руб. В то время как в основных капиталистических странах промышленность продолжает топтаться вокруг довоенного уровня, в СССР она выросла в 1937 г. по сравнению с довоенным уровнем более чем в 8 раз.

В итоге первой и второй пятилеток ярчайшим образом выявились преимущества социалистической промышленности перед капиталистической. Развиваясь рекордными темпами, промышленность СССР по общему объему производства заняла первое место в Европе и второе — в мире, в то время как в 1913 г. промышленность России по валовой продукции находилась на пятом месте в мире.

В небывало короткий срок осуществлена подлинная техническая революция в нашей промышленности, ставшей по уровню техники производства впереди любой капиталистической страны Европы. «Ввиду того, однако, что в прошлом наша страна была крайне отсталой в экономическом отношении, уровень развития промышленности СССР в смысле размеров производства на душу населения и теперь еще значительно ниже наиболее развитых в технико-экономическом отношении капиталистических стран Европы и США»¹.

Так, например, в 1913 г. выплавка чугуна на душу населения была в России в 11 раз меньше, чем в США, в 8 раз меньше, чем в Англии, в 8 раз меньше, чем в Германии, и в 4 раза меньше, чем во Франции. В 1937 г. это отставание резко уменьшилось, но все же к концу второй пятилетки на душу населения приходилось чугуна в 3 раза меньше, чем в США, в 2,5 раза меньше, чем в Германии, и более чем в 2 раза меньше, чем в Англии и Франции. Промышленность СССР серьезно отстает от развитых в технико-экономическом отношении капиталистических стран и в производстве других видов продукции.

Товарищ Сталин указывал, что экономическая мощь промышленности выражается не в объеме промышленной продукции вообще, а в объеме промышленной продукции, взятом в его прямой свя-

¹ Третий пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1938—1942 гг.). Резолюция XVIII съезда ВКП(б) по докладу тов. В. Молотова, см. Резолюция XVIII съезда ВКП(б), стр. 11—12.

зи с размерами потребления этой продукции на душу населения. «Мы перегнали главные капиталистические страны в смысле техники производства и темпов развития промышленности. Это очень хорошо. Но этого мало. Нужно перегнать их также в экономическом отношении. Мы это можем сделать, и мы это должны сделать. Только в том случае, если перегоним экономически главные капиталистические страны, мы можем рассчитывать, что наша страна будет полностью насыщена предметами потребления, у нас будет изобилие продуктов, и мы получим возможность сделать переход от первой фазы коммунизма ко второй его фазе»¹.

* * *

В осуществлении в течение ближайших 10—15 лет основной экономической задачи СССР — догнать и перегнать в экономическом отношении наиболее развитые капиталистические страны Европы и США — ведущая роль принадлежит промышленности и, прежде всего, тяжелой индустрии с ее сердцевинной — машиностроением. «Третий пятилетний план является продолжением второй и первой пятилетки. В его основе лежит дальнейшее развитие той же генеральной большевистской линии. В нем последовательно проводится линия на дальнейшую индустриализацию СССР, которая является основой наших прежних хозяйственных успехов и залогом дальнейшего, еще более мощного подъема народного хозяйства»².

Третий пятилетний план намечает огромное возрастание объема промышленного производства при более быстрых темпах производства средств производства.

На третью пятилетку установлен следующий план роста промышленного производства и соотношение в развитии его основных подразделений:

	1937 г.	1942 г.	% роста
Валовая продукция всей промышленности (в ценах 1926/27 г.) в млрд. руб.	95,5	184,0	192
Производство средств производства (гр. «А») в млрд. руб.	55,2	114,5	207
Производство предметов потребления (гр. «Б») в млрд. руб.	40,3	69,5	172
Удельный вес группы «А» в %	57,8	62,2	—
Удельный вес группы «Б» в %	42,2	37,8	—

Объем продукции промышленности СССР в итоге третьей пятилетки превысит объем промышленной продукции довоенной России больше чем в 15 раз. Прирост промышленной продукции за годы третьей пятилетки составит 88,5 млрд. руб., что значительно превышает прирост за первую и вторую пятилетки.

Повышение удельного веса группы «А» в продукции всей промышленности с 57,8% в 1937 г. до 62,2% в 1942 г. соответствует осуществлению основной экономической задачи СССР. Такое соотношение в темпах роста производства средств производства и производства предметов потребления позволит обеспечить рост народного потреб-

¹ Сталин, Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б), стр. 23.

² Молотов, Третий пятилетний план развития народного хозяйства СССР. Доклад и заключительное слово на XVIII съезде ВКП(б), стр. 19.

ления более чем в полтора раза и будет означать «...новый крупнейший шаг вперед в создании мощной материальной базы для последующего развития производительных сил, благосостояния и культуры социалистического общества в СССР»¹.

Необходимость дальнейшего внедрения передовой техники во все отрасли народного хозяйства и рост обороны СССР в соответствии с современными требованиями государства требуют, чтобы в третьей пятилетке были достигнуты более высокие темпы развития машиностроения, электроэнергетики, химической промышленности и качественной металлургии по сравнению с общими темпами роста всей промышленности. Эти ведущие звенья развития промышленности и всего народного хозяйства должны быть в третьей пятилетке резко выдвинуты вперед.

О крупных структурных изменениях в промышленности, намечаемых третьим пятилетним планом, говорит следующая таблица:

	1937 г.	1942 г.	% роста
Валовая продукция всей промышленности (в ценах 1926/27 г.) в млрд. руб.	95,5	184	192
Машиностроение и металлообработка в млрд. руб.	27,5	63	229
Химическая промышленность в млрд. руб.	5,9	14	237
Выработка электроэнергии в млрд. квтч	36,4	75	206
Качественный прокат в млн. т	2,5	5	199

На основе крупных структурных изменений в промышленности в третьей пятилетке возрастает в огромной мере реконструирующее воздействие тяжелой индустрии на все отрасли народного хозяйства.

В первой пятилетке тяжелая промышленность реконструировала себя самое, прежде всего машиностроение, и обеспечила развертывание технической реконструкции народного хозяйства. На основе производственной смычки социалистической индустрии с сельским хозяйством была достигнута победа социализма в сельском хозяйстве.

Во второй пятилетке тяжелая промышленность, укрепляя ведущую роль машиностроения и подтягивая топливно-энергетическую и металлургическую базу промышленности, обеспечила в еще более широких масштабах производственное снабжение сельского хозяйства, легкой и особенно пищевой промышленности, решительно повернулась к обслуживанию железнодорожного транспорта. Огромных успехов добилась тяжелая промышленность в деле укрепления обороноспособности Советского Союза. При этом, в отличие от первой пятилетки, реконструкция всех отраслей народного хозяйства во второй пятилетке осуществлена силами тяжелой индустрии СССР при незначительном импорте. За годы второй пятилетки прекращен импорт сельскохозяйственных машин и тракторов, паровозов, вагонов, врубных машин, удобрителей, целлюлозы, бумаги и ряда других промышленных товаров, на ввоз которых раньше тратились десятки и сотни миллионов рублей.

В третьей пятилетке тяжелая промышленность, развертывая высокими темпами машиностроение, качественную металлургию и химическую промышленность, должна форсированно развивать топливно-энергетические отрасли, лесную промышленность, производство

¹ Резолюция XVIII съезда ВКП(б) по докладу тов. В. Молотова, см. Резолюции XVIII съезда ВКП(б), стр. 32.

стройматериалов, обеспечивая первоочередное удовлетворение их производственных нужд.

В производственном снабжении других отраслей народного хозяйства тяжелая промышленность должна осуществить поворот прежде всего к легкой промышленности, строительству, водному транспорту, повысить уровень механизации производства технических культур и животноводства в сельском хозяйстве. Вместе с тем крупнейшей задачей тяжелой индустрии в третьей пятилетке является первоочередное удовлетворение нужд обороны и создание крупных государственных резервов. «Гигантский рост промышленности и всего народного хозяйства в третьей пятилетке и необходимость обеспечения его дальнейшего бесперебойного подъема в соответствии с общегосударственным планом, особенно в условиях нарастания агрессивных сил империализма во внешнем окружении СССР, требуют создания крупных государственных резервов, прежде всего, по топливу, электроэнергии и некоторым оборонным производствам, а также по развитию транспорта, с правильным размещением по соответствующим районам страны, устранением непроизводительных и дальних перевозок и обеспечением основных экономических очагов страны максимальным количеством ресурсов на месте»¹.

Наряду с неприкосновенными государственными резервами в третьей пятилетке должны быть созданы хозяйственные запасы сырья и топлива для бесперебойной работы различных отраслей производства, особенно запасы топлива на электростанциях и железных дорогах.

* * *

Осуществление социалистической промышленностью своей ведущей роли в реконструкции народного хозяйства СССР опирается на развитие машиностроения. Говоря о задаче промышленности в реконструкции на новой технической базе всего народного хозяйства, товарищ Сталин подчеркивал, что промышленность «...может выполнять эту задачу лишь в том случае, если машиностроение — основной рычаг реконструкции народного хозяйства — займет в ней преобладающее место»². Характеризуя подъем социалистической промышленности, товарищ Сталин указывал на XVII съезде ВКП(б), что «промышленность наша развивается на здоровой основе, а ключ реконструкции — машиностроение — целиком в наших руках. Необходимо только, чтобы он был использован умело, рационально»³.

В итоге первой и второй пятилеток удельный вес машиностроения и металлообработки в продукции всей промышленности возрос до 28,8%. Валовая продукция машиностроения и металлообработки достигнет в 1942 г. 63 млрд. руб., что составит 34,2% продукции всей промышленности СССР. Машиностроение является огромной силой, обеспечивающей все возрастающие масштабы технического вооружения всего народного хозяйства СССР.

Во второй пятилетке орудия и средства производства, направляемые в народное хозяйство, составили свыше 50% действующих орудий производства. Так, например, из наличного парка металлорежущих станков в народном хозяйстве на начало третьей пятилетки больше 50% было произведено за годы второй пятилетки. Свыше

¹ Резолюция XVIII съезда ВКП(б) по докладу тов. В. Молотова, см. Резолюция XVIII съезда ВКП(б), стр. 13.

² Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 556.

³ Там же, стр. 557.

60% парка врубовых машин произведено за годы второй пятилетки. Советское машиностроение дало во второй пятилетке около 90% всех действующих в сельском хозяйстве тракторов и комбайнов. В третьей пятилетке должен быть достигнут дальнейший значительный рост технического вооружения всех отраслей народного хозяйства. Вместе с тем стоит задача: преодолеть отставание в техническом отношении отдельных отраслей и участков.

В третьей пятилетке необходимо увеличить продукцию станкостроения и расширить ассортимент станков, повысить удельный вес высокопроизводительных и специальных станков. Должно быть преодолено относительное отставание энергетического машиностроения от все растущих потребностей народного хозяйства. Резко усилится производство оборудования для легкой промышленности; будет завершена комплексная механизация трудоемких отраслей, а также сельскохозяйственного производства. В третьей пятилетке предстоит осуществить дальнейшую глубокую реконструкцию железнодорожного и водного транспорта. Все это в огромной мере увеличивает объем машиноснабжения народного хозяйства СССР. При этом, как подчеркивал на XVIII съезде ВКП(б) т. Молотов, нам нужно не всякое машиностроение, «нам нужно развитие передового машиностроения, стоящего в полной мере на уровне главных достижений мировой техники»¹.

Масштабы роста технического вооружения народного хозяйства СССР характеризуются следующими данными:

Виды оборудования	Единица измерения	Парк оборудов. на 1/1 1933 г.	Выпуск за годы третьей пятилетки	Отношение выпуска к парку на начало 3-й пятилетки (в %)
Металлорежущие станки	тыс. штук	380	270	71
Автомобили	» »	570	1 390	244
Тракторы в сельском хозяйстве	тыс. л. с.	8 385	5 527	66
Комбайны	тыс. штук	129	140	109
Экскаваторы	штук	1 939	3 525	180
Веретена	тыс. штук	8 718	4 203	48
Ткацкие станки	» »	233	45,5	20

Огромное значение в осуществлении основной экономической задачи СССР будет иметь в третьей пятилетке развитие металлургической базы народного хозяйства. «Форсированное развитие машиностроения неразрывно связано с новым еще более мощным подъемом, во-первых, черной металлургии: чугун, сталь, прокат, качественные стали; во-вторых, цветной металлургии: медь, алюминий, цинк, свинец, никель и другие цветные металлы»².

Потребление проката тяжелой промышленностью (включая машиностроение), составляющее около 70% всего металлопотребления страны, увеличится в 1942 г. примерно на 65%. Вместе с тем значительно возрастет потребление проката на нужды капитального строительства: за годы третьей пятилетки общий объем потребления

¹ Молотов, Третий пятилетний план развития народного хозяйства СССР. Доклад и заключительное слово на XVIII съезде ВКП(б), стр. 24.

² Там же, стр. 23.

проката для строительства увеличится по сравнению со второй пятилеткой более чем на 80%.

Третья пятилетка — пятилетка специальных сталей. В соответствии с этим при росте всего производства проката в 1942 г. на 62% производство качественного проката должно удвоиться; удельный вес его в общем производстве проката повысится с 19,3% до 24%.

Третий пятилетний план намечает резкое увеличение выпуска специальных сталей: твердых сплавов, нержавеющей, кислото- и жароупорных, инструментальных, прецизионных, трансформаторных, а также ферросплавов.

Крупнейшей задачей третьей пятилетки является рост электроснабжения народного хозяйства. Электрификация — неотъемлемый элемент создания материально-технической базы коммунизма. В итоге второй пятилетки была построена новая энергетическая база, обеспечившая завершение в основном реконструкции народного хозяйства СССР. Однако в результате вредительства шпионо-троцкистско-бухаринских агентов фашизма мы имеем частичную диспропорцию между ростом промышленности и увеличением мощностей электростанций. Задачей третьей пятилетки является ликвидация этой диспропорции и достижение такого роста электростанций, который не только опережал бы рост промышленности, но и обеспечивал создание необходимых резервов электрических мощностей.

При увеличении валовой продукции всей промышленности в 1942 г. против 1937 г. на 92%, выработка электроэнергии должна увеличиться на 106%, а мощности электростанций — на 112%.

Электроснабжение народного хозяйства в третьей пятилетке опирается на значительное увеличение выработки районных электростанций. При этом должны повыситься темпы роста выработки промышленных станций, удельный вес которых в общем производстве электроэнергии возрастает с 24,6% в 1937 г. до 36,3% в 1942 г.

В третьей пятилетке должен быть достигнут такой подъем топливной базы, который обеспечит растущие нужды народного хозяйства и позволит создать хозяйственные запасы и государственные резервы топлива. Рост топливной базы СССР основывается в третьем пятилетии на всемерном развитии угольной промышленности, а также местных видов топлива и газов, повышающих свой удельный вес в топливном балансе страны. При росте добычи всех видов топлива в третьей пятилетке на 76% потребление его в промышленности (с учетом экономии) должно увеличиться в 1942 г. на 60%, на транспорте — на 35%. Это позволяет создать необходимые запасы и резервы топлива.

В третьем пятилетии должен быть обеспечен широкий размах химизации народного хозяйства. Третья пятилетка — пятилетка химии. «В социалистическом обществе химия должна занимать исключительно большое место. Химия плюс электрификация — это та техническая база, на основе которой социализм показывает и еще больше покажет в дальнейшем свои преимущества перед капитализмом. Химию мы будем всемерно развивать. В третьей пятилетке химия займет значительно большее место, чем это было в первых двух»¹.

Химическая промышленность СССР должна увеличить в третьем пятилетии свою продукцию в 2,3 раза и превратиться в одну из ведущих отраслей, полностью удовлетворяющих потребности народного хозяйства и обороны страны.

¹ Л. Каганович, Речь на Всесоюзном совещании работников химической промышленности НКТП, «Правда» от 8/V 1938 г.

* * *

Поставленная в третьей пятилетке задача — поднять народное потребление в полтора-два раза — наряду с усиленным подъемом тяжелой и оборонной индустрии требует всемерного развертывания производства предметов широкого потребления и пищевых продуктов. Товарищ Сталин указывал, что «...социализм может победить только на базе высокой производительности труда, более высокой, чем при капитализме, на базе изобилия продуктов и всякого рода предметов потребления, на базе зажиточной и культурной жизни всех членов общества»¹.

Осуществление технической реконструкции социалистического сельского хозяйства, рост кадров, успехи в освоении новой техники, дальнейшее организационно-хозяйственное укрепление колхозов и совхозов — все это создает в третьем пятилетии основу для быстрого подъема сельскохозяйственного производства, снабжающего сырьем легкую и пищевую промышленность. Значительное возрастание ресурсов сельскохозяйственного сырья выдвигает задачу: увеличить производственные мощности отраслей легкой и пищевой промышленности.

Крупным источником роста производственных мощностей в легкой промышленности явится ликвидация созданных вредителями диспропорций между отдельными производствами и отраслями. Например, в хлопчатобумажной промышленности должны быть ликвидированы имеющиеся диспропорции между отстающим прядением и ткачеством, между приготовительными и прядильными отделами; в обувной промышленности необходимо ликвидировать отставание кожевенного производства от обувного, дубильно-экстрактного — от кожевенного.

Наряду с вводом новых мощностей в третьей пятилетке намечается повышение использования оборудования в легкой промышленности, особенно по отстающим в настоящее время производствам. Так, использование оборудования в хлопкопрядении увеличивается на 12%, в хлопчаткачестве — на 9,6%, в льнопрядении — на 17%, в льноткачестве на 8,5%.

Рост в третьей пятилетке ресурсов сырья и производственных мощностей позволяет увеличить в 1942 г. объем производства предметов потребления в 1,7 раза против 1937 г. В 1942 г. должно быть произведено 4 900 млн. м хлопчатобумажных тканей (рост на 42%), 177 млн. м шерстяных тканей (рост на 67%), 258 млн. пар кожаной обуви (рост на 43%), 3 500 тыс. т сахара-песку (рост на 44%), 1 800 млн. банок консервов (рост на 106%) и значительно увеличен выпуск других изделий легкой и пищевой промышленности. Одновременно должно сильно возрасти производство изделий широкого потребления на предприятиях тяжелой и лесной промышленности.

Важнейшей задачей производства товаров широкого потребления в третьей пятилетке является расширение ассортимента и повышение качества продукции. Для лучшего обслуживания населения должно быть увеличено производство газовых и электрических плит, посуды, домашних холодильников, пылесосов; необходимо расширить ассортимент продукции швейной, обувной, галантерейной промышленности, развернуть сеть механизированных починочных мастерских, широко использовать американские методы производства готовых и подготовленных к приготовлению пищевых продуктов. Необходимо

¹ Сталин, Речь на Первом всесоюзном совещании стахановцев, Партиздат, 1935, стр. 7.

добиться, чтобы продукция широкого потребления была по качеству на уровне или лучше зарубежных образцов.

Крупным источником удовлетворения растущих потребностей трудящихся должны явиться в третьей пятилетке местная промышленность и промкооперация, продукция которых увеличивается не менее чем в 2 раза.

* * *

Осуществление основной экономической задачи СССР — догнать и перегнать в экономическом отношении наиболее развитые капиталистические страны Европы и США — требует дальнейшего значительного роста технического вооружения промышленности и высокого уровня освоения техники.

Прежде всего в третьей пятилетке должна быть завершена комплексная механизация добычи угля во всех угольных бассейнах страны, черной металлургии, железорудной и цементной промышленности, лесозаготовок; широко будет развита комплексная механизация строительства, механизация трудоемких процессов в химической и ряде других отраслей промышленности.

Намечаемые сдвиги в комплексной механизации трудоемких отраслей промышленности характеризуются следующей таблицей (в %):

	1937 г.	1942 г.
Каменноугольная промышленность:		
Донбасс: Отбойка	90	100
Доставка	90,6	100
Откатка	36,6	97
Навалка	—	55
Кузбасс: Отбойка	95,8	100
Доставка	84,1	100
Откатка	31,7	97
Навалка	—	100
Железорудная промышленность:		
Кривой Рог: Отбойка	100	100
Доставка	87	95
Подземная откатка	84,5	98
Поверхностная откатка	89,1	98
Погрузка руды	95,3	100
Черная металлургия:		
Механизация загрузки доменных печей	65,5	93
Механизация разлива чугуна (чушкового)	84	95
Цементная промышленность:		
Добыча сырья	37	95
Сырая обработка	100	100
Обжиг	100	100
Помол	100	100
Насыпка и отправка	25	80
Лесная промышленность (НКлес):		
Вывозка леса механизированным способом	32,2	62

Крупные сдвиги намечаются в третьей пятилетке и в области автоматизации промышленности: повышается удельный вес автоматов и полуавтоматов в парке металлообрабатывающего оборудования, проводится автоматизация основных производственных процессов электростанций и сетевого хозяйства, развивается автоматизация в химической, текстильной и пищевой промышленности.

Всесторонняя механизация и развитие автоматизации производства

будут основываться на дальнейшем росте электрификации промышленности — на внедрении индивидуального и много моторного электропривода станков и машин.

В области химизации промышленности крупнейшее значение будет иметь подземная газификация углей, являющаяся одной из великих побед техники. Подземная газификация углей, которая, как указывал В. И. Ленин, окажет огромное влияние на всю общественную жизнь страны социализма, впервые в СССР превращается в самостоятельную отрасль промышленности.

Широко должна быть внедрена новейшая технология во всех отраслях промышленности: в нефтяной — турбинное бурение, бурение под давлением, закрытая эксплуатация с улавливанием газа, химизация переработки; в электрохозяйстве — техника высокого давления и перегрева пара, применение новейших теплофикационных турбин; в химической промышленности — интенсификация производства, переход с периодического процесса на непрерывный, использование высоких давлений, внедрение электроэнергии в технологию; в черной металлургии — бесслитковая прокатка металла, кислородное дутье и т. д.

В результате роста технического вооружения резко увеличивается энерговооруженность труда в промышленности: с 4 370 квтч на 1 рабочего в 1937 г. до 8 100 квтч в 1942 г.

* * *

Гигантский план развития промышленности в третьей пятилетке требует соответствующего развертывания капитального строительства. Из общего объема капитальных вложений в народное хозяйство больше половины вкладывается в промышленность. За годы третьей пятилетки капиталовложения в промышленность составят 111,9 млрд. руб. против 83,4 млрд., вложенных за первую и вторую пятилетки. Основная масса капитальных затрат в промышленности направляется в отрасли, производящие средства производства, при более быстрых темпах роста по сравнению со второй пятилеткой вложений в отрасли, производящие средства широкого потребления.

Программа капитальных работ обеспечивает дальнейший большой рост производственно-технической базы промышленности. При увеличении продукции промышленности на 92% основные фонды к концу третьей пятилетки более чем удваиваются. Это позволит, наряду с обеспечением роста промышленного производства, создать в важнейших отраслях промышленности необходимые резервы мощностей. Так, например, в каменноугольной промышленности при добыче в 1942 г. 243 млн. т угля мощности шахт к концу третьей пятилетки должны возрасти до 335 млн. т; в черной металлургии выплавка чугуна будет доведена в 1942 г. до 22 млн. т, а мощности должны составить 25 млн. т.

Осуществление программы капитальных работ в промышленности требует решительной борьбы с гигантоманией в строительстве и широкого перехода к постройке небольших и средних предприятий во всех отраслях. В соответствии с этим в третьем пятилетии будут строиться теплоэлектростанции в 20—25 тыс. квт, небольшие гидроэлектростанции, станкостроительные заводы с годовым выпуском в 500—1 000 станков, каменноугольные шахты в 60—120 тыс. т (по Наркомтопу) и в 10—60 тыс. т (по местной промышленности), цементные заводы в 40 тыс. т, заводы автопокрышек в 300 тыс. штук, хлопчатобумажные фабрики в 25—40 тыс. веретен и т. д.

Переход к широкому строительству небольших и средних промыш-

ленных предприятий позволит значительно ускорить сроки строительства и ввода в действие новых производственных мощностей, а также обеспечит более равномерное размещение предприятий по основным экономическим районам страны.

Несмотря на значительные сдвиги в размещении промышленности, индустриализации ранее отсталых национальных районов, еще имеют место нерациональные и чрезмерно дальние перевозки промышленной продукции. «Достаточно сказать,— указывает т. Л. Каганович,— что сейчас донбассовский уголь доходит до Архангельска, до Уфы, южный металл доходит до Владивостока, сибирский до Владивостока, Ашхабада, Ленинграда и Киева, сахар украинский возится на 8—9 тыс. км расстояния и доходит до Дальнего Востока, текстиль ивановский и московский транспортируется на тысячи километров и т. д. Машины возятся собранными на 7—8 тыс. км. Цемент возится с Юга, из Новороссийска и Амвросиевки до Дальнего Востока на расстояние 8,5—9 тыс. км»¹.

В целях сокращения нерациональных и чрезмерно дальних перевозок и комплексного развития хозяйства районов намечается организация в основных экономических районах СССР добычи топлива и производство таких видов промышленной продукции, как цемент, алебастр, химические удобрения, стекло, массовые изделия легкой и пищевой промышленности в размерах, обеспечивающих потребности этих районов. Вместе с тем по решению правительства в третьем пятилетии запрещается новое промышленное строительство в Москве, Ленинграде и ряде других крупных индустриальных центров.

В соответствии с задачей сокращения дальних перевозок, необходимо отказаться в третьем пятилетии от излишне узкой специализации предприятий. В черной металлургии ликвидируется вредительская специализация прокатных станов; на основных металлургических базах страны обеспечивается прокат всех наиболее ходовых сортов металла. Кооперирование предприятий также должно быть увязано с рациональным размещением промышленности и проводиться в масштабе экономических районов.

Осуществление более равномерного размещения промышленности на основе приближения предприятий к источникам сырья и центрам потребления, переход к строительству небольших и средних предприятий, правильная их специализация и кооперирование — все это будет способствовать ликвидации нерациональных и чрезмерно дальних перевозок, ускорит дальнейший подъем экономически отсталых районов СССР и еще более укрепит обороноспособность страны.

* * *

Завершение технической реконструкции, дальнейший рост производственного аппарата промышленности и повышение его технического уровня ставит в третьем пятилетии новые крупнейшие задачи в деле освоения техники и использования всех возможных резервов для дальнейшего подъема производительности труда.

Новая, более высокая ступень освоения техники в промышленности на основе развития массового стахановского движения и ударничества получает свое выражение в росте производительности труда и снижении себестоимости в промышленности. Производительность труда явится в третьем пятилетии основным источником роста промышленного производства. Из общего прироста промышленной продукции в 88,5 млрд. руб., прирост за счет производительности труда

¹ Л. Каганович, Речь на XVIII съезде ВКП(б), стр. 38.

составит 62 млрд. руб., или 70%. В третьей пятилетке должно значительно повыситься использование оборудования в промышленности, о чем говорят следующие данные:

Показатели	Единица измерения	1937 г.	1942 г.
Коэффициент использования доменных печей . . .		1,11	1,00
Съем стали с 1 м ² пода (по календарному времени)	т	4,35	5,30
Среднесуточный съем башенной серной кислоты с 1 м ³ объема башен в свинце	кг	33	65—70
Коэффициент использования оборудования в цементной промышленности (в % к календарному времени по вращающимся печам)	%	0,57	0,75
Производительность одной смены по пиломатериалам	м ³	35,8	48,3
Производительность 1000 веретен в хлопчатобумажной промышленности (пряжение)	кг №№	531,7	595,0
Нагрузка на 1 траулер в рыбной промышленности	тыс. ц	31,9	41,0

Для достижения намечаемых в третьем пятилетии высоких показателей использования оборудования в социалистической промышленности имеются крупнейшие резервы, которые вскрываются стахановским движением. Так, например, в угольной промышленности Донбасса производительность врубовой машины в 1938 г. составляла до 3 тыс. т, отдельные же стахановцы дают до 18 тыс. т на одну врубовую машину. В черной металлургии при среднем коэффициенте использования полезного объема доменных печей в 1938 г. до 1,14 отдельные заводы достигли коэффициента 0,94—0,98. В химической промышленности среднесуточный съем серной кислоты с одного кубометра башен в свинце составляет 30—40 кг, а отдельные заводы дают съем в 70—74 кг.

На XVIII съезде ВКП(б) тов. Л. М. Каганович указывал: «...несмотря на известные успехи в деле освоения новой техники, на рост производительности, на рост наших инженерно-технических кадров, имеющих уже серьезный и солидный опыт,—мы в большинстве наших предприятий промышленности и транспорта имеем еще неисчерпанные нами резервы, мы имеем еще крупные недостатки в деле освоения полной мощности наших предприятий»¹.

Крупнейшие резервы в деле освоения и увеличения существующих мощностей кроются в интенсификации производства и модернизации оборудования промышленных предприятий.

Большое значение в деле освоения мощностей предприятий имеет своевременный ремонт оборудования и наблюдение за его правильным использованием.

Для того чтобы полностью удовлетворить потребности народного хозяйства в промышленном сырье, топливе и электроэнергии, учитывая огромные масштабы производства и строительства и необходимость обеспечения крупных хозяйственных запасов и государственных резервов, необходимо проводить в третьей пятилетке строжайшую экономию сырья, топлива и электроэнергии.

Третий пятилетний план проектирует значительное снижение норм расходования сырья и намечает широкие мероприятия по его ком-

¹ Л. Каганович, Речь на XVIII съезде ВКП(б), стр. 14—15.

плексному использованию. Так, например, расход условного топлива на 1 квтч электроэнергии на районных электростанциях должен снизиться в 1942 г. до 0,56 кг против 0,62 кг в 1937 г. За счет снижения норм расходования топлива на электростанциях должна быть получена экономия около 3,3 млн. т условного топлива. Расход кокса на 1 т передельного чугуна снижается с 0,99 т до 0,90 т, что даст в 1942 г. экономии кокса больше чем 2 млн. т. Выполнение намеченного снижения норм позволит достигнуть в 1942 г. лучших показателей расходования топлива, чем уже достигнуты в передовых капиталистических странах. Например, в СССР в 1942 г. расход условного топлива на 1 квтч электроэнергии должен составить 0,56 кг, в США в 1937 г. он составлял 0,65, в Германии — 0,66, в Англии — 0,67 кг. Расход кокса на 1 т чугуна в СССР составит в 1942 г. 0,90 т, а в США в 1937 г. расходовалось 0,903 т, в Германии — 0,979 т и в Англии (в 1936 г.) — 1,120 т.

Снижение норм расходования топлива в третьей пятилетке требует внедрения во все отрасли народного хозяйства новейших технических достижений. Необходимо широко применять газогенераторы, паровозы с тендер-конденсаторами и т. д.

Значительная экономия должна быть достигнута в третьей пятилетке в потреблении электроэнергии. Экономия в результате снижения норм расхода электроэнергии на собственные нужды электростанций должна составить в 1942 г. 1 800 млн. квтч, что почти равняется всей выработке электроэнергии в 1913 г.

Крупнейшее значение в деле экономии металла будет иметь проведение мероприятий по лучшему использованию руды, использованию отходов в мартеновском и прокатном производстве, снижению норм расходования металла в машиностроении и металлообработке, широкому применению заменителей качественных сталей и цветных металлов. Это даст возможность улучшить металлоснабжение страны.

Третий пятилетний план намечает широкую систему мероприятий по комплексному использованию сырья. Так, например, по топливу крупнейшими задачами являются развитие газовой промышленности на основе подземной газификации углей, использования коксовых и доменных газов, создание промышленности искусственного жидкого топлива на основе гидрирования твердого топлива, а также синтеза жидкого топлива из газа. В химической промышленности намечено создание новых отраслей органического синтеза на основе использования побочных продуктов нефтепереработки природных газов, производства каучука, кокса и др.

Рост производительности труда, снижение норм расходования сырья, материалов, топлива и электроэнергии, лучшая организация производства обеспечат снижение себестоимости промышленной продукции в третьей пятилетке на 10%, что даст государству в 1942 г. экономию в размере 20 млрд. руб. Таким образом, экономия от каждого процента снижения себестоимости промышленной продукции в 1942 г. составит по сравнению с 1937 г. 2 млрд. руб.

Борьба за снижение себестоимости, за достижение высокопроизводительной работы всех отраслей является крупнейшей задачей промышленности в третьей пятилетке. «У нас до сих пор, — указывал на XVIII съезде ВКП(б) товарищ Молотов, — много бесхозяйственности, много перерасходов, безобразно велики потери сырья, растрачивается зря много топлива и электроэнергии, безобразно велики простои оборудования, а, значит, во многих случаях нет настоящей борьбы за снижение себестоимости промышленной продукции, нет настоящей борьбы и за снижение стоимости строительства.

С этим надо покончить, усилив по всему фронту борьбу с бесхо-

зайтвенностью и всякими потерями. Нужно на деле обеспечить внимание к экономике, к стоимости производимых продуктов»¹.

Снижение себестоимости послужит источником роста внутрипроизводственного накопления в промышленности.

* * *

Важнейшим условием осуществления установленной третьим пятилетним планом программы роста промышленности является подъем культурно-технического уровня рабочего класса, подготовка квалифицированных кадров рабочих, техников и инженеров. «Теперь, после окончательного укрепления политических и экономических позиций социалистического общества в СССР, решают дело кадры, освоившие технику производства, решают дело советские культурные силы, возглавляющие массы трудящихся в их великой борьбе за полную победу коммунизма»².

В третьей пятилетке должно быть выпущено 600 тыс. специалистов с высшим образованием и 1,4 млн. техников, основная часть которых направляется в промышленность. Развертывается широкая сеть школ и курсов по подготовке и переподготовке квалифицированных кадров, мастеров социалистического труда.

Крупнейшим источником пополнения рабочих кадров промышленности явится в третьей пятилетке колхозная деревня. «Колхозы, ставшие уже зажиточными, должны иметь в виду, что без такой помощи с их стороны очень трудно будет расширять дальше нашу промышленность, а без расширения промышленности — не сможем удовлетворять растущий спрос крестьян на товары массового потребления»³.

Подбор кадров и проверка исполнения являются основным принципом хозяйственного руководства на промышленном предприятии, в главке и наркомате. Разгром вредителей в промышленности сопровождался огромным обновлением руководящих кадров. В третьей пятилетке стоит задача дальнейшего выдвижения новых молодых кадров в сочетании с использованием старых кадров. Молодые кадры «должны овладеть организаторским искусством в особенности в связи с задачей выполнения новых норм (подготовка рабочего места и т. п.) и ликвидировать односторонность — узко инженерный подход у инженеров и узко организаторский подход у организаторов.

Они должны по-большевистски сочетать организаторскую, административную работу с массовой разъяснительной работой (в частности, по предупреждению прогулов). Перед новыми кадрами стоит задача учебы, овладения большевизмом, умением управлять»⁴.

Подбор и большевистское воспитание кадров неразрывно связаны с фактической проверкой исполнения, которая должна стоять в центре внимания руководителей промышленности. «Проверка исполнения и осуществление большевистской революционной бдительности, — как указывал на XVIII съезде ВКП(б) т. Л. М. Каганович, — неотделимы друг от друга», именно «через проверку исполнения можно видеть людей»⁵.

¹ Молотов, Третий пятилетний план развития народного хозяйства СССР. Доклад и заключительное слово на XVIII съезде ВКП(б), стр. 35.

² Резолюция XVIII съезда ВКП(б) по докладу тов. В. Молотова, см. Резолюции XVIII съезда ВКП(б), стр. 36.

³ Сталин, Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б), стр. 32.

⁴ Л. Каганович, Речь на XVIII съезде ВКП(б), стр. 55.

⁵ Там же, стр. 53.

Борьба за повышение производительности труда в третьей пятилетке требует правильной организации заработной платы рабочих, мастеров и инженерно-технических работников. Оплата по количеству и качеству труда — основной принцип социалистического распределения — позволит достигнуть более высоких темпов роста производительности труда по сравнению с ростом заработной платы. В то же время будет обеспечен дальнейший быстрый подъем материального уровня работников промышленности.

На новую, более высокую ступень должно подняться в третьей пятилетке социалистическое соревнование и стахановское движение, сила которых заключается в их массовости. Широко развернувшееся социалистическое соревнование и ударничество позволит вскрыть крупнейшие резервы для выполнения и перевыполнения заданий третьего пятилетнего плана промышленности. Организация масс на новый подъем стахановского движения и ударничества должна сочетаться с борьбой за социалистическую дисциплину труда, против недисциплинированных элементов и прогульщиков.

Для осуществления задач третьей пятилетки необходимо полностью ликвидировать во всех отраслях промышленности последствия контрреволюционного вредительства шпионо-троцкистско-бухаринских агентов фашизма и повысить большевистскую бдительность.

Произведенная к началу третьей пятилетки реорганизация промышленных наркоматов — разукрупнение их, создание коллегий в наркоматах, организация ряда новых главков и трестов — приблизила руководство к предприятиям. Это имеет большое значение для дальнейшего подъема промышленности.

Осуществление третьего пятилетнего плана явится ярчайшим показателем гигантских преимуществ социалистической промышленности перед капиталистической, «лучшим свидетельством всепобеждающей силы коммунизма в его историческом соревновании с капитализмом»¹.

¹ Резолюция XVIII съезда ВКП(б) по докладу тов. В. Молотова, см. Резолюции XVIII съезда ВКП(б), стр. 36.

Организационные проблемы промышленности СССР

Партия Ленина — Сталина всегда, на всех этапах своей истории придавала огромное значение организационным вопросам. Отмечая, что эти вопросы являются подчиненными политическим вопросам, партия в то же время подчеркивала, что организационный фактор оказывает колоссальное, решающее воздействие на политическое и экономическое развитие страны, являясь важнейшим рычагом политического и хозяйственного подъема.

Неустанно громя оппортунизм в организационных вопросах, последовательно разоблачая вредность, губительность какой бы то ни было беспечности в организационном отношении, великие вожди трудящихся всего мира Ленин и Сталин выковали и развили большевистские принципы управления, создали стройную, научную теорию большевистской организации и руководства. Важнейшей составной частью этой теории являются принципы организации хозяйственной, экономической деятельности диктатуры рабочего класса.

В своей исторической работе «Очередные задачи Советской власти», написанной в марте-апреле 1918 г., Ленин выдвигал организацию управления страной как главную, центральную задачу социалистической революции. Для успешного управления, — говорил Ленин, — «необходимо, кроме умения убедить, кроме умения победить в гражданской войне, умение практически организовать. Это — самая трудная задача, ибо дело идет об организации по новому самых глубоких, экономических, основ жизни десятков и десятков миллионов людей. И это — самая благодарная задача, ибо лишь после ее решения (в главных и основных чертах) можно будет сказать, что Россия стала не только советской, но и социалистической республикой»¹.

Эту мысль Ленин не уставал повторять, являя во всей своей практической деятельности гениальные, блестящие образцы большевистской организации дела. Ленинское учение об организационных принципах большевизма нашло свое развитие и углубление в трудах и во всей практической деятельности товарища Сталина. В соответствии с изменением условий нашего развития товарищ Сталин творчески разрабатывал на различных этапах социалистического строительства те или иные вопросы организационной практики и теории, обогащая организационное учение большевизма новыми идеями, новыми законами, новыми принципами. Так же как и Ленину товарищу Сталину органически чужд разрыв между теорией и практикой, между определением политической линии и организацией ее проведения в жизнь. Едко высмеивает товарищ Сталин всех болтунов, всех, кто полагает, что победа придет сама собой, коль скоро дана правиль-

¹ Ленин, Соч., т. XXII, стр. 442.

ная линия и вынесены хорошие резолюции и декларации. Со всей остротой подчеркивает товарищ Сталин активную сторону организационной работы, четко определяя диалектическое взаимодействие политики и организации. «Победа никогда не приходит сама,— говорит товарищ Сталин,— ее обычно притаскивают. Хорошие резолюции и декларации за генеральную линию партии — это только начало дела, ибо они означают лишь желание победить, но не самую победу. После того, как дана правильная линия, после того, как дано правильное решение вопроса, успех дела зависит от организационной работы, от организации борьбы за проведение в жизнь линии партии, от правильного подбора людей, от проверки исполнения решений руководящих органов. Без этого правильная линия партии и правильные решения рискуют потерпеть серьезный ущерб. Более того: после того, как дана правильная политическая линия, организационная работа решает все, в том числе и судьбу самой политической линии,— ее выполнение, или ее провал»¹.

Руководствуясь этими указаниями Ленина и Сталина, партия неизменно уделяла огромное внимание организационной практике, рассматривая ее как важнейшую предпосылку успехов социалистического строительства. Укрепляя единоначалие и хозрасчет, занимаясь воспитанием и расстановкой кадров, уточняя организационную структуру управления, неустанно борясь против канцелярско-бюрократического стиля руководства, партия вкладывала в руки наших командных кадров могучее орудие борьбы за социалистические планы, за расцвет могущества нашей родины. Правильная организация всего дела, а также осуществление большевистских принципов управления и руководства являлись на всех этапах социалистического строительства одним из основных, решающих факторов наших экономических побед.

Особое значение приобрели организационные вопросы к моменту вступления Советского Союза во вторую пятилетку. Генеральная линия партии к этому времени прочно победила, политика партии выдержала блестящее испытание. Это нашло свое выражение прежде всего в крутом подъеме индустрии. За годы первой пятилетки продукция промышленности возросла более чем в 2 раза, а продукция тяжелой индустрии (группа «А») — более чем в 2,5 раза.

Успешное разрешение задач первой пятилетки, в частности выполнение строительной программы, создавало реальную отправную базу для дальнейшего крутого подъема промышленного производства во второй пятилетке. В стране один за другим вступали в строй новые заводы и фабрики. Центр тяжести теперь переносился на борьбу за освоение новых производственных мощностей, за освоение новой техники. Промышленность вплотную приступала к решению задачи огромного исторического значения — догнать и перегнать передовые страны капитализма по уровню техники. В сельском хозяйстве партия боролась за дальнейшее и окончательное укрепление колхозного строя.

Все это не могло не придать организационным проблемам особой остроты. И XVII съезд партии в резолюции по докладу т. Кагановича отметил это обстоятельство. «Теперь,— говорится в резолюции XVII съезда,— когда генеральная линия партии победила, когда политика партии проверена жизнью, на опыте не только членов партии, но и миллионов рабочих и трудящихся крестьян,— во весь рост встает задача поднятия организационной работы до уровня политического руководства. Организационный вопрос, оставаясь подчиненным вопросом политики, приобретает все же ввиду этого для дальнейших

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 589—590.

успехов социалистического строительства и с к л ю ч и т е л ь н о е з н а ч е н и е»¹.

Вся последующая деятельность ЦК ВКП(б), вся работа нашей партии исходила из этих указаний съезда. Организационной работе был придан широчайший размах. Как и всегда, всю гигантскую организационную работу партия направляла на решение узловых, ведущих задач неуклонного наступления социализма. Партия организует и подымает на огромную высоту пафос освоения, зажигая им сердца миллионов и миллионов трудящихся.

Огромная работа по воспитанию нового, коммунистического отношения к труду, неуклонный подъем материально-бытового уровня советских трудящихся, создание новой техники, рост кадров, успешно осваивающих ее,— все это дает изумительный всход: возникает великое стахановское движение. Партия подхватывает это движение, организует его развитие и укрепление. Партия, далее, подымает и организует массы на разоблачение вражеского охвостья, организует разгром троцкистско-бухаринских выродков человечества. Партия призывает наши кадры к повышению бдительности, организует борьбу за овладение большевизмом, дает нашим кадрам замечательную энциклопедию марксизма-ленинизма — «Краткий курс истории ВКП(б)».

Проблему организационной перестройки партия решала испытанным методом Ленина — Сталина: ухватиться за ведущие, решающие звенья с тем, чтобы вытащить всю цепь. Таким узловым, стержневым вопросом организационной работы является проблема кадров, их подготовка, воспитание и расстановка. Этой проблеме партия уделяла и уделяет особое внимание. В итоге годы, прошедшие между XVII и XVIII съездами партии, ознаменованы серьезными достижениями в этом направлении. За годы второй пятилетки в нашей стране произошла настоящая культурная революция. Исключительный размах приобрела подготовка новых кадров. Огромная работа проводится по выращиванию и воспитанию советской интеллигенции. К концу второй пятилетки количество учащихся в высших учебных заведениях достигло 550 тыс., что в три с лишним раза превосходит число учащихся втузов и вузов к началу первой пятилетки.

Широкий размах приобрела также техническая учеба рабочих, с особой силой развернувшаяся после декабрьского (1935 г.) пленума ЦК ВКП(б).

Успехи в подготовке собственной технической интеллигенции находят свое яркое выражение в росте численности работников инженерно-технического труда. В 1925 г. во всей промышленности было занято 62 тыс. инженерно-технических работников, в 1928 г. их было 92 тыс., а в 1937 г. — уже 578 тыс. Следовательно за 12 лет число инженеров и техников, занятых в промышленности, выросло почти в десять раз.

Воспитывая и подготавливая новые инженерно-технические кадры, партия одновременно осуществляла политику широкого и смелого выдвижения молодых проверенных работников на руководящие посты. С особым размахом, пожалуй невиданным ни в один из предыдущих периодов нашего строительства, развернулось выдвижение новых кадров в последние 2—3 года. В целом за время между XVII и XVIII съездами партия выдвинула на руководящую государственную и партийную работу более полумиллиона молодых партийных и

¹ Стенографический отчет XVII съезда ВКП(б), Партиздат, 1934, стр. 670—671.

непартийных большевиков. Более одной пятой части этой огромной армии выдвиженцев составляют женщины.

Эта работа по выдвижению новых кадров была связана с очищением промышленности, да и других отраслей народного хозяйства, от всяких врагов и их прихвостней. При помощи всех честных советских трудящихся наша славная советская разведка разгромила основные вредительские гнезда. Одновременно наша промышленность очищалась и от политически разложившихся людей, от командиров производства, потерявших политическое чутье, оторвавшихся от масс.

К руководству хозяйством приходят новые кадры, до конца преданные партии, знающие технику производства, желающие работать с массами и опираться на них. Большинство этих новых командиров производства составляет молодежь. Характерен возрастной состав наших руководящих хозяйственных кадров. В Наркомтяжпроме в конце 1938 г. из 41 начальника главных управлений двенадцать были в возрасте до 35 лет, а двадцать пять — в возрасте от 35 до 45 лет. В металлургической промышленности более половины руководящих инженерно-технических работников моложе 35 лет.

Несомненно, это смелое и широкое выдвижение новых кадров является одной из самых замечательных и характерных черт развития нашей страны за последние годы.

Решающие победы социалистического строительства, в частности успехи в подготовке и воспитании кадров, обеспечили образование в СССР новой, советской интеллигенции, в корне отличной от старой интеллигенции. «В итоге мы имеем теперь,— говорил товарищ Сталин на XVIII съезде ВКП(б),—многочисленную, новую, народную, социалистическую интеллигенцию, в корне отличающуюся от старой, буржуазной интеллигенции как по своему составу, так и по своему социально-политическому облику»¹. Новая советская интеллигенция, всеми своими корнями связанная с рабочим классом и колхозным крестьянством, горячо преданная делу коммунизма, является могучей опорой нашего нового общественного строя. Вырастив собственную советскую интеллигенцию, мы разрешили одну из важнейших исторических задач социализма.

Необходимо, однако, признать, что «слабости нашей организационной работы по подбору людей и проверке исполнения,—как это отметил XVIII съезд партии в резолюции по докладу т. Жданова,—до сих пор не преодолены»². В значительной мере здесь сказалось распыление дела подбора кадров между различными производственно-отраслевыми отделами наших партийных аппаратов. Это снижало размах организационной работы, затрудняло необходимую передвижку кадров из одних отраслей в другие в соответствии с изменением значимости отдельных участков народного хозяйства. Поэтому такое распыление прямо тормозило успешное разрешение проблемы наиболее целесообразного подбора и распределения кадров.

Учитывая это, ЦК ВКП(б) создал отдел руководящих парторганов (ОРПО ЦК). Но это еще не разрешило полностью всей проблемы. Постановлением XVIII съезда созданы все предпосылки для окончательного разрешения этого вопроса. Съезд утвердил структуру ЦК ВКП(б), предусматривающую организацию в ЦК партии самостоятельного управления кадров. В этом управлении сосредоточивается работа по кадрам для всех отраслей народного хозяйства. Это ре-

¹ Сталин, Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б), стр. 60.

² Изменения в Уставе ВКП(б), Резолюция XVIII съезда ВКП(б) по докладу тов. А. Жданова, см. Резолюция XVIII съезда ВКП(б), стр. 42.

шение съезда несомненно придает делу выдвижения новых кадров еще больший размах.

Но выдвижение кадров, разумеется, далеко еще не исчерпывает всей проблемы кадров. Решающей проблемой социалистического строительства является воспитание кадров в духе марксизма-ленинизма. Неустанная борьба за овладение большевизмом в хозяйственной работе является важнейшей гарантией правильности руководства нашими кадрами и их роста. Большевик-хозяйственник обязан не только знать технику производства, но и быть политически зрелым, понимать и знать политику партии, уметь правильно разбираться в людях, уметь работать с массами и прислушиваться к их голосу.

Генеральная линия большевистской перестройки методов хозяйственного руководства была дана в решениях февральско-мартовского (1937 г.) пленума ЦК ВКП(б). Пленум потребовал решительного овладения большевизмом, потребовал покончить с политическим благодушием и ротозейством, стать ближе к массам и чутко прислушиваться к их указаниям. Решения пленума дали мощный толчок к действительному овладению нашими хозяйственными кадрами большевистскими методами работы. Командиры производства учились политически оценивать каждый факт, стали глубже изучать людей, смелее выдвигать молодежь, теснее связываться с массами, внимательнее прислушиваться к их критике, несравненно больше стали работать над повышением своего идейно-политического уровня. Исключительную роль в деле политического воспитания наших кадров сыграл выход в свет «Краткого курса истории ВКП(б)».

Однако надо прямо сказать, основная работа еще лежит впереди. Мы еще не добились того, чтобы все наши кадры овладели марксистско-ленинской теорией. Мы ни на минуту не должны забывать предостерегающего указания товарища Сталина, сделанного им на XVIII съезде партии о том, что «...чем ниже политический уровень и марксистско-ленинская сознательность работников, тем вероятнее срывы и провалы в работе, тем вероятнее измельчание и вырождение самих работников в деляг-крохоборов, тем вероятнее их перерождение»¹.

* * *

Огромная работа, которая проводилась партией по воспитанию и расстановке кадров, сочеталась с колоссальной организационной перестройкой, осуществлявшейся во всех отраслях народного хозяйства. К концу первой пятилетки стало очевидным, что старые организационные формы в промышленности становятся узкими для выросших масштабов производства. Это ослабляло воздействие организационного фактора на ход развития экономики. Надо было привести организационную структуру в соответствие с ростом народного хозяйства, с задачей завершения технической реконструкции народного хозяйства и освоения новой техники. Тем самым организационный фактор приобрел бы должную силу воздействия на дальнейший подъем производства.

Основные направления перестройки управления промышленности наметились еще в конце первой пятилетки. Так, уже в самом начале 1932 г. произошло разделение ВСНХ на три наркомата — Наркомтяжпром, Наркомлегпром и Наркомлес. Из Наркомзема был выделен

¹ Сталин, Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б), стр. 47.

Наркомсовхозов. На два Наркомата — Наркомснаб и Наркомвнешторг — был разделен и Наркомторг. На базе Наркомпути были созданы два наркомата и одно управление: Наркомпуть, Наркомвод и Цудортранс. Здесь наметилась та основная линия, которая проводится вплоть до наших дней, линия на специализацию наркоматов по отраслевому признаку, решительное приближение наркоматов к низовым производственным звеньям и повышение оперативности и конкретности руководства.

Серьезный удар по канцелярско-бюрократическим методам руководства был нанесен историческим постановлением ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР от 8 апреля 1933 г. о работе угольной промышленности Донбасса. В этом постановлении отмечалось, что в угольной промышленности, начиная от шахты и кончая главком, все еще имел место канцелярско-бюрократический метод руководства. Указав на серьезнейшие недостатки в работе Донбасса, партия и правительство наметили развернутую систему мероприятий: ликвидацию функционалки в управлении шахтой, разукрупнение Главтопа, изменение системы заработной платы с тем, чтобы она стимулировала работу на шахте, в особенности работу под землей, и т. д.

Таким образом, уже в 1932 и 1933 гг. партия наметила основные направления организационной перестройки в соответствии с задачами второй пятилетки. XVII съезд, заслушав специальный доклад тов. Л. М. Кагановича, поднял организационные вопросы на огромную высоту, дал этим процессам глубокое обоснование и указал пути дальнейшего развития организационной перестройки.

XVII съезд партии потребовал прежде всего дальнейшего приближения руководства к жизни предприятий, к низовой производственной единице. Приближение наркоматов к производству, к его интересам и нуждам предполагало ликвидацию лишних, промежуточных звеньев между наркоматом и предприятием. В начале второй пятилетки почти во всех отраслях нашей промышленности существовала четырехзвеньевая система управления: наркомат — объединение — трест — предприятие. XVII съезд партии предложил сократить число звеньев между наркоматом и предприятием с тем, чтобы непосредственная связь наркоматов и предприятий резко усилилась.

Огромное значение имело также решение съезда о ликвидации функциональной системы управления, которая снимала ответственность с руководителей за работу производственных участков в целом, порождала безответственность и неразбериху. Все учреждения — от низших производственных звеньев и до наркоматов — должны были перестроить работу на основе производственно-территориального признака.

В неразрывной связи с задачей овладения большевистским стилем работы был поставлен вопрос об усилении проверки и исполнения. Снова и снова партия разъясняла, что руководить — это не значит только намечать мероприятия, что большевистский стиль руководства опирается на повседневную и всестороннюю проверку исполнения, на контроль за ходом реализации директив и приказов.

Большое внимание было уделено также правильной расстановке инженерно-технических работников. XVII съезд партии потребовал передвижки части инженерно-технических работников непосредственно на производство, в цех, на участок, на промысел.

Решения XVII съезда ВКП(б) сыграли огромную роль в создании правильной организационной структуры и в изменении всего стиля руководства нашим хозяйством. Тотчас же после съезда разворачи-

вается большая организационная перестройка. Происходит передвижка инженеров и техников на заводы, шахты, предприятия. В большинстве отраслей осуществляется переход от четырехзвенной к двух- и трехзвенной системе руководства: наркомат — предприятие или наркомат — трест — предприятие. Та или иная структура управления отраслью определялась уровнем концентрации и характером самого производства. В отраслях, где число предприятий относительно невелико, устанавливалось непосредственное подчинение предприятий наркомату. В отраслях, где, наоборот, велика раздробленность производства по отдельным точкам, между главком и предприятием оставалось промежуточное звено в виде трестов.

Новые, огромные задачи были поставлены перед организационной практикой возникновением и развитием стахановского движения. Стахановское движение делало нетерпимыми старые методы руководства. Оно потребовало прежде всего решительного улучшения технического руководства производством. Смелые, революционные преобразования, которые вносили стахановцы в старые каноны технологии, должны были быть технически, научно осмыслены и обобщены. Стахановским идеям, рождавшимся зачастую из чисто эмпирических навыков и опыта, надо было дать техническое, расчетное обоснование. Нередко без помощи инженерно-технических сил стахановец и не смог бы найти наиболее эффективное, конкретное решение своего замысла.

Стахановское движение, далее, выдвинуло перед хозяйственниками и инженерно-техническими кадрами задачу — использовать и широко распространить стахановские принципы организации труда: разделение труда внутри бригады, расстановка людей у агрегатов, соблюдение четкого ритма работы, обслуживание рабочего места и т. д. Надо было по-новому решать вопросы снабжения сырьем, организации ремонтного и вспомогательного хозяйства, обеспечения инструментом и приспособлениями, улучшения внутризаводского учета.

Борьба за массовость стахановского движения, за неустанное распространение стахановского опыта стала центральной задачей каждого командира производства. А это требовало решительной ликвидации канцелярских методов руководства, несравненно большей оперативности и конкретности управления.

Серьезную роль в повышении оперативности и конкретности руководства, в овладении большевистским стилем работы сыграли разукрупнение и реорганизация промышленных наркоматов. Существующая сейчас система управления нашей промышленностью сложилась не сразу, она не была установлена одним декретом, в один прием. И это совершенно понятно — дробление отдельных наркоматов являлось функцией роста объема производства, продвижения тех или иных отраслей по пути технической реконструкции, повышения народнохозяйственного значения тех или иных участков социалистического строительства. Все это требовало дальнейшей конкретизации руководства, а, следовательно, и дальнейшей специализации наркоматов и ограничения хозяйства, входящего в каждый отдельный наркомат.

В августе 1934 г. в союзных и автономных республиках были образованы народные комиссариаты местной промышленности, а в составе краевых (областных) исполнительных комитетов — управления местной промышленности. Образование наркоматов местной промышленности разгрузило общесоюзные наркоматы от руководства мелкими предприятиями и дало им возможность сосредоточить свое внимание на ведущих, крупнейших предприятиях. С другой стороны, организация наркоматов местной промышленности способствовала

выявлению местных сырьевых и топливных ресурсов и развитию на их основе средних и небольших предприятий добывающей и обрабатывающей промышленности.

Актом большого государственного значения явилась также организация наряду с общесоюзными наркоматами пищевой, легкой и лесной промышленности соответствующих союзных наркоматов. На базе промышленности, входившей ранее в систему Наркомснаба, был организован Наркомпищепром. В декабре 1936 г. из Наркомата тяжелой промышленности был выделен Наркомат оборонной промышленности. Выступая на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов, товарищ Сталин подробно обосновал необходимость организации этого наркомата. Наконец, в августе 1937 г. из Народного комиссариата тяжелой промышленности была выделена машиностроительная промышленность и образован еще один общесоюзный наркомат — Народный комиссариат машиностроения.

За годы второй пятилетки происходили серьезные изменения и во внутренней структуре наркоматов. Основным направлением являлось здесь усиление роли главных производственных управлений. Главки все больше и больше на деле становились основными органами наркоматов, руководящими всеми сторонами хозяйственной деятельности подчиненных им предприятий и трестов. Этому способствовало и то, что функциональным секторам наркоматов (плановый, финансовый и др.) было запрещено давать предприятиям и трестам директивы через голову главных управлений.

Большую роль в деле дальнейшего повышения роли главков сыграло постановление ЦИК и СНК СССР от 15 июля 1936 г. Этим постановлением главным управлениям присваивались наряду с производственными функциями также сбытовые и снабженческие функции на основе хозрасчета. Существовавшие хозрасчетные конторы по сбыту и снабжению были преобразованы в отделы главков. Этим же постановлением главкам предоставлялось право производить в соответствии с действующим законодательством перераспределение оборотных средств, прибылей и амортизационных отчислений подчиненных им предприятий и хозорганов. Таким образом, постановлением от 15 июля 1936 г. значительно усиливались возможности главков, а следовательно и наркоматов, активно воздействовать на все стороны производственной и экономической деятельности отдельных предприятий и отрасли в целом. Ясно, что это повышало роль наркоматов, усиливало их влияние на весь ход развития нашей индустрии.

Колоссальная работа, проведенная за годы второй пятилетки по выдвижению и воспитанию кадров, организационная перестройка снизу и до верху на основе производственно-территориального принципа управления, разгром троцкистско-бухаринской банды, упорная работа над освоением ленинско-сталинского стиля руководства — все это несомненно были важнейшие факторы общего подъема производства.

За годы второй пятилетки среднегодовой темп прироста промышленной продукции составлял 17,1% против намеченных по плану 16,5%, что обеспечило увеличение промышленной продукции за вторую пятилетку на 120,6%. Объем производства по всей промышленности достиг в 1937 г. огромной цифры — 95,5 млрд. руб. За годы двух сталинских пятилеток вся крупная промышленность увеличила свою продукцию в 4,3 раза. Довоенный уровень в 1937 г. был превзойден в крупной промышленности более чем в 8 раз.

Но дело не только в этом огромном количественном росте. За годы двух сталинских пятилеток в нашей промышленности произошла под-

линия техническая революция. Производственный аппарат во всех отраслях промышленности подвергся коренному обновлению.

В итоге за годы второй пятилетки мы завершили в основном реконструкцию промышленности и земледелия СССР на основе новой, современной техники. Именно эта техника составляет теперь материальную базу нашего производства. С полным основанием можем мы заявить теперь, что «с точки зрения техники производства, с точки зрения насыщенности промышленности и земледелия новой техникой, наша страна является наиболее передовой в сравнении с любой другой страной, где старое оборудование висит на ногах у производства и тормозит дело внедрения новой техники»¹.

Глубокое техническое перевооружение нашей индустрии находит свое выражение и в том, что процесс специализации производства происходил исключительно высокими темпами. Наиболее ярким проявлением успехов в области специализации производства явился процесс организации новых отраслей и новых производств.

Уже к началу второй пятилетки в СССР были созданы автопромышленность, тракторная промышленность, комбайностроение, станкостроение, тяжелое машиностроение, ряд отраслей химической промышленности, основные отрасли пищевой индустрии, швейная и обувная промышленность и т. д. Однако в первой пятилетке были лишь заложены основы этих отраслей, был лишь создан их материальный остов. Освоение же этих отраслей и на этой основе резкое расширение масштабов их производства произошло за вторую пятилетку.

Одновременно во второй пятилетке происходил процесс дальнейшего образования новых производств. За 1933—1937 гг. была создана мощная качественная металлургия, в частности электрометаллургия. Возникла и прочно стала на ноги алюминиевая промышленность. Ко второй пятилетке следует отнести по существу и создание таких отраслей, как азотная промышленность, промышленность искусственного шелка и искусственной шерсти, синтетического каучука, пластмасс, целлофана и т. д.

Можно смело утверждать, что сейчас технический облик нашей промышленности и уровень ее техно-экономической организации определяют именно новые отрасли и производства, возникшие и окрепшие в годы первых двух сталинских пятилеток.

Углубление и развитие специализации в нашей промышленности выразилось не только в возникновении новых отраслей и производств. В старых отраслях на основе увеличения объема производства, расширения производственных мощностей, освоения новой продукции происходил процесс специализации предприятий, дополнявшийся их кооперированием. Это, в свою очередь, создавало базу для дальнейшего отпочкования отраслей, обособления группы предприятий с однородной номенклатурой в самостоятельные отрасли.

Итогом широкого развития специализации производства явилось значительное увеличение количества отдельных отраслей, требующих учета их специфических нужд и задач. Настоятельно диктовалась необходимость дальнейшей специализации руководства, дальнейшего приближения его к предприятию. Эта необходимость резко усиливалась новыми грандиозными задачами, поставленными перед всем народным хозяйством третьим пятилетним планом.

¹ Сталин, Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б), стр. 19.

В третьей пятилетке должен быть осуществлен дальнейший крутой подъем всех отраслей нашей промышленности. За 1937—1942 гг. промышленность в целом должна увеличить выпуск своей продукции в 1,92 раза. При этом предусматривается более высокий рост отраслей, производящих средства производства: тяжелая индустрия должна увеличить свою продукцию в 2,07 раза.

Реализовать эти грандиозные задания промышленность сумеет лишь при условии, если и в третьей пятилетке будет неуклонно двигаться по пути технического прогресса, неустанно внедрять в производство передовые достижения науки и техники. В угольной промышленности в третьей пятилетке должна быть завершена комплексная механизация добычи угля. В нефтяной промышленности задача заключается в освоении наиболее передовых методов добычи нефти — вращательного способа бурения, бурения под давлением, компрессорной и глубинно-насосной добычи и т. д. Электрохозяйство будет развиваться по пути освоения высоких давлений, высоких температур и высоких напряжений. В текстильной промышленности в годы третьей пятилетки будут внедряться высокоскоростные и однопроцессные машины, приборы высоких вытяжек, а также осуществляться автоматизация ткацкого производства.

Исключительное, решающее значение для выполнения плана третьей пятилетки приобретают качественные показатели работы промышленности — рост производительности труда, повышение использования производственных мощностей, снижение себестоимости. А это требует дальнейшего развития стахановского движения и улучшения руководства им.

Крутой рост масштабов производства во всех отраслях промышленности, дальнейшее техническое усовершенствование производства на базе внедрения новейших достижений науки и техники, а также реализации ценных рационализаторских предложений и изобретений, решительное улучшение использования сырья, топлива, всех неисчерпаемых резервов производства — вот основные направления, по которым должно и будет идти развитие промышленности в третьей пятилетке.

Ясно, что все это не могло не вызвать необходимости в дальнейшей реорганизации руководства, тем более, что к концу второй пятилетки в этой области оставалось еще много недостатков. В некоторых наркоматах мы имели еще главки-левиафаны. Так, например, в такой главк, как ГУМП, входили до конца 1937 г., кроме всей металлургической промышленности, коксовая, рудная и огнеупорная промышленность. Совершенно очевидно, что не могло быть и речи ни о какой подлинной оперативности и конкретности руководства при таком огромном объеме производства и разнообразии отраслей. Громохладным был и Главхимпром, объединявший значительную часть химической промышленности.

Крупным недостатком организационной практики являлось также и то, что внутри главков далеко еще не до конца была добита функционалка. Так, например, в ГУМП существовали отдельно доменная группа, мартеновская группа, прокатная группа и другие, а в целом заводом никто не ведал. Разрешать те или иные вопросы приходилось в десятках различных секторов. Таким образом, руководство предприятием механически было разорвано на отдельные части. Функциональная система приводила к тому, что производством фактически занималась лишь незначительная группа работников главка. В аппарате Главугля, например, из 300 человек, — как это было выявлено при проверке товарищем Л. М. Кагановичем, — занимались производством только 24 человека, да и то по штату. Фактически же

непосредственно вопросами добычи угля занималось только 15 человек. Все это приводило к тому, что бюрократически-канцелярский стиль руководства не был окончательно сломен, а в ряде главков даже являлся господствующим.

Новый этап в овладении ленинско-сталинским стилем работы связан с приходом к руководству Народным комиссариатом тяжелой промышленности т. Л. М. Кагановича. С первых же дней после своего прихода в наркомат т. Каганович придает организационной работе огромный размах. Дело вовсе не сводится только к изменению организационной структуры. Тов. Каганович настойчиво борется за то, чтобы все командиры производства, все хозяйственники овладели ленинско-сталинским стилем работы, чтобы большевистские методы руководства пронизали всю систему тяжелой промышленности.

Одним из самых первых своих мероприятий т. Каганович проводит изменения в структуре наркомата, взяв курс на разукрупнение главков. Разукрупняется ГУМП, Главхимпром и ряд других главков. Основной идеей этого разукрупнения являлась максимальная специализация главных управлений с тем, чтобы сосредоточить в них всю полноту технического и производственного руководства.

Разукрупнение главков на основе более узкой их специализации создало все предпосылки для осуществления наркоматом более действенного и конкретного руководства предприятием. Руководители главков получили возможность несравненно глубже изучать и определять перспективы развития отраслей, с большим знанием дела намечать пути их технической реконструкции, значительно более глубоко вникать в нужды и заботы отдельных предприятий.

Наряду с разукрупнением главков большое принципиальное значение имело изменение внутренней структуры главных управлений. Основной ячейкой главков становятся производственно-распорядительные отделы. Они строятся по производственно-территориальному принципу, принятому партией в качестве основного принципа в организации руководства. Так, например, в Главугле были созданы производственно-распорядительные отделы Донбасса, Кузбасса, Урала и Караганды, Подмосковский и, наконец, Закавказья и Средней Азии.

Основной фигурой нового главка становятся инженеры-диспетчеры, на которых возлагается оперативное руководство одним или группой предприятий.

Наряду с производственно-распорядительными отделами в главках организуются технические отделы. Их основные обязанности заключаются в определении технических путей развития отраслей, в организации систематического анализа технических показателей отдельных предприятий и отрасли в целом, в выработке конкретных предложений по устранению выявленных недостатков.

Такая организационная перестройка создала все предпосылки для повышения оперативности руководства, для усиления связи главков с предприятиями и повышения роли главков в развитии своих отраслей. А это сказалось на новом подъеме тяжелой индустрии.

Таким образом, и здесь проявилась та же закономерность: изменение организационных форм, являясь функцией развития экономики, в свою очередь становится могучим рычагом дальнейшего экономического подъема.

Реорганизация аппарата Наркомтяжпрома послужила образцом для всех промышленных наркоматов. 10 ноября 1937 г. Совнарком СССР утвердил представленное т. Л. М. Кагановичем положение о Нарком-

тяжпроме и подчеркнул, что реорганизация центрального аппарата и главков, проведенная в НКТП, имеет большое значение и должна послужить примером для всех хозяйственных, в особенности промышленных, наркоматов. С конца 1937 и в 1938 г. эта перестройка осуществлялась во всех наркоматах.

Одновременно в 1938 г.—первом году третьей пятилетки—происходил процесс дальнейшего разукрупнения наркоматов. Первым был разукрупнен Народный комиссариат оборонной промышленности, из которого выделились четыре наркомата. Затем были разделены Наркомат пищевой промышленности—на три наркомата, Наркомлегпром—на два наркомата, Наркомтяжпром—на шесть наркоматов, а затем и Наркоммаш—на три наркомата. В итоге вместо 14 наркоматов СССР мы имели к XVIII съезду ВКП(б) 34 наркомата. Важнейшим организационным мероприятием после XVIII съезда является образование общесоюзного Наркомата по строительству. Это мероприятие позволит наркоматам целиком сосредоточить внимание на вопросах производства, на увеличении выпуска продукции, технической реконструкции предприятий, их снабжении и т. д.

Осуществляя эту перестройку, партия исходила из того, что «разукрупнение организаций, уменьшение их размеров является наилучшим средством для того, чтобы облегчить партийным органам руководство этими организациями, а само руководство сделать конкретным, живым, оперативным»¹.

Наркоматы имеют теперь возможность значительно конкретнее изучать нужды каждого отдельного предприятия, значительно глубже определять техническую политику в руководимых ими отраслях, лучше изучать кадры.

Несомненно, разделение наркоматов будет способствовать дальнейшему подъему промышленности, а также решительному улучшению всех качественных показателей ее работы. Эту сторону дела необходимо особо подчеркнуть, так как в отношении качественных показателей, в частности накоплений, наша промышленность работает пока неудовлетворительно. В этой области имеются еще неисчерпаемые резервы.

Первые итоги разукрупнения организаций подтверждают полную целесообразность этого мероприятия. В докладе на XVIII съезде ВКП(б) товарищ Сталин указал, что разукрупнение организаций «...уже дает свои благие результаты как в отношении улучшения повседневного руководства работой, так и в отношении приближения самого руководства к низовой конкретной работе». «Я уже не говорю о том,—продолжал товарищ Сталин,—что разукрупнение организаций дало возможность выдвинуть на руководящую работу сотни и тысячи новых людей.

Это тоже большое достижение»².

Во вновь образованных наркоматах осуществляется дальнейшее развитие и углубление принципа производственно-территориального управления. Типичной в этом отношении несомненно является схема, принятая Наркоматом топливной промышленности. Здесь созданы главное управление угольной промышленности Донбасса и Кавказа, главное управление угольной промышленности Востока, главное управление угольной промышленности Центра и Урала и т. д. По такому же принципу построено и руководство нефтяной промышленностью.

Таким образом, к реализации грандиозных задач третьей пятилет-

¹ Сталин, Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б), стр. 42.

² Там же, стр. 43.

ки наша промышленность подходит, закончив в основном организационную перестройку своих рядов. Было бы глубоко ошибочным недооценивать это обстоятельство. Установив новые организационные формы, партия и правительство создали все предпосылки, для того чтобы промышленность и в третьей пятилетке росла из года в год, чтобы крепло могущество и множилось богатство нашей социалистической родины.

Разукрупнение промышленных наркоматов, проводившееся в последние годы, резко повысило роль центральных руководящих правительственных и планирующих организаций. Необходимо учесть, что в силу разделения наркоматов межнаркоматский оборот промышленной продукции значительно увеличился. Взять, к примеру, уголь. Значительная часть его потребляется, как известно, металлургией (в виде кокса) и электростанциями. До последнего времени эти отрасли входили в общий Наркомат тяжелой промышленности. Сейчас и металлургия и электростанции выделены в самостоятельные наркоматы. Ясно, что разукрупнение наркоматов поднимает на несравненно большую высоту задачу разработки балансовых взаимосвязей между отдельными отраслями и наркоматами.

Усложняются и общие вопросы планирования — установление объема производства и заданий по основным качественным показателям, определение линии технической реконструкции. В этих условиях совершенно необходимо усиление роли таких организаций, как Госплан СССР и Экономсовет при Совнаркоме СССР, которые должны обеспечить полную координацию планов и действий промышленных наркоматов, правильную и крепкую взаимную увязку текущей работы наркоматов. В заключительном слове на XVIII съезде партии товарищ Молотов уделил этому вопросу особое внимание. «Создание более специализированных промышленных наркоматов, — указал товарищ Молотов, — приближает их к предприятиям, и это имеет большое положительное значение. Но, с другой стороны, теперь возникает много таких вопросов, которые не могут быть решены в недрах одного только наркомата. Экономическому совету при Совнаркоме в связи с этим, безусловно, необходимо усилить свой аппарат и проявлять значительно больше активности в деле увязки работы наркоматов». И далее: «значительное увеличение количества хозяйственных наркоматов означает неизбежное усложнение структуры управлений народным хозяйством наверху и требует соответствующего усиления аппарата Госплана и Экономсовета. Из этого нужно сделать соответствующие практические выводы»¹.

Большое значение приобретает сейчас правильная и углубленная работа по составлению материальных балансов. Прямым следствием увеличения числа наркоматов и главков явилось, во-первых, резкое возрастание самого масштаба работы по материальным балансам. Во-вторых, усложнился самый характер работы. Задача мобилизации всех ресурсов производства для выполнения грандиозного плана третьей пятилетки требует активного воздействия наших материальных балансов на развитие отдельных отраслей и их экономику.

Наши материальные балансы, с одной стороны, должны исходить из максимального использования производственных мощностей в первую очередь в сырьевых отраслях промышленности — отраслях, лежащих, так сказать, в основе, в начале всего общего производственного цикла. С другой стороны, при разработке материальных балансов необходимо располагать полными и всесторонними данны-

¹ Молотов, Третий пятилетний план развития народного хозяйства СССР. Доклад и заключительное слово на XVIII съезде ВКП(б), стр. 55.

ми о возможности снижения удельных норм потребления сырья, материалов, топлива. Несомненно, для решительного улучшения разработки материальных балансов Госплан СССР имеет сейчас все возможности. Разукрупнение наркоматов значительно приблизит их к производству, даст им возможность с несравненно большим знанием дела рассматривать материальные заявки предприятий, позволит им глубже изучать резервы предприятий с точки зрения использования сырья и топлива. Конечно, Госплан и к этим материалам наркомата должен подходить критически. Бесспорно, однако, что они могут оказать товарищам, работающим над материальными балансами, немалую пользу.

Было бы неверным сводить все новые моменты в работе Госплана СССР, возникшие в связи с разделением наркоматов, к усилению работы по материальным балансам. Разукрупнение наркоматов будет способствовать большей конкретизации руководства, повышению его оперативности. Отраслевые сектора Госплана СССР и госпланов союзных республик должны оказаться на высоте новых задач, стоящих перед отраслями промышленности и промышленными наркоматами. Чтобы отраслевые сектора госпланов не оказались в плену у наркоматов, а могли критически отнестись к их наметкам и плановым предположениям, они также должны значительно ближе подойти к производству, к предприятию, глубже и детальнее изучать состояние каждой отрасли и основных ее предприятий, глубоко и правильно понимать ее задачи и пути. Таким образом, совершенно очевидно, что огромная организационная перестройка, проведенная в нашем хозяйстве, требует от Госплана СССР и госпланов республик не только повышения качества работы синтетических секторов, но и решительного улучшения отраслевого планирования.

Серьезно должна улучшиться работа госпланов по планированию производства и капитального строительства в территориальном разрезе. Задачи, поставленные XVIII съездом партии, — широкое развитие местных баз сырья и топлива, борьба против гигантомании, проблема территориальных экономических комплексов и т. д. — настоятельно требуют более глубокой разработки вопросов размещения производительных сил. Здесь, в этой работе исключительно велика ответственность местных плановых органов. Они должны обеспечить полное изучение сырьевых богатств своих районов, разработать проблемы комплексного их развития, составить рациональные схемы внутрирайонного кооперирования предприятий и т. д. В улучшении планирования в территориальном разрезе исключительная роль должна принадлежать и организуемому ныне институту уполномоченных Госплана СССР в отдельных экономических комплексах нашей страны.

Качество планирования в значительной мере будет обусловлено тем, как в наших плановых органах, а также в наркоматах будет поставлена проверка хода выполнения плана. До последнего времени эта работа не стояла на должной высоте. Между тем нельзя считать планирование хорошим, «если оно не считается с ходом выполнения плана. Такое кабинетное, оторванное от жизни планирование дешево стоит»¹. Между тем проверка исполнения планов является одной из важнейших предпосылок улучшения всего дела планирования. Хозяйственные наркоматы, а также Госплан СССР и местные плановые органы должны уделить этой стороне своей работы несравненно больше внимания и сил, чем делали это до сих пор.

¹ М о л о т о в, Третий пятилетний план развития народного хозяйства СССР. Доклад и заключительное слово на XVIII съезде ВКП(б), стр. 20.

* * *

Усилив работу по подбору и расстановке кадров, реорганизовав систему хозяйственных наркоматов и их структуру, расширив и укрепив работу руководящих правительственных и планирующих организаций (Экономсовет СССР, Госплан СССР), партия и правительство создали все предпосылки для нового, еще более крутого подъема всех отраслей народного хозяйства. Дело теперь за большими и малыми руководителями, дело теперь за качеством руководства и организации. Генеральная линия нашей партии стала еще более понятной и близкой самым широким слоям трудящихся нашей страны. Две исполинские силы — народ и коммунизм — слились у нас воедино. Но из этого вытекает, что ответственность руководителей за дальнейший успех дела коммунизма значительно повышается. Дело теперь в умении руководителей — партийных и непартийных большевиков — организовать труд и производство, обеспечить воспитание трудящихся в коммунистическом духе.

«Осуществление великих задач третьего пятилетнего плана, — отметил XVIII съезд партии в резолюции по докладу товарища Молотова, — настолько тесно связано с кровными интересами рабочих, крестьян и советской интеллигенции, что обеспечение его выполнения зависит, прежде всего, от нас — коммунистов и непартийных большевиков — руководителей, и особенно от нашего умения организовать труд и поднять коммунистическое воспитание трудящихся»¹.

¹ Третий пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1938—1942 гг.). Резолюция XVIII съезда ВКП(б) по докладу тов. В. Молотова, см. Резолюции XVIII съезда ВКП(б), стр. 35—36.

Я. БУМБЕР

КАНДИДАТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК

Сельское хозяйство СССР в третьей пятилетке

(Окончание)¹

Превращение сельского хозяйства СССР в высокомеханизированное социалистическое крупное производство создало прочную базу для его рационализации. В этой связи чрезвычайно существенна проблема правильного использования земли как одного из важнейших источников народного богатства. В сельском хозяйстве земля является одним из основных средств производства и решающих факторов производительности труда. Игнорирование или недоучет значения этого обстоятельства неизбежно бьет по самой основе сельскохозяйственного производства.

Трудно указать какое-нибудь другое средство производства, которое в условиях капитализма использовалось бы так хищнически и нерационально, как земля. Отношения частной собственности в капиталистических странах произвольно дробят землю на куски и исключают правильную концентрацию производства. Капиталист стремится получить в кратчайший срок наибольшие непосредственные результаты, хотя бы и за счет подрыва естественного плодородия земли. Зловещим последствием этого варварского отношения к земле является расхищение естественного плодородия почвы и ее эрозия, принявшие в ряде стран чудовищные размеры. Маркс писал: «...рациональное земледелие несовместимо с капиталистической системой...»² и далее: «...агрикультуре — которой приходится считаться прежде всего с совокупностью постоянных потребностей сменяющихся человеческих поколений — противоречит и зависимость культуры особых земледельческих продуктов от колебания рыночных цен... и весь дух капиталистического производства, направленный на непосредственную, возможно быструю денежную выгоду»³.

Советская власть с первых дней своего существования освободила землю от оков частной собственности. Победа колхозного строя в деревне создала основу социалистического использования земли. На первых порах, в реорганизационный период, границы колхозных земель были недостаточно устойчивыми, что мешало изживать обезличку. Закрепление земель за колхозами в вечное пользование уничтожило эту помеху. Быстрый рост технической базы колхозов и совхозов создал материально-технические предпосылки правильного освоения земли. Ежегодные огромные вложения в сельское хозяйство обуславливают не только абсолютный рост его основных и оборотных фондов, но и значительное увеличение их на единицу площади. Это означает, что неуклонно расширяются возможности улучшения обработки и удобрения земли. В дореволюционной России на 1 га посева приходилось сельскохозяйственных машин и орудий

¹ См. журнал «Проблемы экономики» № 3 за 1939 г.

² Маркс, Капитал, 1935, т. III, ч. I, стр. 74.

³ Там же, ч. II, стр. 444, примечание.

на 6 руб., а в 1938 г. на 1 га колхозных посевов — на 65 руб. (в неизменных ценах).

Ревизионисты Давид и Герц пытались доказать, что крупному хозяйству в земледелии свойственно экстенсивное, хищническое направление, что настоящая интенсификация сельского хозяйства доступна лишь мелкому крестьянскому хозяйству. Марксизм-ленинизм опроверг эти измышления буржуазных и мелкобуржуазных экономистов. Опыт социалистического строительства в нашей стране наглядно показывает, как велики возможности рациональной интенсификации сельского хозяйства именно в крупном производстве. В СССР быстро развивается высокая интенсификация сельского хозяйства. На основе колоссальных ежегодных вложений и быстрого роста их в расчете на единицу площади наше сельское хозяйство, используя огромные преимущества социалистического планового хозяйства, из года в год делает все новые шаги в направлении рационализации производства.

Плодородие земли не является чем-то неизменным и абсолютным. Оно зависит от развития науки и техники и от того, насколько достижения науки и техники практически используются в земледелии. В нашем земледелии они используются с каждым годом все полнее. Это видно, например, по данным о росте таких агротехнических мероприятий, как ранние чистые пары, зябь и удобрение полей. В 1937 г. площадь чистых паров увеличилась до 30,6 млн. га против 19,2 млн. в 1932 г. Озимые в 1937 г. были обеспечены чистыми парами на 63% против 46% в 1932 г. Площадь зяби за вторую пятилетку возросла более чем вдвое. В 7 раз повысился в колхозах за годы второй пятилетки вывоз навоза на поля. Намного увеличилось снабжение сельского хозяйства минеральными удобрениями. В 1937 г. сельское хозяйство получило азотистых удобрений (в пересчете на 20,5-процентный сульфатамоний) 659 тыс. т, калийных (в пересчете на 41,6-процентную соль) — 401,7 тыс. т, фосфатных (в пересчете на 18,5-процентный суперфосфат) — 1 454,1 тыс. т и фосфоритной муки — 634,2 тыс. т.

План третьей пятилетки предусматривает дальнейшее быстрое развитие всех этих факторов повышения урожайности. В частности, обеспечение технических культур химическими удобрениями, по подсчетам Госплана СССР, увеличится в третьей пятилетке примерно в 2—2,5 раза. В связи с этим особенно актуальной становится задача лучшего использования удобрений. XVIII съезд партии указал, что в третьей пятилетке необходимо освоить в колхозах и совхозах применение правильной системы органических и минеральных удобрений. Особое внимание следует обратить на рациональное хранение и использование минеральных удобрений, навоза и других местных удобрений. Необходимо широко внедрить в практику известкование и гипсование солонцовых почв.

Для настоящего освоения огромных земельных богатств нашей страны в течение двух сталинских пятилеток сделано много. Следует, однако, подчеркнуть, что огромная доля этой работы еще впереди.

Большая сложная задача — систематически повышать плодородие земли — не может быть разрешена сколько-нибудь основательно отдельными мероприятиями. Решить этот вопрос коренным образом возможно лишь при построении правильной, научной системы земледелия. Таковой является травопольная система, предусматривающая правильное сочетание растениеводства, животноводства и собственно земледелия, одновременное их быстрое развитие. Травопольные севообороты устанавливают чередование и соотношение культур, которое в наибольшей мере отвечает этой важнейшей задаче.

С практическим переходом к травопольной системе и созданием необходимых для этого предпосылок наше сельское хозяйство, однако, явно отстает. В настоящее время только 12—15% колхозов имеют севообороты. Пробравшиеся в земельные органы враги народа пытались перенести в совхозы и колхозы худшие образцы капиталистического хищничества в земледелии, например, упрощенную агротехнику, узкую специализацию, мелкую вспашку, неправильные севообороты, не обеспечивающие повышения плодородия почвы. Вредители одновременно подрывали севообороты тем, что вводили их без доброкачественного внутривозрастного землеустройства, давали колхозам годовые посевные задания, расходящиеся с принятым севооборотом и т. д. В результате подрывной работы троцкистско-бухаринских наемников фашизма в нашем сельском хозяйстве севообороты — этот важнейший фактор увеличения плодородия земли, повышения урожайности культур и производительности труда — находятся в запущенном состоянии. Отсюда ясно, какие грандиозные задачи в этом отношении стоят перед сельским хозяйством в третьей пятилетке. XVIII съезд партии указал, в каком направлении должна вестись эта работа. В третьей пятилетке необходимо внедрить в колхозах и совхозах «правильные севообороты с применением травосеяния и черных паров, обеспечивающие значительное увеличение плодородия почвы, рост урожайности и создание прочной кормовой базы для растущего животноводства»¹.

В третьей пятилетке еще не может быть поставлена задача перехода к травопольным севооборотам в их наиболее зрелой, завершенной форме, т. е. без применения незанятого пара. Непосредственный массовый переход к травопольным севооборотам в их классической форме будет возможен лишь после приведения полей в более культурное состояние. Прежде всего необходимо очистить поля от сорняков, которые зачастую заглушают и сводят на-нет посеvy трав. Эта задача может быть наиболее быстро и эффективно разрешена лишь посредством широкого применения черных паров. Поэтому в третьей пятилетке необходимо внедрять в колхозах и совхозах севообороты с применением травосеяния и черных паров, т. е. плодосменные севообороты травопольного типа, являющиеся переходными к травопольным севооборотам без пара. При этом чрезвычайно важно, чтобы вводимые плодосменные севообороты травопольного типа предусматривали ротации продолжительностью не менее семи лет, т. е. были бы 7, 8, 9 и 10-польными севооборотами, позволяющими постепенно, без ломки границ полей, перейти к травопольным севооборотам в их завершенном виде.

В борьбе за правильные севообороты авангардная роль принадлежит травопольным МТС. СНК СССР и ЦК ВКП(б) в постановлении от 26/X 1938 г. «О мерах обеспечения устойчивого урожая в засушливых районах юго-востока СССР» указывают: «В целях разработки в хозяйственных условиях колхозов системы агротехники и севооборотов с посевами многолетних трав, а также для создания базы производства семян многолетних трав (житняк, люцерна, в особенности — желтая люцерна) приступить, начиная с 1939 года, к переводу части колхозов на травопольные севообороты в Саратовской, Сталинградской, Куйбышевской и Оренбургской областях — по 5 МТС, в АССР Немцев Поволжья — по 2 МТС, в Ростовской и Ворошиловградской областях — по 2 МТС, в Зап.-Казахстанской и Актюбинской

¹ Третий пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1938—1942 гг.). Резолюция XVIII съезда ВКП(б) по докладу тов. В. Молотова, см. Резолюции XVIII съезда ВКП(б), стр. 21.

областях Казахской ССР — по 1 МТС на область»¹. На основе этого постановления в нынешнем году выделены 28 травопольных МТС в дополнение к существовавшим до этого 5 МТС. Колхозы, обслуживаемые этими МТС, должны подготовить своим опытом широкий переход в дальнейшем к травопольным севооборотам. Весьма существенную предпосылку перехода более широким фронтом к травопольным севооборотам представляют колхозы районов травопольных МТС также в качестве базы производства семян многолетних трав. В настоящее время производство семян многолетних трав явно отстает.

Увеличение травосеяния не должно повлечь за собою сокращения посевов зерновых и технических культур. Для этого необходимо освоить новые земли под пашню. План предусматривает освоение под пашню 10—11 млн. га¹ новых земель (распашка кустарников, раскорчевка леса, осушение болот и т. д.) преимущественно на востоке.

В связи с внедрением севооборотов, с применением травосеяния в ряде районов УССР и в некоторых центральных областях неизбежно некоторое сокращение зерновых посевов; оно, однако, должно быть возмещено соответствующим расширением посевов зерновых в других районах.

Борьба за высокую урожайность в значительной мере зависит от улучшения семенного дела. В 1937 г. были обеспечены сортавыми семенами 26% посевов яровых зерновых и 71% озимых, в то время как второй пятилетний план поставил перед земельными органами задачу — обеспечить к концу второй пятилетки сортавыми семенами 75% всей площади зерновых. Пробравшиеся в земельные органы враги народа запутали семенное дело посредством неправильного районирования сортов и внедрения в производство низкокачественных сортов.

XVIII съезд партии обязал земельные органы обеспечить в третьей пятилетке посевы зерновых и других культур «исключительно высокосортными и улучшенными отборными семенами как селекционных, так и местных сортов»². Для успешного выполнения этой большой задачи необходимо, чтобы работники социалистической семеноводческой системы еще более повысили качество своей работы на основе исторического решения СНК СССР «О мерах по улучшению семян зерновых культур», вооружающего действенной, конкретной программой укрепления семеноводства и селекции. Особенно ответственные задачи стоят перед нашим семеноводством и селекцией в третьей пятилетке по линии организации семеноводства трав, выведения зимостойких сортов озимых для восточных районов и засухоустойчивых сортов зерновых для юго-востока.

Социалистическая индустриализация сельского хозяйства — многогранный процесс. Развертывая строительство высокомеханизированного производства, мы исходим из задачи — поставить на службу сельскохозяйственному производству все ценные факторы повышения производительности труда. В числе их не последнее место принадлежит правильной специализации производства.

Капиталистическому сельскому хозяйству, которое вынуждено приспособляться к рыночной конъюнктуре, недоступна устойчивая рациональная специализация производства. Под диктовку рынка производство в капиталистическом сельском хозяйстве принимает уродливую форму узкой специализации (монокультуры), часто меняет направление.

¹ «Правда» от 27 октября 1938 г., № 297.

² Резолюция XVIII съезда ВКП(б) по докладу тов. В. Молотова, см. Резолюции XVIII съезда ВКП(б), стр. 21.

Социалистическому плановому хозяйству доступна рациональная специализация производства, построенная на правильной, научной основе, с полным учетом существенных особенностей сельскохозяйственного производства.

Характерной особенностью процесса производства в земледелии является большой разрыв между периодом производства и периодом труда. Это обстоятельство «...образует естественную основу для объединения земледелия с подсобными сельскими промыслами...»¹, что дает возможность использовать рабочую силу сельского населения и во время перерывов в процессе труда в земледелии. Необходимость сочетания в сельском хозяйстве основной отрасли и культуры с добавочными, подсобными, как уже отмечалось, диктуется также тем, что в земледелии важнейшим средством производства является земля, а правильное использование земли, систематическое повышение ее плодородия требует сочетания культур и отраслей, в частности повсеместного развития животноводства.

Социалистическое сельское хозяйство имеет возможность полностью учесть эти особенности процесса производства в земледелии и осуществить правильную специализацию. Однако эта возможность не всегда используется. Враги народа пытались запутать вопрос специализации, насаждать всяческие извращения. Они пропагандировали узкую специализацию (монокультуру), айки, инаки и т. д. Эти вражеские махинации разоблачены. Но правильные принципы специализации производства на практике далеко еще не полностью претворяются в жизнь..

Во второй пятилетке проделана значительная работа по ликвидации узкой специализации и развитию в совхозах и колхозах, наряду с ведущими, подсобных отраслей и культур. Узкоспециализированные зерновые совхозы развили у себя животноводство, узкоспециализированные животноводческие совхозы, наряду с основными, обзавелись также подсобными видами животноводства и развили у себя полеводство. Улучшение организации хозяйства путем дальнейшего развития подсобных отраслей и культур необходимо продолжить.

Приведем небольшую иллюстрацию. В колхозах Джулинского района, Винницкой области, структура денежных доходов в 1938 г. характеризуется следующими данными².

Отрасли	Получено денежного дохода (в % к итогу)
Полеводство	68,2
Животноводство	12,1
Заработки на стороне (извоз и др.)	7,9
Огородничество и садоводство	7,8
Подсобные предприятия	2,2
Прочие	1,8

Джулинский район — типичный свекловичный район. В нем имеются огромные возможности для развития животноводства. Тем не менее животноводство дает лишь 12,1% всего дохода, причем на животноводство расходуется лишь 7,1% трудодней. Колхозные животноводческие фермы в районе мелкие, неустроенные. Однобокое развитие хозяйства снижает доходы колхозов и колхозников, обуславливает недостаточное использование трудовых ресурсов колхозников

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. XVIII, стр. 257.

² По материалам обследования, проведенного Институтом экономики Академии наук СССР.

и одновременно ограничивает возможности повышения плодородия почвы.

Джулинский район — не исключение. По линии лучшего сочетания отраслей и культур в социалистическом сельском хозяйстве еще непочатый край резервов во всех областях и районах. Особенно велики резервы по повсеместному развитию животноводства. Расширение в третьей пятилетке кормовой базы за счет повышения удельного веса кормовых культур, особенно многолетних трав, и рационального использования естественных сенокосов и пастбищ еще более увеличит эти резервы.

Ликвидация односторонности, правильное сочетание отраслей и культур является задачей не только отдельных предприятий, но всего сельского хозяйства. Высокоинтенсивное, рациональное сельское хозяйство предполагает уничтожение одностороннего зернового характера земледелия и изменение соотношения культур и отраслей: увеличение в продукции сельского хозяйства удельного веса животноводства, технических и кормовых культур, овощеводства и плодоводства. Это необходимо как в интересах снабжения страны всеми видами сельскохозяйственной продукции, так и для повышения производительности сельскохозяйственного труда и введения правильных севооборотов.

В этом отношении немало сделано, что наглядно видно из изменений в структуре посевных площадей: в 1913 г. зерновые посевы занимали 89,9% всех посевных площадей, а в 1937 г. — лишь 77,2%. За счет сокращения удельного веса зерновых посевов значительно увеличен процент технических, кормовых и овоще-бахчевых посевов. Так как это изменение соотношения культур происходило на основе общего увеличения посевных площадей, то посевы зерновых в абсолютном выражении не только не сократились, но возросли на 10 млн. га, причем из этого прироста 9,8 млн. га приходится на увеличение посевов наиболее ценной зерновой культуры — пшеницы. Посевы ржи сократились на 10,8%, а посевы пшеницы расширились на 31%.

Удельный вес посевов технических культур поднялся за период с 1913 до 1937 г. с 4,3 до 8,2%, т. е. почти удвоился. Одновременно с огромным увеличением посевов хлопка, сахарной свеклы и льна внедрены в производство ценные новые технические культуры: клеверина, соя, южная конопля, кенаф, кендырь, рами; топинамбур; тунга, чуфа, большое количество лекарственных и эфиромасличных растений и т. д.

Примерно в два раза (с 3,6 до 6,7%) увеличен с 1913 до 1937 г. удельный вес овоще-бахчевых посевов и картофеля. Посевы овощей возросли на 184,7%, картофеля — на 124,1%.

Особенно бурными темпами выросли посевы кормовых культур: за рассматриваемый период они увеличились на 418,8% — с 2,0 млн. га в 1913 г. до 10,6 млн. га в 1937 г. В результате удельный вес кормовых возрос в 1937 г. до 7,9% против 2,0% в 1913 г.

В третьей пятилетке предстоит дальнейшая большая работа по улучшению соотношения культур в посевах. В связи с внедрением правильных севооборотов и огромными задачами в области животноводства необходимо прежде всего значительно увеличить посевы кормовых культур, в особенности многолетних трав. Планом третьей пятилетки намечается также дальнейшее увеличение посевов овощей и картофеля.

Непочатый край возможностей повышения производительности труда и роста колхозной зажиточности таит дальнейшее развитие садоводства и виноградарства. В валовой продукции нашего сельского

хозяйства на долю садово-виноградных культур приходится лишь 3% (1935 г.). Эта цифра свидетельствует об отсталости нашего плодоводства. Садоводство и виноградарство должны быть в третьей пятилетке сильно подняты путем закладки новых садов и виноградников, а также расширения старых.

Могучим рычагом повышения производительности труда и развертывания социалистического расширенного воспроизводства является также правильное размещение производства. Перед социалистическим сельским хозяйством стояла задача ликвидировать ту уродливую односторонность развития сельского хозяйства, которая в условиях капитализма характеризует не только отдельные предприятия, но и целые области. В этом отношении уже сделано много. В бывшей потребляющей полосе создана собственная сельскохозяйственная база. Здесь получили сильное развитие не только зерновые культуры, но и молочное животноводство, свиноводство, технические и кормовые культуры, овощеводство. Пшеница теперь успешно возделывается и в северных районах нечерноземной полосы.

Одновременно значительно улучшена структура посевов в бывших узкозерновых районах. В степных областях УССР, в Сталинградской и Ростовской областях, Орджоникидзевского края, широкое развитие получили посевы хлопка и других технических, а также кормовых и огородно-бахчевых культур. В новые районы продвинуты посевы сахарной свеклы (Западная Сибирь, Грузинская, Армянская, Казахская, Киргизская ССР и т. д.).

В третьей пятилетке необходимо осуществить ряд новых крупных задач по улучшению размещения сельского хозяйства. Особо важное значение имеет в связи с этим решение XVIII съезда партии о создании вокруг Москвы, Ленинграда, Баку, Харькова, Киева промышленных центров Донбасса, Кузбасса, Горького, городов Дальнего Востока и всех других крупных городов картофельно-овощных и животноводческих баз, обеспечивающих полностью снабжение этих центров овощами, картофелем и в значительной степени молоком и мясом. Выполнение этого задания позволит улучшить снабжение крупных промышленных центров. Одновременно транспорт будет избавлен от огромных нерациональных перевозок, к тому же связанных с большими потерями и порчей продуктов в пути.

Расширение посевов зерновых культур, особенно озимой пшеницы, намечено произвести в северных и восточных районах. Необходимо также дальнейшее расширение в новых районах посевов льна, сахарной свеклы, хлопка и других технических культур.

* * *

Громадные победы в области развития социалистического хозяйства достигнуты партией в решительной борьбе против врагов коллективизации и социалистического строительства — кулаков, троцкистско-бухаринских шпионов и вредителей. В начале коллективизации кулаки выступали против колхозов открыто, убивали из-за угла колхозных активистов, сжигали их дома, пытались приостановить процесс коллективизации. Убедившись, что открытая борьба против колхозов потерпела неудачу, остатки разгромленного кулачества, а также его пособники и агенты в конце реорганизационного периода перешли к замаскированной подрывной работе изнутри колхозов, прикидываясь сторонниками коллективизации.

Величайшие новые победы в социалистическом сельском хозяйстве в годы второй пятилетки завоеваны в решительной борьбе за политическое и организационно-хозяйственное укрепление колхозов, МТС

и совхозов. В начале второй пятилетки партия выдвинула лозунг: превратить колхозы в большевистские, а всех колхозников — в зажиточных. Огромные преимущества социалистической экономики реализуются в колхозах по мере выполнения этого популярнейшего сталинского лозунга.

Задача дальнейшего укрепления и развития колхозов стоит во весь рост и в третьей пятилетке. Некоторые участники предсъездовской дискуссии выдвигали неправильное предложение — взяться за организацию образцовых коммун. Товарищ Молотов в своем заключительном слове подчеркнул, что и в третьей пятилетке надо всемерно укреплять сельскохозяйственную артель. «У нас и в третьей пятилетке основной формой колхозного хозяйства будет сельско-хозяйственная артель. Мы еще далеко не использовали всех возможностей этой колхозной формы для подъема сельского хозяйства, для подъема благосостояния колхозного крестьянства. Поэтому тянуть теперь в сторону коммун, а, тем более, переносить центр тяжести с сельско-хозяйственной артели на коммуны, — значит занять неправильную позицию и сбиться с пути»¹.

Выдающееся значение для укрепления колхозов имел и имеет Сталинский устав сельскохозяйственной артели. Товарищ Микоян с полным правом назвал его на XVIII съезде партии важнейшим теоретическим трудом и поставил его в один ряд с такими документами, как Сталинская Конституция, Краткий курс истории ВКП(б) и отчетный доклад товарища Сталина на XVIII съезде партии.

Сталинский устав сельскохозяйственной артели показал, как нужно правильно сочетать личные интересы колхозников с общественными, подчиняя личное общественному, а это имеет первостепенное значение для колхозного строительства. Правильное сочетание личных интересов колхозников с общественными интересами колхозов, указывал товарищ Сталин, является ключом к укреплению колхозов. В Сталинском уставе сельскохозяйственной артели практическое разрешение этого вопроса поднято на большую высоту.

Основа благополучия колхозников — общественное хозяйство колхозов. Неуклонное быстрое развитие общественного хозяйства колхозов обеспечило рост колхозной зажиточности и расцвет социалистического сельского хозяйства. Сельскохозяйственная артель, однако, не может игнорировать и личные, бытовые нужды колхозников. Поэтому устав сельскохозяйственной артели предусматривает обзаведение колхозников личным хозяйством. Партия уделяла практическому осуществлению этого положения устава большое внимание. Бескоровность колхозников в основном ликвидирована. Колхозники наделены повсеместно приусадебными участками. Но личное хозяйство должно иметь подсобное значение. Сила сельскохозяйственной артели в том и состоит, что «...а) артель правильно сочетает личные, бытовые интересы колхозников с их общественными интересами, б) артель удачно приспособляет личные, бытовые интересы — к общественным интересам, облегчая тем самым воспитание вчерашних единоличников в духе коллективизма»².

Огромное большинство колхозников действительно расценивает личное хозяйство как подсобное и стремится прежде всего к всемерному развитию общественного хозяйства колхозов. Это получило яркое выражение в том факте, что подавляющее большинство колхозников вырабатывает в год от 200 до 600 и больше трудодней, причем

¹ Молотов, Третий пятилетний план развития народного хозяйства СССР. Доклад и заключительное слово на XVIII съезде ВКП(б), стр. 61.

² Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 581.

число таких честных тружеников из года в год возрастает. Это получило также яркое выражение в неуклонном росте в сельском хозяйстве социалистических форм труда, стахановского движения.

Но наряду с огромным большинством честных тружеников в колхозах имеется немало рвачей, лодырей, лентяев, которые пытаются урвать себе побольше, а колхозу дать поменьше. В погоне за личной наживой эти рваческие элементы стараются всемерно раздуть личное хозяйство, превратить его из подсобного в основное, уклоняются от участия в общественном труде. Лодыри и рвачи пользуются всеми благами колхозной жизни, а в колхозном общественном хозяйстве или не работают вовсе или работают только для виду, вырабатывая в течение года не более 20—30 трудодней.

Такие колхозники фактически являются дармоедами, сидящими на шее колхоза. Они действуют разлагающе, подрывают трудовую дисциплину, снижают производительность труда в колхозах.

XVIII съезд партии указал, что необходимо усилить борьбу против нарушений устава сельскохозяйственной артели: «В колхозном строительстве задачи заключаются в дальнейшем всемерном организационно-хозяйственном укреплении сельскохозяйственной артели, в развитии и укреплении общественной собственности колхоза, в развитии колхозных животноводческих ферм, общественных построек, общественных страховых фондов и других видов колхозной собственности, что является основой дальнейшего подъема сельского хозяйства и материально-культурного уровня жизни колхозного крестьянства. В соответствии с этим необходимо усилить борьбу с нарушениями Устава сельско-хозяйственной артели, не допускать незаконного расширения приусадебного хозяйства, приусадебных земельных участков и скота у отдельных колхозников, что ведет к нарушению интересов колхоза, мешает укреплению колхозной дисциплины»¹.

Борьбе против рваческих и спекулятивных тенденций в колхозах уделил особое внимание майский (1939 г.) пленум ЦК ВКП(б). Пленум одобрил проект постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания», в котором намечены весьма действенные методы борьбы против нарушения устава сельскохозяйственной артели и незаконного раздувания личного хозяйства.

ЦК ВКП(б) и СНК СССР в своем постановлении указывают, что грубейшие извращения устава сельскохозяйственной артели получили широкое распространение потому, что партийные и советские руководители «...способствуют своей оппортунистической практикой нарушению устава и преступно-благодушно относятся к проникновению в колхозы враждебных колхозному строю частно-собственнических, буржуазных тенденций, заносимых остатками разбитого кулачества»².

Слабое участие значительной части колхозников в колхозном общественном производстве связано с незаконным чрезмерным раздуванием личного хозяйства. В ряде колхозов дело дошло до того, что происходило не только незаконное увеличение приусадебных участков, но и сдача их в аренду, сохранение их за лицами, вышедшими из колхоза и т. д.

ЦК ВКП(б) и СНК СССР постановили немедленно решительно ликвидировать нарушения устава сельскохозяйственной артели и извращения в области колхозного землепользования. Всякая попытка

¹ Резолюция XVIII съезда ВКП(б), по докладу тов. В. Молотова, см. Резолюции XVIII съезда ВКП(б), стр. 35.

² «Правда» от 28 мая 1939 г., № 146.

урезать общественные земли колхоза в пользу личного хозяйства колхозников, а также чрезмерное увеличение приусадебных участков, сверх размеров, предусмотренных уставом сельскохозяйственной артели, будут рассматриваться как уголовное преступление, наказуемое судом.

Не позже 15 августа должен быть произведен обмер всех приусадебных земель, находящихся в личном пользовании колхозников, с тем, чтобы не позже 15 ноября изъять из личного пользования и присоединить к общественным землям колхозов все земли, незаконно переданные в личное пользование.

В целях борьбы против рваческих и спекулятивных тенденций в колхозах ЦК ВКП(б) и СНК СССР постановили рекомендовать колхозам считать выбывшими из колхоза и потерявшими права колхозника тех трудоспособных колхозников и колхозниц, которые не выработали обязательного минимума трудодней в году. Обязательный минимум устанавливается в колхозах хлопковых районов в размере 100 трудодней в год, в колхозах других районов — в размере 80 или 60 трудодней.

В ряде районов встречаются малоземельные колхозы, в которых уже исчерпаны резервы земли для наделения колхозников приусадебными участками по установленным нормам. Для таких колхозов актуальнейшей задачей стало организовать переселение части колхозников в многоземельные районы (Поволжье, Челябинская обл., Омская обл., Казахстан, Алтайский край, Дальний Восток и т. д.).

Намеченные в постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 27 мая с. г. мероприятия имеют исключительно большое значение для дальнейшего укрепления колхозов. В нем даны четкие указания по самым жгучим вопросам колхозной жизни. Это постановление является грозным предостережением для лодырей и рвачей. В дальнейшем они уже не будут иметь возможности пользоваться наравне с честными колхозниками колхозной землей, скотом, выпасами и кормами, если в корне не переменят своего отношения к колхозному общественному хозяйству, если не станут подлинными колхозниками и не будут добросовестно участвовать в общественном труде.

Повышение производительности труда и укрепление трудовой дисциплины в колхозах зависит в значительной мере и от того, как организовано отходничество и привлечение излишней рабочей силы колхозов в промышленность. В докладе на XVIII съезде партии товарищ Сталин поставил перед колхозами задачу — оказать помощь социалистической промышленности рабочей силой. «Теперь речь может идти лишь о том, чтобы предложить колхозам уважить нашу просьбу и отпускать нам для растущей промышленности ежегодно хотя бы около полтора миллиона молодых колхозников»¹.

Этот призыв товарища Сталина находит в колхозах широкий отклик. Он продиктован одинаково и заботой об интересах социалистической промышленности и заботой об интересах самих колхозов и колхозников. Механизация сельскохозяйственных работ высвобождает ежегодно много рабочих рук. Переход части колхозников в промышленность, в особенности тех, которые на колхозных работах используются недостаточно, является поэтому одним из решающих мероприятий повышения производительности труда и доходов колхозов и колхозников. «В интересах дальнейшего укрепления дисциплины, поднятия производительности труда и увеличения доходности колхоза на каждого колхозника, равно как в целях

¹ Сталин, Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б) стр. 32.

дальнейшего развития промышленности, увеличения товаров в стране и снабжения промышленных предприятий рабочими кадрами из колхозников,— необходимо добиться того, чтобы колхозы систематически отпускали колхозников на работу в промышленные предприятия, в первую очередь тех, которые мало используются на работе в колхозе, имеют мало трудодней и обременяют поэтому колхоз»¹.

Отсутствие эксплуатации, расцвет колхозного строя, работа на себя, на свое, советское общество, коренное улучшение материального положения рабочих и колхозников, вооружение социалистического сельского хозяйства мощной техникой, рост его кадров — все это создало предпосылки для широкого развития и в сельском хозяйстве социалистического соревнования и его высшей формы — стахановского движения. Стахановское движение в сельском хозяйстве выросло в движение десятков и сотен тысяч лучших передовиков — новаторов производства и застрельщиков культурно-технического роста масс. В 1938 г. мы имели тысячи передовых колхозов, десятки тысяч передовых бригад и звеньев. Насколько широко развито стахановское движение в сельском хозяйстве, наглядно показывают опубликованные в 1939 г. указы Верховного Совета СССР о награждении передовиков сельского хозяйства Узбекской, Украинской, Казахской и Белорусской ССР, Московской, Ленинградской и Воронежской областей. Яркие факты роста стахановского движения в социалистическом сельском хозяйстве привел т. Андреев в речи на XVIII съезде партии.

В 1938 г. урожайность зерновых в среднем по СССР равнялась 9,3 ц с 1 га. Однако 35 тыс. колхозов получили по 13 ц и больше. Звено т. Чуманова (Алтайский край) получило 84 ц с 1 га; звено т. Папенко — 75 ц; звено т. Сергеевой — 72 ц. Бригада т. Ледовского (Адыгейская авт. обл.) собрала 40 ц с 1 га; бригада т. Солдатова (Куйбышевская обл.) в условиях засушливого года собрала 37 ц с 1 га.

Средняя урожайность по хлопку в 1938 г. равнялась 12,9 ц с 1 га. Звено т. Алиевой (Азербайджанская ССР) собрало 151 ц хлопка с 1 га, звено т. Ташбаева (Ферганская обл.) — 130 ц с 1 га. В ряде районов в целом собран урожай по 20—30 ц с 1 га и выше.

По сахарной свекле средняя урожайность в 1938 г. равнялась 141 ц с 1 га. Звено т. Проволоцкой (Кировоградская обл.) собрало 1 103 ц с 1 га; звено т. Пилипенко (Харьковская обл.) — 1 049 ц; звено т. Охота (Винницкая обл.) — 1 062 ц и т. д. В ряде районов в целом собран урожай по 350—450 ц с 1 га.

По льну-волокну средняя урожайность низкая — 2,7 ц с 1 га. Звено т. Барановской (Житомирская обл.) получило 21,75 ц с 1 га; звено т. Филькиной (БССР) — 17,6 ц с 1 га. Каменский район, Калининской обл., в целом собрал по 5,3 ц с 1 га.

Приведенные цифры показывают, что стахановцы сельского хозяйства достигли производительности труда, превышающей в 7—10 раз средний уровень по Союзу. Воспитание у колхозников социалистического отношения к труду, к общественному хозяйству и собственности, укрепление социалистической дисциплины труда, развитие социалистического соревнования, его высшей формы — стахановского движения — должно стоять в третьей пятилетке в центре внимания. «В соответствии с указанием Ленина о том, что «производительность труда, это, в последнем счете, самое важное, самое главное для победы нового общественного строя», мы должны обеспечить всемерное развертывание социалистического соревнования и стахановского движе-

¹ Резолюция XVIII съезда ВКП(б) по докладу тов. В. Молотова, см. Резолюции XVIII съезда ВКП(б), стр. 35.

ния, неуклонное укрепление трудовой дисциплины во всех предприятиях и учреждениях, во всех колхозах, мы должны обеспечить достойную социалистического общества высокую производительность труда рабочих, крестьян, интеллигенции»¹.

Коммунистическое воспитание трудящихся, преодоление пережитков капитализма в сознании людей — решающая задача третьей пятилетки. В сельском хозяйстве, где еще не так давно господствовало мелкое производство, коммунистическое воспитание масс должно быть предметом особой заботы.

Для укрепления трудовой дисциплины и развития стахановского движения в колхозах большое значение имеет улучшение организации труда, прежде всего решительная борьба против уравниловки и обезлички. За годы второй пятилетки в этом отношении сделано много: повсеместно организованы постоянные бригады, введена сделщина. Но и теперь в организации труда еще немало недочетов и неиспользованных резервов.

Во второй пятилетке в колхозах возникла новая форма организации труда — постоянное звено. Постоянные звенья сыграли большую положительную роль, особенно в бурном подъеме хлопкового производства. В 1937 и 1938 гг. опыт организации постоянных звеньев получил распространение и дал прекрасные результаты и в некоторых зерновых районах. В бригаде из 50—70 человек лодыри имеют возможность прятаться за спину лучших производственников. В постоянном звене работа каждого на виду, взаимная проверка и контроль более действенны, персональная ответственность за качество работы повышается. Необходимо добиться организации постоянных звеньев во всех колхозах.

* * *

В колхозах уже на данном этапе производительность труда вдвое-втрое выше, чем в мелком крестьянском хозяйстве. Это — большое завоевание. Достигнутые успехи в деле повышения производительности сельскохозяйственного труда, однако, лишь в малой мере соответствуют тем огромным возможностям, которые создала коллективизация сельского хозяйства.

Задачи, поставленные в плане третьей пятилетки, могут быть успешно разрешены лишь при условии дальнейшего мощного роста производительности труда в сельском хозяйстве. Предпосылок для этого больше чем достаточно. Социалистическое сельское хозяйство располагает первоклассной технической базой и многомиллионными прекрасными кадрами, опыт и подготовка которых из года в год возрастает. В связи с завершением комплексной механизации в третьей пятилетке техническая база сельского хозяйства станет еще более могучей. В таких условиях решающее значение имеет правильное, действенное руководство. Наличие в сельском хозяйстве в настоящее время значительных неиспользованных резервов является прямым результатом слабого руководства со стороны земельных органов.

Величайшие преимущества социалистической системы превращаются в действительность не самотеком, а в ожесточенной классовой борьбе. Рост социалистического сельского хозяйства в годы второй пятилетки достигнут партией в решительной борьбе против остатков кулачества и троцкистско-бухаринских вредителей и шпионов. Грандиозные задачи третьей пятилетки могут быть успешно осуществлены лишь при условии дальнейшей неослабной борьбы против махинаций при-

¹ Резолюция XVIII съезда ВКП(б) по докладу тов. В. Молотова, см. Резолюции XVIII съезда ВКП(б), стр. 12—13.

таившихся врагов народа и решительного выкорчевывания всех и всяческих пережитков капитализма из сознания трудящихся.

Правильное руководство со стороны Центрального комитета партии и лично товарища Сталина обеспечило огромные победы, которыми социалистическое сельское хозяйство по праву гордится. Но далеко не всегда решения Центрального комитета партии и правительства доводятся как следует до каждого колхоза, совхоза и МТС. Земельные органы должны улучшить свою организационную работу, более действенно возглавить и направлять активность колхозных масс на выполнение больших задач третьей пятилетки. Тогда неисчерпаемые возможности социалистического сельского хозяйства будут претворяться в еще более яркие и многочисленные факты побед.

Прекрасный образец марксистско-ленинского руководства представляют постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания» и «О подготовке к уборке урожая и заготовкам сельскохозяйственных продуктов в 1939 году». Первое из этих постановлений вызвано оппортунистической практикой нарушения устава с.-х. артели. Если бы предыдущие директивы партии были доведены как следует до каждого колхоза и не имело место попустительство в отношении враждебных колхозному строю частнособственнических тенденций,—извращения политики партии в колхозном строительстве не могли бы иметь места.

Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР о подготовке к уборке урожая и заготовкам дает четкие указания, как организовать уборку урожая и заготовки, чтобы провести их без потерь и быстро. Оно указывает на ряд уроков, которые необходимо извлечь из опыта уборки прошлого года. Совершенно очевидно, что эти ценнейшие указания сыграют колоссальную роль в дальнейших победах социалистического сельского хозяйства только в том случае, если будут по-настоящему доведены до каждого колхоза, МТС и совхоза, если земельные органы улучшат свою организационную работу.

Огромную организующую роль в успешном выполнении плана третьей пятилетки по сельскому хозяйству должна сыграть Всесоюзная сельскохозяйственная выставка, которая явится генеральным смотром социалистического сельского хозяйства. Выставка позволит обозреть его огромные достижения в наиболее концентрированном виде.

Всесоюзная сельскохозяйственная выставка органически связана с планом третьей пятилетки. Чтобы участвовать на выставке, необходимо иметь определенные показатели результатов работы. «Эти показатели установлены таким образом, что при выполнении их всей массой колхозов и совхозов у нас будет обеспечено не только выполнение, но и перевыполнение заданий третьего пятилетнего плана по сельскому хозяйству. Таким образом, Всесоюзная Сельско-Хозяйственная Выставка дает целую программу для подъема сельского хозяйства»¹.

¹ Молотов, Третий пятилетний план развития народного хозяйства СССР. Доклад и заключительное слово на XVIII съезде ВКП(б), стр. 28.

Подготовка технической базы коммунизма и подземная газификация

В решении XVIII съезда партии о третьем пятилетнем плане развития народного хозяйства большое место уделено подземной газификации углей. Эта отрасль социалистического хозяйства совершенно не фигурировала в планах первой и второй пятилеток. В конце первой пятилетки (1932 г.) проблема подземной газификации была только поставлена. В период второй пятилетки велись научно-исследовательские и опытные работы. На пороге третьей пятилетки подземная газификация угля, преодолев большие технические трудности и сопротивление агентов фашизма, вступила на путь промышленного развития.

Решение XVIII съезда партии о том, чтобы превратить «...в третьей пятилетке подземную газификацию углей в самостоятельную отрасль промышленности»¹, есть свидетельство большой победы партии еще на одном участке борьбы.

В решениях XVIII съезда партии дана развернутая программа борьбы за выполнение этой задачи. «Построить и ввести в эксплуатацию ряд промышленных станций подземной газификации в Донбассе, в Подмосковном бассейне и на Востоке СССР с использованием получаемого газа для энергетики, химической промышленности и коммунального хозяйства»². Съезд указал также масштаб развития газовой промышленности, в том числе и подземной газификации углей: «Увеличить добычу газа из нефтяных и чисто-газовых месторождений, а также за счет подземной газификации углей за третью пятилетку в 3,5 раза»³.

Дело чести рабочих и инженерно-технических работников подземной газификации углей добиться, чтобы в общем увеличении производства газа в 3,5 раза доля подземной газификации угля была как можно больше.

Выступая на XVIII съезде партии, т. Л. М. Каганович говорил: «Особое внимание уделяется подземной газификации угля, вызывающей, по выражению Ленина, «переворот в промышленности».

Товарищ Сталин сейчас уделяет этому делу особое внимание»⁴.

Внимание товарища Сталина является порукой тому, что подземная газификация углей действительно будет превращена в ближайшем будущем в самостоятельную отрасль промышленности.

¹ Третий пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1938—1942 гг.). Резолюция XVIII съезда ВКП(б) по докладу тов. В. Молотова, см. Резолюции XVIII съезда ВКП(б), стр. 16.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Л. Каганович, Речь на XVIII съезде ВКП(б), стр. 30.

* * *

Подземная газификация, т. е. превращение угля в горючий газ непосредственно в пластах, под землей, является одной из узловых проблем советской техники. Решение ее в широких промышленных масштабах окажет революционизирующее влияние на все отрасли индустрии. Являясь способом производства энергии, принципиально отличным от всех, применявшихся до сих пор, подземная газификация дает новый, невиданный толчок развитию промышленности.

Превращая любой уголь под землей без его добычи в самый удобный и совершенный вид топлива — в горючий газ, подземная газификация открывает исключительные перспективы для перевода большей части энергетики с твердого топлива на газообразное. Это сразу поднимает в 2—3 раза использование потенциальной энергии угля.

С переводом тепловых электростанций на газ и внедрением газового топлива в другие отрасли хозяйства значительно понижается стоимость энергии и создается база для коренного изменения экономики промышленности. Наконец, газовое топливо сильно ускоряет производственные процессы, повышает качество продукции, производительность и культуру труда. Революционное значение газового топлива в современной технике целиком подтверждается практикой всех областей, где газ нашел большое применение.

Подземная газификация неизбежно вызовет крупные сдвиги в размещении производительных сил. Везде, где есть уголь, возникнут энергохимические узлы, которые явятся основой быстрого промышленного развития огромных новых районов. В старых промышленных районах подземная газификация будет мощным средством дальнейшего развития и завершения электрификации промышленности и транспорта.

Для централизованного газоснабжения промышленных узлов, для перевода на газовое топливо крупных электростанций и промышленных предприятий нужно получать газ в огромных количествах, исчисляемых в миллиардах кубических метров и по низким ценам. Подземная газификация эффективно решает обе эти задачи.

Идея подземной газификации углей как научная гипотеза впервые была высказана великим русским химиком Д. И. Менделеевым свыше пятидесяти лет назад (летом 1888 г.). В работе «Будущая сила, покоящаяся на берегах Донца»¹ Менделеев писал: «Настанет, вероятно, со временем такая эпоха, что угля из земли выламывать не будут, а там, в земле, его сумеют превращать в горючие газы и их по трубам будут распределять на далекие расстояния».

Спустя десять лет Менделеев снова возвращается к этой проблеме в связи с интересовавшим его вопросом о подземных рудничных пожарах. Вначале Менделеев ставит вопрос об использовании подземных рудничных пожаров, но затем мысль его идет дальше — к подземной газификации как искусственно управляемому процессу.

В большой работе «Учение о промышленности», опубликованной в 1900 г., Менделеев снова отстаивает свою идею. Он пишет: «я полагаю, что образование генераторного газа можно достичь внутри самой земли, устроив к пластам... регулируемый доступ воздуха, через что можно избежать всей — почти каторжной — работы в каменноугольных шахтах... тогда можно будет пользоваться и тонкими

¹ «Северный Вестник», 1888 г., №№ 8—12.

пластами каменного угля, которые нельзя выгодно вырабатывать нынешними способами»¹.

Таким же путем мыслил Менделеев и удешевление топлива, что должно было сильно отразиться на работе всей промышленности. «По моему мнению, в будущем можно ждать очень крупного удешевления стоимости каменноугольного топлива, только при условии его превращения под землей же, по возможности в самих пластах (не выламывая их), в генераторные (воздушные) газы и при распределении их затем по трубам, для чего я не предвижу ни одной существенной трудности...»². Таким образом, Менделеев заложил основы теории подземной газификации углей.

Менделеев делал попытки привлечь научные силы для постановки опытов, но со стороны помещичье-капиталистической России он встретил глухое равнодушие.

Четверть века спустя с идеей подземной газификации углей выступил знаменитый английский химик В. Рамсэй. Очевидно, Рамсэй воспринял эту идею от Менделеева, с которым был близко знаком и часто встречался во время многочисленных поездок Менделеева в Англию. Но и Рамсэя постигла та же судьба.

До нас не дошло ни одного проекта, технического расчета или подробных рассуждений, кроме высказываний Менделеева. Советская наука и техника совершенно самостоятельно решила проблему подземной газификации углей.

В. И. Ленин, живя в эмиграции, осуществляя руководство революционным движением в России, внимательно следил и за развитием науки и техники. Отрывочные сообщения в печати о работах Рамсэя послужили непосредственным поводом к выступлению Владимира Ильича. 4 мая 1913 г. он опубликовал в газете «Правда» свою замечательную статью «Одна из великих побед техники», в которой дал блестящую оценку подземной газификации углей, отметив ее огромное экономическое значение. Рассматривая предложение Рамсэя о способе «...непосредственного добывания газа из каменноугольных пластов», Владимир Ильич в этой статье писал: «Одна из великих задач современной техники близится, таким образом, к разрешению. Переворот, который вызовет ее решение, громаден.

...Открытие Рамсэя означает гигантскую техническую революцию в этой, едва ли не самой важной, отрасли производства капиталистических стран»³.

Это определение, данное в 1913 г., особенно сильно звучит в наше время, когда газ, благодаря успехам химии и химической технологии, является не только топливом, но и высокоценным химическим сырьем. Таким образом, значение подземной газификации теперь во много раз больше, чем могло быть, во время возникновения самой идеи.

Буржуазия оказалась неспособной претворить в жизнь идею подземной газификации. Только в стране, где победил социализм, можно было поставить и решить эту задачу.

Тов. Л. М. Каганович говорил на XVIII съезде ВКП(б): «Капитализм не мог освоить подземной газификации, в силу раздирающих его противоречий. Это оказалось под силу только нам. Проблема подземной газификации у нас разрешена и практически освоена на Горловской опытной станции, молодые, талантливые строители которой награждены Правительством»⁴.

¹ Библиотека промышленных знаний, СПб, 1900, т. I, ч. I, стр. 82.

² Основы фабрично-заводской промышленности, СПб, 1897, вып. 1, стр. 140.

³ Ленин, Соч., т. XVI, стр. 368.

⁴ Л. Каганович, Речь на XVIII съезде ВКП(б), стр. 30.

Интересно отметить, что и то небольшое внимание, которое было проявлено в Англии к идее подземной газификации, имело определенную подоплеку. В 1913 г. английский буржуазный журнал «Научное обозрение» писал: «Известно, что сэр Вильям Рамсэй недавно высказал идею, реализация которой не только гарантирует страны, производящие уголь, от инцидентов, подобных стачкам английских шахтеров в прошлом году, но в то же время позволит значительно экономнее эксплуатировать оставшиеся у нас запасы угля». Вот, оказывается, в чем дело: буржуазия хотела использовать революционную техническую идею против рабочего класса!

Характеризуя подземную газификацию как одну из великих побед техники, Владимир Ильич непосредственно переходит к вопросу о новых путях использования газа как энергетического ресурса, более совершенных, чем сжигание под котлами. «Газ приводит в движение газовые моторы, которые дают возможность использовать в двойную большую долю энергии, заключающейся в каменном угле, чем это было при паровых машинах. Газовые моторы, в свою очередь, служат для превращения энергии в электричество, которое техника уже теперь умеет передавать на громадные расстояния»¹.

Таким образом, Ленин мыслил реализовать преимущества подземной газификации — этой наиболее совершенной формы эксплуатации угольных месторождений — через наиболее совершенные двигатели — газовые моторы и турбины. «Стоимость электрического тока понизилась бы, при таком техническом перевороте, до одной пятой, а может быть даже до одной десятой теперешней стоимости»².

Советская техника выполнила пока лишь одну важнейшую часть задачи — дала принципиальное и техническое решение проблемы подземной газификации. Но вместе с тем она работает над решением и другой части задачи — мы имеем в виду проблему наиболее совершенного газового двигателя — турбины.

Но даже при отсутствии газовой турбины газ, полученный методом подземной газификации, заменив уголь на обычных тепловых электрических станциях, сильно снизит стоимость энергии и в двойное повысит производительность труда рабочих. Применение же газовой турбины еще больше удешевит электроэнергию. Поэтому очередной задачей техники социализма является создание газовой турбины. Работы в этой области идут не без успеха. В скором времени будет изготовлен и установлен на Горловской станции подземной газификации опытный агрегат газовой турбины.

В современной технике газ выступает не только как топливо, но и как замечательно технологическое сырье. Из газов, в которых компонентами являются преимущественно водород и окись углерода, можно путем переработки получать такие высокоценные продукты, как жидкие горючие, аммиак, спирты, масла и т. д. Вряд ли надо доказывать, какую роль может и должна сыграть подземная газификация в химизации народного хозяйства.

Следует особо отметить важнейшее значение подземной газификации углей в деле постепенного вытеснения, а затем и полного уничтожения подземного шахтерского труда. Уже одно это ставит подземную газификацию углей в первые ряды промышленности по техническому и социальному значению. Ведь несмотря на то, что социалистическое государство провело большую работу по механи-

¹ Ленин, Соч., т. XVI, стр. 368.

² Там же.

зации добычи угля и сильно сократило рабочий день, работа шахтера все же является наиболее трудной.

Подземная газификация решает еще одну проблему огромного народнохозяйственного значения. Мы имеем в виду максимальное сокращение потерь угля. Добыча угля под землей связана с большими потерями, доходящими подчас до 40%. Огромное количество угля остается в так называемых «нерабочих» пластах (тонких и загрязненных), которые совершенно не разрабатываются. Значительные потери имеют место при сортировке, хранении, перевозке и даже при сжигании угля. Суммарные потери очень велики. Подземная газификация дает возможность использовать любые пласты. Даже при современных, далеко еще не совершенных методах подземной газификации потери не превышают 20%. Кроме того, использование твердого топлива в энергетике и химической технологии весьма нерационально.

В своей статье В. И. Ленин специально остановился на этих вопросах, указав, что при подземной газификации громадная масса человеческого труда, «употребляемого теперь на добывание и развозку каменного угля, была бы сбережена. Использовать можно было бы даже наиболее бедные и неразрабатываемые ныне залежи каменного угля»¹.

Характеризуя влияние подземной газификации на общественные условия, Ленин писал: «При капитализме «освобождение» труда миллионов горнорабочих, занятых добыванием угля, породит неизбежно массовую безработицу, громадный рост нищеты, ухудшение положения рабочих... При социализме применение способа Рамсэя, «освобождая» труд миллионов горнорабочих и т. д., позволит сразу сократить для всех рабочий день с 8 часов, к примеру, до 7, а то и меньше. «Электрификация» всех фабрик и железных дорог сделает условия труда более гигиеничными, избавит миллионы рабочих от дыма, пыли и грязи, ускорит превращение грязных отвратительных мастерских в чистые, светлые, достойные человека лаборатории»².

* * *

Весною 1933 г. товарищ Сталин, ознакомившись с работами по подземной газификации углей, дал указание создать специальный оперативный орган для руководства этими работами — «Подземгаз».

Пять лет спустя, в феврале 1938 г., впервые в истории мировой техники, газ, полученный путем подземной газификации углей, был дан под большие котлы коксового завода. Результаты оказались вполне удовлетворительными.

Значительные успехи в подземной газификации углей были достигнуты в упорной борьбе и с техническими трудностями и с вражеской агентурой, которая под флагом новизны дела пыталась сорвать решение этой исторической задачи техники социализма. При неустанном внимании и поддержке партии и правительства, при личной помощи сталинского наркома т. Л. М. Кагановича подземная газификация успешно движется вперед.

Пуск в Донбассе первой промышленной станции подземной газификации углей стал возможным потому, что были решены две основные технические проблемы:

а) найдены и проверены два метода газификации угля в естественных условиях залегания: метод «потока» и метод «скважин», причем первый испытан в условиях промышленной эксплуатации;

¹ Ленин, Соч., т. XVI, стр. 369.

² Там же.

б) проверены различные схемы технологического процесса: на воздушном дутье для получения низкокалорийного энергетического газа и на парокислородном дутье — для получения высококалорийного технологического газа.

Ряд других исключительно важных, но уже частных технических проблем подземной газификации, от которых зависят темпы дальнейшего развития, будут безусловно решены с ростом технической зрелости, с накоплением опыта.

Выступая в октябре 1938 г. на первом научно-техническом совещании по подземной газификации, т. Л. М. Каганович нарисовал захватывающую перспективу, когда подземная газификация начнет вытеснять обычную добычу угля и станет основной формой эксплуатации наших угольных богатств. Развивая эту мысль, т. Л. М. Каганович говорил на XVIII съезде ВКП(б): «Подземная газификация — это замечательное дело. Необходимо подземную газификацию, избавляющую людей от самого тяжелого труда под землей, превратить из опытного дела в промышленную отрасль»¹.

Исследовательские и опытные работы по газификации углей проводились пять лет. Вначале (1933—1934 гг.) были проведены два опыта в Подмосковном бассейне, один опыт на антрацитах в Шахтинском районе и два опыта в Лисичанске. Методы, которыми проводились эти опыты, предусматривали разрыхление пластов угля под землей. Организация опытов, их оснащение были явно неудовлетворительны. Бралось только воздушное дутье. Забыв указание творца идеи подземной газификации углей — Д. И. Менделеева — газифицировать пласты угля непосредственно на месте, по возможности не выламывая их, экспериментаторы хотели газифицировать уголь под землей, предварительно разрыхляя его, т. е. стремились создать в подземных условиях надземный газогенератор. Экономически такая газификация сулила чрезвычайно немного, так как газифицировался уже освобожденный уголь, который оставалось только выдать нагора и газифицировать в более удобных условиях. Но независимо от этого опыты показали, что газифицировать разрыхленный уголь под землей чрезвычайно трудно. Процесс был почти неуправляем. Все эти опыты не дали положительных результатов. Однако они были ценны тем, что популяризировали работы по подземной газификации среди советской общественности и привлекали к ним внимание научно-исследовательской мысли. В этот период сформировались основные кадры подземной газификации.

В 1935—1936 гг. были проведены опыты: в Горловке — один, в Подмосковном бассейне — два, в Ленинске-Кузнецке — один, в Шахтах — три и в Лисичанске — три. Все эти опыты, за исключением шахтинских, производились уже методами, предусматривающими газификацию угля в целике (по методу «потока» и методу «скважин»). Опыты были обеспечены несравненно лучше, чем предыдущие, оборудованием, контрольно-измерительной аппаратурой. Для дутья брался воздух, пар, кислород и их смеси. Более культурная постановка опытной работы в сочетании с изменением методов газификации углей (газификация непосредственно в целике) дала почти везде положительные результаты. Так, например, Горловская станция работала непрерывно в течение 15 месяцев, давая газ, пригодный как для энергетических целей, так и для химической переработки; Ленинско-Кузнецкая станция давала газ в течение четырех месяцев непрерывно; станция в Подмосковном бассейне, хотя и кратковременно, но давала газ, и процесс в значительной мере был управляем. В Лиси-

¹ Л. Каганович, Речь на XVIII съезде ВКП(б), стр. 30.

чанске за этот период получали газ как по методу «скважин», так и по методу «потока», причем газ был пригоден для энергетических и технологических целей.

На этом этапе исследовательских и опытных работ устанавливались основные требования, каким должен удовлетворять подземный газогенератор. Была опробована серия режимов работы на различном дутье: на чисто воздушном, обогащенном кислородом при различных концентрациях (до технически чистого кислорода), на периодическом и непрерывном паровоздушном и парокислородном дутье.

Работая в нескольких бассейнах, экспериментаторы проверили различные угли — от бурых до антрацитов — в самых разнообразных геологических условиях. Если в 1933—1934 гг. вопрос ставился принципиально — можно или нельзя проводить газификацию углей под землей, то теперь речь шла уже о том, как вести процесс и какой необходим подземный газогенератор, чтобы обеспечить технически надежную и экономически целесообразную газификацию углей на месте их залегания.

Непрерывное получение газа одинакового качества по методу «потока» почти на всех опытных панелях дало возможность перейти к строительству первых промышленных предприятий подземной газификации углей.

Вредители обходили молчанием результаты работ в этой области, всячески скрывали их от партии и правительства, стараясь дискредитировать дело подземной газификации неизбежными мелкими организационными и техническими неполадками. Партия разоблачила вражьи происки и расчистила дорогу подземной газификации.

* * *

Как указывалось выше, в настоящее время принято два метода подземной газификации: метод «потока» и метод «скважин». Эти два метода дают возможность газифицировать угли при всех геологических условиях.

По методу «потока» процесс газификации ведется в целике угля без всякой искусственной его подготовки. Конструкция генератора исключительно проста. С поверхности проходят по угольному пласту две или несколько скважин, соединяющихся штреком, который проходит также по углю. Получается фигура в виде перевернутой буквы «П» или буквы «Ш». Суть процесса заключается в следующем. Дутье через одну из скважин поступает в штрек и, проходя вдоль зажженного угольного пласта, превращается в горючий газ. Сначала получают продукты полного горения, т. е. углекислота и пары воды. Последние (углекислота и пары), идя по каналу, соприкасаются с раскаленным углем и образуют окись углерода и водород. Этот газ затем обогащается продуктами сухой перегонки угля. Таким образом, мы имеем несколько зон образования горючих газов, что в общих чертах напоминает обычный газогенераторный процесс.

Для газификации может служить любое дутье. Если нужно получить газ для синтеза аммиака и бензина или газ, отвечающий по своей теплотворной способности требованиям дальнего газоснабжения, то подается обогащенное или чисто кислородное дутье в смеси с паром. Концентрация кислорода и дутье определяются, главным образом, в зависимости от влажности и качества угля.

Если нужно получить низкокалорийный энергетический газ, годный для сжигания под котлами, то достаточно просто воздушного дутья.

По этому методу можно вполне надежно газифицировать крутопадающие пласты, так как кровля, заваливаясь в выгоревшее пространство, падает, оставляя свободной линию огня.

Первый промышленный объект — Горловская станция, работающая на воздушном дутье, успешно осваивает производство энергетического газа в промышленных масштабах. Станция снабжает газом завод «Кокс» № 3, который благодаря этому имеет возможность соответственное количество коксового газа передавать Горловскому азотному заводу для переработки на аммиак.

Естественно, что экспериментальные и научно-исследовательские работы по подземной газификации представляли большие трудности. Пользуясь этими трудностями, враги пытались сбить с пути экспериментаторов, увести их подальше от решения проблемы. Когда был предложен метод «потока», которому суждено было сыграть решающую роль в развитии подземной газификации, вредители встретили его в штыки. Они делали все, чтобы дискредитировать и этот метод и его авторов.

Враги пытались сорвать и другой метод, решающий проблему газификации пологозалегающих и горизонтально лежащих угольных пластов, — метод «скважин-газогенераторов». Работа по методу «скважин» проводилась на Лисичанской опытной станции. Как только экспериментаторы нащупали решение вопроса и стали на верный путь, враги народа, засевавшие тогда в НКТП, запретили дальнейшее проведение опытов.

Конструктивно подземный генератор, работающий по методу «скважин», оформляется иначе, чем метод «потока». Часть угольного пласта, предназначенная для газификации (панель), ограничивается с двух сторон обычными горными выработками — штреками. Из одного штрека в другой сквозь уголь пробуриваются скважины, причем расстояние между ними примерно вдвое больше мощности пласта (т. е. при 2-метровом пласте — 4 метра). Располагаются эти скважины ближе к почве пласта. Дутье поступает в первый штрек и проходит через скважину, где и совершается процесс газификации; во второй штрек уже выходит горючий газ.

Таким образом, газификация идет внутри самого пласта, который поддерживает кровлю. Обвал последней происходит, как правило, после того как скважина выгазована.

Этот второй метод особенно важен для условий Подмосковского угольного бассейна с его пологозалегающими и значительно обводненными пластами, с неустойчивой, сыпучей кровлей.

* * *

Накопленный опыт и детальные расчеты технических проектов первых промышленных станций подземной газификации со всей ясностью показывают, что производительность труда в подземной газификации намного выше, чем в угольной и газовой промышленности. Для сравнения надо брать газогенераторные установки, так как подземная газификация выпускает однородную с ними продукцию. Мы сравнивали подземную газификацию для большей объективности с крупными шахтами и газогенераторными установками. Сравнение показало, что в подземной газификации производительность труда одного рабочего (считая в тоннах условного топлива) в 8 раз выше, чем в угольной промышленности, и в 3—4 раза выше, чем на крупных газогенераторных станциях. Это объясняется тем, что при подземной газификации отпадают самые трудоемкие работы: добыча топлива, его транспортирование и подготовка (промывка, сортировка и пр.). Например, на газогенераторных станциях удельный вес рабочих, занятых на разгрузке и погрузке топлива, достигает 60% общего количества рабочих, в то время как в подземной газификации работники этих профессий вовсе не требуются.

По производительности труда в угольной и газовой промышленности СССР еще отстает от ряда стран. В подземной газификации уровень производительности труда во много раз выше, чем в газовой и угольной промышленности любой капиталистической страны.

Производительность труда при подземной и надземной газификации топлива и в угольной промышленности характеризуется следующими данными:

Наименование	Годовая выработка рабочего	
	в мГК ¹	в тоннах условного топлива
Кураховская станция подземной газификации ² . . .	18 200	2 590
Челябинская генераторная станция ²	5 150	735
Угольная промышленность	—	318 ³

В угольной промышленности для добычи 1 млн. т условного топлива требуется 2 650 рабочих. При подземной же газификации для получения такого количества топлива требуется около 600 рабочих. Следовательно, на 1 млн. т условного топлива подземная газификация освобождает 2 050 человек, в том числе около 1 700 подземных рабочих.

Производительность труда одного рабочего составляла: в СССР 327 т (в 1936 г.), в Рурском бассейне (Германия) — 475 т (в 1936 г.) и в Великобритании — 311 т (в 1937 г.); в США на битуминозных углях — 965 т (в 1935 г.). Наша угольная промышленность в 1937 г. догнала по производительности труда Великобританию уровня 1935 г., отставая от Рурского бассейна. При введении новой техники добычи топлива — подземной газификации угля — мы полностью осуществим в одной из важнейших отраслей промышленности лозунг партии Ленина — Сталина — догнать и перегнать в экономическом отношении наиболее развитые капиталистические страны Европы и Соединенные Штаты Америки. На строящейся Лисичанской станции производительность труда одного рабочего по добыче топлива в виде газа будет почти в четыре раза выше, чем в США, и в 8—10 раз выше, чем в Рурском бассейне и Великобритании. Работа Горловской станции подтверждает высокую экономическую эффективность подземной газификации.

Действующая Горловская и строящаяся Лисичанская станции обладают сравнительно небольшой мощностью. В настоящее время имеется технико-экономическое обоснование строительства более крупных станций подземной газификации угля.

Труд рабочих в подземной газификации делится как бы на две стадии. Первая — это подготовка угля для газификации, требующая незначительного числа подземных рабочих для горных работ. При развитии техники подземной газификации работы под землей вовсе отпадут. Вторая стадия — это собственно газификация угля, технологический процесс которой не вызывает необходимости в подземных работах.

Благодаря автоматизации управления и механизации подготовительных работ труд рабочего в подземной газификации по своему характеру приближается к труду инженерного типа. Достаточно хотя

¹ МГК — мегакалория — миллион калорий.

² По проектным данным.

³ Средняя по Советскому Союзу за 1937 г.

бы сравнить условия работы кочегара котельной станции подземной газификации или электростанции, работающей на газе, и кочегара котельной, работающей на угле: первый регулирует по приборам подачу газа, а второй бросает лопатой уголь.

Структура рабочего состава при подземной газификации резко отличается от его структуры в угольной промышленности. Характерным для станций подземной газификации углей является насыщенность инженерно-техническими работниками.

О больших преимуществах подземной газификации углей свидетельствует и такой важнейший народнохозяйственный показатель, как капиталовложения на единицу мощности. Газовая промышленность предполагает существование обычной шахты, добывающей для нее топливо. Поэтому данным о капиталовложениях в подземную газификацию противопоставляются данные по газогенераторной и угольной промышленности вместе. Вложения в подземную газификацию составляют 150—170 руб. на 1 т условного топлива, вложения в газовую промышленность — 200—250 руб. на 1 т.

Если мы обратимся теперь к такому синтетическому показателю, как себестоимость продукции, то и здесь увидим большое преимущество подземной газификации. Себестоимость 1 000 калорий газа при подземной газификации составляет от 0,3 до 0,5 коп., на генераторных станциях себестоимость 1 000 калорий газа составляет от 0,8 до 1,2 коп.

Важнейшим фактором удешевления себестоимости газа, добываемого методом подземной газификации, является совершенствование техники и на основе этого повышение производительности труда.

Удешевление газа как энергетического топлива благоприятно скажется на работе электростанций. Экономическая целесообразность перевода электростанций с угля на газ подземной газификации подтверждается расчетными данными. Так, например, перевод электростанции мощностью в 100 тыс. квт снижает себестоимость электроэнергии на 30—40%; производительность труда повышается в 2 раза при значительно меньшем объеме капиталовложений на строительство ГЭС; коэффициент полезного действия увеличивается с 21 до 25%; расход газа на собственные нужды сокращается с 8 до 4,5%, а расход топлива на 1 квтч — с 0,5 до 0,4 кг. Все это говорит в пользу подземной газификации как основы тепловых электростанций.

Важно отметить, что при работе электростанций на газе полностью изменяется их тепломеханическая часть. Отпадает топливоподача, нет надобности в складе твердого топлива, в железной дороге на территории ГЭС и в подвижном составе; исключается часть оборудования, как, например, пылеприготовительные установки, электрофильтры и др. Кроме того, уменьшаются дымососы, сокращаются служебные здания. Если мы возьмем показатели по комплексу в целом, т. е. с учетом добычи топлива и его транспортировки, то производительность труда рабочего повышается почти в три раза, сильно влияя на снижение себестоимости электроэнергии. Далее, в виде отхода получают сера и гипосульфит (газ перед направлением в топку проходит очистку).

Подземная газификация сыграет огромную роль в деле создания технической базы коммунизма. Развертывание подземной газификации поведет к еще большему укреплению топливной базы СССР, к дальнейшему прогрессу в производстве электроэнергии, создаст более мощную сырьевую базу химической промышленности и бездоменной металлургии.

Таким образом, все три основных экономических показателя (про-

изводительность труда, капиталовложения, себестоимость) бесспорно говорят в пользу подземной газификации угля.

* * *

Истекший 1938 год был годом первых серьезных успехов. Его главный итог — успешный пуск Горловской промышленной станции — первенца подземной газификации.

В первый период эксплуатации Горловской промышленной станции встретились препятствия, казавшиеся некоторым работникам непреодолимыми. Образование пробок в скважинах, нарушение герметичности в них и т. д. сильно мешали работе. Но в упорной борьбе все эти помехи успешно преодолевались.

В 1938 г. широко развернулось строительство крупной промышленной станции в Лисичанске и большой опытной станции в Подмосковном районе. Обе станции оснащаются по последнему слову техники (кислородное дутье и пр.). В этом отношении они находятся в более благоприятных условиях, чем Горловская станция, на которой установлено случайное оборудование, что создало значительные трудности в период пуска.

Наконец, в 1938 г. получили большой размах научно-исследовательские и проектные работы, к которым был привлечен ряд исследовательских институтов и организаций; включилась в дело подземной газификации и Академия наук СССР. Ряд институтов Академии работает над проблемами, имеющими важное значение для развития подземной газификации угля. Так, Энергетический институт организовал специальную лабораторию по подземной газификации, где будут проводиться опыты на моделях подземного генератора для выяснения различных процессов, происходящих в очаге горения. Институт горного дела Академии наук работает над проблемой поведения кровли (пород, покрывающих уголь). Институт гидромеханики исследует вопросы газопроницаемости пород и угля. Комитет телемеханики и автоматики работает над созданием рациональных методов автоматического контроля за работой подземного генератора и управления им.

Третья пятилетка является для подземной газификации первым пятилетием ее промышленного развития. В 1939 г. необходимо завершить строительство и пустить в эксплуатацию Лисичанскую и Подмосковную станции подземной газификации. Предстоит осуществить и большую программу проектных, научно-исследовательских и опытных работ, что создаст базу для еще большего размаха подземной газификации в последующие годы третьей пятилетки. Предстоит строительство до десяти станций подземной газификации в разных угольных бассейнах.

Конкретные задачи подземной газификации в третьей пятилетке делятся на две группы. К первой относится создание больших промышленных предприятий по производству энергетического и технологического газа; ко второй — освоение подземной газификации в новых угольных районах.

В Донецком бассейне подземная газификация уже крепко встала на ноги, имея все предпосылки для успешного развития. Но угольные месторождения с горизонтальными залегами пласта в этом отношении еще не освоены. Исключительно велика роль Подмосковной опытной станции, которая должна решить проблему подземной газификации подмосковных углей в сравнительно тяжелых геологических условиях. Тов. Л. М. Каганович на XVIII съезде партии сказал: «Москва будет, например, иметь газ из подмосковных углей, который

мы будем подавать в Москву по трубам, вместо того, чтобы завозить в Москву издалека уголь»¹.

Подмосковная опытная станция подземной газификации должна быть пущена в 1939 г. Работая на парокислородном дутье, она дает газ высокой калорийности — 2 250—2 300 калорий в кубометре. После очистки газа от углекислоты калорийность поднимется до 3 000. Такой газ является транспортабельным и будет стоить в Москве 2—2,5 коп. за 1 000 калорий.

Опытными работами должны быть охвачены также районы антрацитов и горючих сланцев, запасы которых в нашей стране огромны.

Огромный рост потребности в жидком топливе и географическая отдаленность многих пунктов потребления от районов нефтедобычи ставят со всей остротой вопрос получения искусственного жидкого топлива на базе твердых топлив. Наиболее целесообразно и эффективно эта проблема может быть решена в наших условиях путем синтеза жидких топлив из газов, получаемых методом подземной газификации углей. В пределах третьей пятилетки эта задача должна быть практически осуществлена. XVIII съезд ВКП(б) поставил задачу: «Создать промышленность искусственного жидкого топлива на основе гидрирования твердого топлива, в первую очередь, на Востоке, а также синтеза жидкого топлива из газа»².

* * *

Подземная газификация, как и всякая крупная техническая проблема, находится на стыке ряда областей науки и техники. Поэтому промышленное развитие подземной газификации будет настойчиво требовать быстреего решения большого числа смежных технических вопросов. Укажем хотя бы на некоторые из них.

Для того, чтобы полностью овладеть управлением процессом газификации угля под землей, необходимо иметь разнообразную и сложную аппаратуру по контролю за ходом этого процесса и его автоматическому регулированию. Необходимо с достаточной точностью знать, как продвигается «огневой забой», какая там температура, как происходит обрушение кровли и т. п. Далее, надо быстро и технически гарантированно регулировать всю сложную систему коммуникации (трубопроводов), количество, давление и состав дутья и т. д.

Выше мы указывали, что для получения высококалорийного газа (особенно из бурых углей) необходимо кислородное дутье. Кислород — самый дорогой компонент дутья, а получение его технически очень сложно, требует громоздкого и дорогого оборудования. Современный способ производства кислорода таков, что даже при полном освоении процесса подземной газификации стоимость технологического газа будет сравнительно высока. Если же учесть, что подземная газификация требует огромных количеств кислорода, то ясным становится, какое значение имеет проблема дешевого кислорода. Акад. Капица работает над разрешением этой большой проблемы, с которой связано резкое улучшение всех техно-экономических показателей подземной газификации.

Другой большой проблемой, определяющей будущее подземной газификации, является глубокое направленное бурение и сбойка скважин с поверхности. В настоящее время подземная газификация еще требует некоторого количества подземных работ. Правда, они в несколько раз меньше, чем при обычной угле-

¹ Л. Каганович, Речь на XVIII съезде ВКП(б), стр. 30.

² Резолюция XVIII съезда ВКП(б) по докладу тов. В. Молотова, см. Резолюции XVIII съезда ВКП(б), стр. 17.

добыче, но все же задача полного уничтожения подземного труда при подземной газификации углей еще не решена. Для этого необходимо создать оборудование, которое позволило бы глубоко бурить скважины большого диаметра по определенному направлению, что является основной технической трудностью. Затем эти скважины надо под землей соединить (сбойка скважин), но без подземного труда, а с поверхности. В настоящее время ведутся только опытные и исследовательские работы в этой области.

Наконец, менее сложной задачей, чем предыдущие, является очистка огромных количеств газа и передача его на большие расстояния — и то и другое еще не освоено советской техникой.

Эти и ряд других технических вопросов потребуют организации всего комплекса научно-исследовательских работ, связанных с подземной газификацией.

Новые задачи выдвигает подземная газификация и перед машиностроением. Основным технологическим оборудованием для станций являются дутьевые средства и кислородные агрегаты больших мощностей. Последние только осваиваются у нас, серийного производства еще нет. К дутьевым средствам относятся разнообразные компрессоры. Подземной газификации нужны мощные компрессоры производительностью в 50—100 кубометров в час при давлении в 4—6 атм. У нас же пока имеются либо машины достаточной мощности, но малых давлений (типа воздуходувок), либо соответственных давлений, но недостаточной мощности.

Подземная газификация делает первые шаги. У нее есть колоссальные внутренние ресурсы, к использованию которых еще не приступили. Например, использование физического тепла газов должно снизить стоимость газа на 30—35%. Уже намечаются первые контуры практического решения этой задачи, начаты проектные и опытные работы.

Почетной исторической задачей всей советской техники и коллектива инженеров и рабочих подземной газификации является скорейшее развитие на основе достигнутых успехов этой новой отрасли социалистической промышленности, скорейшее раскрытие всех ее колоссальных потенциальных возможностей.

Дружными усилиями всей советской науки, техники и промышленности, подлинной большевистской работой подземная газификация будет превращена в третьей сталинской пятилетке в передовую отрасль социалистической промышленности.

О советской цене

В СССР цена, так же как торговля и деньги, является «...инструментом буржуазной экономики, который взяла в свои руки Советская власть и приспособила к интересам социализма для того, чтобы развернуть во-всю советскую торговлю и подготовить тем самым условия для прямого продуктообмена»¹.

В социалистической системе хозяйства, как указывал товарищ Сталин в докладе об итогах первой пятилетки в январе 1933 г., организованный рынок имеет решающее значение в товарообороте страны, а рынок неорганизованный — лишь подчиненное значение. С этим связан принципиально отличный от капиталистического общества характер обеспечения устойчивости советской валюты: «Устойчивость советской валюты обеспечивается прежде всего громадным количеством товарных масс в руках государства, пускаемых в товарооборот по устойчивым ценам»². Поскольку организованный рынок имеет решающее значение, поскольку Советское государство само устанавливает цены на всю продукцию, производимую государственными предприятиями, постольку оно планирует систему цен в целом.

В капиталистическом обществе нет организованного рынка, ибо само производство не организовано, и поэтому планирование цен невозможно. Однако мы знаем факты «регулирования» цен в капиталистическом обществе — факты известного воздействия на стихийно складывающиеся цены, во-первых, монополистическими объединениями и, во-вторых, государством.

В противоположность утверждениям буржуазных апологетов, сторонников обанкротившейся «теории организованного капитализма» образование капиталистических монополий и «регулирование» ими цен не означают никакой рационализации процессов ценообразования. Напротив, хаос цен, сквозь который пробивает путь закон стоимости, еще более усиливается: «...монополии, — писал Ленин, — вырастая из свободной конкуренции, не устраняют ее, а существуют над ней и рядом с ней, порождая этим ряд особенно острых и крутых противоречий, трений, конфликтов»³.

Маркс, Ленин и Сталин раскрыли классовую сущность монопольной цены при капитализме. Маркс доказал, что источником ее является более низкий уровень реальной заработной платы рабочих по сравнению со стоимостью рабочей силы и перенесение прибыли других товаров на товары с монопольной ценой.

В эпоху империализма одним из важнейших источников монополистической сверхприбыли является также эксплуатация мелких това-

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 576.

² Там же, стр. 506.

³ Ленин, Соч., т. XIX, стр. 142.

ропроизводителей как внутри высоко развитых капиталистических стран, так и в особенности в колониях. Это осуществляется путем создаваемых монополиями разрывов между ценами в колониях и метрополиях, между ценами на промтовары и сельскохозяйственные товары и т. д. В царской России еще до революции 1905 г. «капиталисты стали объединяться в союзы, чтобы поднять цены на товары внутри страны, а вырученную сверхприбыль обратить в фонд поощрения экспорта для того, чтобы можно было выбросить на внешние рынки товары по низким ценам и завоевать внешние рынки»¹. В Лондоне белый хлеб из русской муки стоил значительно дешевле, чем в Москве или Петербурге.

Ленин в своем гениальном труде «Империализм, как новейший этап капитализма» дал блестящий анализ природы и роли монополии; он вскрыл влияние монополий на рост цен, рост дороговизны и обнищание рабочего класса.

Товарищ Сталин в докладе на XVI съезде партии указал, что неизбежна борьба капиталистических объединений за сохранение высоких, монопольных цен на товары, несмотря на перепроизводство. «Понятно, что это обстоятельство, делая кризис особенно мучительным и разорительным для народных масс, являющихся основными потребителями товаров, не может не повести к затягиванию кризиса, не может не затормозить его рассасывание»².

Хотя монополии влияют не только на цены отдельных товаров, но и на общий уровень цен товаров и благодаря этому вносят известные изменения в характер их циклического движения, однако, движение цен и в эпоху монополистического капитализма подчинено действию закона стоимости и прибавочной стоимости³. Равным образом и государственное «регулирование» цен в капиталистическом хозяйстве может действовать лишь на основе закона стоимости — цен производства.

Государственное «регулирование» цен возникло еще в докапиталистическом хозяйстве. Еще в древности государство пыталось проводить таксировку цен и этим путем поддерживать ценность денег. Мы знаем о ряде экспериментов регулирования цен в Римской империи, начиная со второго века нашего летоисчисления, осуществлявшихся императорами Диоклетианом, Галлом, Юлианом и другими. Это регулирование довольно часто практиковалось и в IV—VI вв. Большую известность имеет знаменитый эдикт Диоклетиана, который установил предельные цены на 800 товаров.

Все эти попытки неизменно кончались крахом. Один из современников Диоклетиана — Лактанций — в 302 г. нашего летоисчисления писал, что, несмотря на примененные Диоклетианом жестокие меры, ему не удалось в действительности установить цены на продажные вещи. Экономические законы нельзя было сломить силой «огня и меча». И императорам, и князьям, и феодалам неизменно приходилось отказываться от подобных «велений» и подчиняться закономерностям стихийно-рыночного ценообразования.

Если в условиях рабского или феодального хозяйства, при относительно слабом развитии товарных отношений, государство бессильно было осуществлять действительное регулирование цен, то тем более не может быть речи о таком регулировании в условиях капиталистического хозяйства. В то время как буржуазные и реформистские эконо-

¹ История В (П'б), стр. 95.

² Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 352.

³ Ф. И. Михалевский в работе «Золото как денежный товар» (М. 1937) сделал интересную попытку на конкретных фактах доказать зависимость движения уровня цен от изменения трудовой стоимости товаров и золота.

номисты болтают всякий вздор об организованном капитализме, о стабилизации цен и т. д., в действительности все предпринимавшиеся государством попытки в этом направлении оказывались безрезультатными.

Буржуазный экономист Морган-Вебб писал, что якобы уже в 1922 г. в США золотой стандарт был превращен из «системы, главной целью которой была стабилизация валютного курса, в систему, преследующую главным образом стабилизацию цен»¹. Правительство США в 1933 г. официально заявило, что «Соединенные Штаты стремятся к такому типу доллара, который столетиями имел бы ту покупательную силу, какой, мы надеемся, доллар достигнет в ближайшем будущем»².

Что же вышло на практике из этого регулирования цен и попытки их стабилизации за целые столетия вперед? Действительные золотые цены не были вообще подняты. Цены же в девальвированном долларе, золотое содержание которого было уменьшено на 40%, были действительно подняты, но даже и в 1937 г. эти цены не достигли уровня 1929 г. В дальнейшем же, несмотря на политику повышения цен монополией и использование аппарата денежно-кредитной системы в этом направлении, уровень оптовых цен, в связи с новым экономическим кризисом, вновь упал — с 90,6 в 1937 г. до 80,7 в январе 1939 г.³ Цены не удалось стабилизировать в США не только на столетия, но даже и на несколько лет. То же мы наблюдаем и в Англии, где индекс Economist'a упал с 89,3 в 1937 г. до 74,4 в январе 1939 г.⁴.

Как осуществляют прогнозы динамики цен с учетом «силы» государственного воздействия на их уровень, можно видеть, например, из следующего. Американский экономист Кеммерер предсказывал, что до 1940 г. цены в США достигнут уровня, который будет вдвое превышать уровень цен 1933 г. В действительности же цены в 1939 г. упали почти до уровня 1933 г. Столь же позорно обанкротились прогнозы в области движения цен Ирвинга Фишера, сделанные им накануне мирового экономического кризиса 1929—1933 гг.

Только на основе марксовой теории стоимости — цен производства возможен плодотворный анализ движения уровня цен отдельных товаров и среднего уровня цен всех товаров в капиталистическом обществе. Современная вульгарная политическая экономия, отрицая закон трудовой стоимости и прибавочной стоимости, не может раскрыть и объяснить закономерности ценообразования при капитализме. Она бесплодно бродит в дремучем лесу бесчисленного множества конкретных товарных цен и не идет дальше построения статистических рядов индексов цен. Что мог, например, сказать известный конъюнктуровед Митчелл о ценах в результате своего исследования промышленных циклов? Лишь то, что «хотя этот вопрос очень важен и доступен для изучения, однако наше знание связей между ценами до странности неточно»⁵.

Причина этой «странности» для нас совершенно ясна. Классовая ограниченность современных буржуазных экономистов, не желающих признать авторитет Маркса, не желающих использовать для своих исследований в качестве методологической основы закона трудовой стоимости и прибавочной стоимости, обрекает их либо на ползучую эмпирику и статистические манипуляции, либо на беспочвенные, фантастические, экономически безграмотные проекты, како-

¹ Morgan-Webb, *The Money Revolution*, 1935, p. 66.

² «New-York Times», July, 4, 1933.

³ Monthly Bulletin of statistics, League of Nations, 1939, № 3, pp. 133, 134.

⁴ Там же.

⁵ Wesley C. Mitchell, *Business Cycles*, New-York, 1928, p. 108.

вым, например, является неоднократно и в разных вариантах предлагавший Ирвингом Фишером проект «доллара с неизменной покупательной силой».

Буржуазное государство, не владея средствами производства и не имея поэтому в своем распоряжении товарных масс, не в состоянии регулировать движение рыночных цен товаров, не в состоянии предотвратить рост цен в фазе подъема и резкое падение цен в фазе кризиса. Буржуазное государство может содействовать методами таможенной и валютной политики осуществлению целей монополистических объединений внутри страны путем искусственного ограждения этих монополий от иностранной конкуренции и создания благоприятной конъюнктуры экспорта товаров (валютный демпинг).

Государственное «регулирование» цен есть по существу и главным образом лишь инструмент монополистического «регулирования» цен, следовательно, инструмент, используемый крупным капиталом для ограбления трудящихся масс, для усиления эксплуатации рабочего класса. Такова сущность государственного и монополистического «регулирования» цен в капиталистическом обществе.

Нам необходимо было кратко осветить этот вопрос, чтобы конкретнее показать глубокое, принципиальное отличие цены в СССР, планируемой пролетарским государством, от капиталистической цены.

* * *

Экономическая и финансовая политика диктатуры пролетариата в нашей стране, в частности ее политика цен в период проведения Великой Октябрьской социалистической революции, коренным образом отличалась от экономической политики и политики цен буржуазных государств, в частности в условиях мировой империалистической войны 1914—1918 гг. У нас осуществлялась классовая, пролетарская политика, всем своим острием направленная против промышленной и торговой буржуазии в городе и деревне. Советская власть устанавливала твердые цены на товары, проводя контроль над производством и распределением продуктов, стараясь всемерно расширить снабжение населения по твердым ценам. А необходимым условием контроля над производством и распределением продуктов было овладение кредитно-денежной системой — национализация банков.

Цены на все более расширяющийся круг товаров стали после Великой Октябрьской социалистической революции устанавливаться в нашей стране не на основе стихийного выражения стоимости товаров в товаре — всеобщем эквиваленте — и через него в бумажных деньгах, а путем фиксации цен органами пролетарского государства и расширения сферы снабжения населения по этим ценам. Коренным образом изменилась природа денег и цены. Цена и деньги стали использоваться пролетарским государством в качестве орудия учета и контроля над производством и распределением продуктов в интересах трудящихся масс и в ущерб капиталистическим элементам.

Политика цен Советского государства всегда была направлена против капиталистических элементов и в то же время она была всегда орудием смычки, орудием союза рабочего класса и крестьянства. Так, в августе 1918 г.* были значительно повышены твердые цены на хлеб. Это было сделано в целях соглашения со средним крестьянством.

В период гражданской войны Советская власть в целях снабжения армии и пролетариата должна была ввести продовольственную разверстку, которая обеспечила заготовку продуктов по твердым ценам. Одновременно была введена карточная система распределения этих продуктов по твердым ценам. Крестьянство сдавало государству хлеб по продрозверстке за совзнаки по твердым ценам. Это была ссуда крестьянства пролетарскому государству. Политика цен в течение этого периода основывалась на военно-политическом союзе рабочего класса и крестьянства.

С введением нэпа в период борьбы за восстановление хозяйства Советская власть перешла от запрета рынка к экономическому регулированию рынка и рыночных цен. Первое время допускалось установление цен самими трестами и предприятиями. Но в связи с кризисом сбыта в 1923 г. со всей остротой встала проблема регулирования цен: «К осени 1923 года несколько обострились хозяйственные трудности ввиду нарушения советской политики цен нашими промышленными и торговыми органами. Налицо было резкое расхождение между ценами на промышленные товары и продукты сельского хозяйства. Цены на хлеб были низкие, а на промышленные товары — непомерно высокие. В промышленности были высокие накладные расходы, и это удорожало товары»¹. Для устранения этих трудностей необходимо было изменить соотношение цен промышленных и сельскохозяйственных товаров: «Приняты были меры к ликвидации кризиса сбыта. Было проведено снижение цен на предметы широкого потребления»².

В области цен находили свое выражение не только острейшие противоречия между пролетариатом и капиталистическими элементами города и деревни, но также и известные противоречия между пролетариатом и крестьянством. Эти противоречия «не являются, однако, непримиримыми в пролетарском государстве при правильном проведении государственных мер экономического регулирования цен и при всемерной поддержке государством дела восстановления сельского хозяйства всей основной массы крестьянства»³.

Широко развернулось регулирование цен в период проведения денежной реформы 1924 г. Решительное вытеснение капиталистических элементов из сферы оптовой торговли, резкое ограничение и контроль над ними в розничной торговле были необходимыми условиями снижения и стабилизации цен в период денежной реформы. Без этого она не могла быть успешно проведена.

Денежная реформа была победой пролетарского государства в бою с рыночной стихией. Располагая командными экономическими высотами и активной поддержкой широких трудящихся масс, пролетарское государство подчинило рыночное ценообразование задачам экономической политики того периода, добилось снижения уровня рыночных цен на промтовары и общего индекса розничных цен.

В период борьбы за социалистическую индустриализацию страны партия неуклонно проводила политику снижения цен. Она разоблачила провокационный характер троцкистских попыток добиться повышения цен на промтовары, имевших целью подорвать смычку рабочего класса и крестьянства, подорвать социалистическую индустриализацию нашей страны.

¹ История ВКП(б), стр. 252—253.

² Там же, стр. 253.

³ ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, Партиздат, 1936, ч. II, стр. 4.

Яркое и глубокое определение роли и значения цены дал февральский пленум ЦК ВКП(б) 1927 г. В резолюции пленума указывалось: «В проблеме цен перекрещиваются все основные экономические, а, следовательно, и политические проблемы советского государства. Вопросы установления правильных взаимоотношений крестьянства и рабочего класса, вопросы обеспечения взаимно-связанного и взаимно-обусловленного развития сельского хозяйства и промышленности, вопросы распределения национального дохода и связанные с ним вопросы индустриализации СССР и укрепления как экономически, так и политически рабочего класса, вопросы обеспечения реальной заработной платы, укрепления червонца, наконец, планомерное усиление социалистических элементов нашего хозяйства и дальнейшее ограничение частно-капиталистических элементов народного хозяйства — все это упирается в проблему цен»¹.

Блестящий анализ цен, процесса ценообразования, природы цены в СССР дал товарищ Сталин в речи «О правом уклоне» (апрель 1929 г.): «У нас нет на рынке свободной игры цен, как это бывает обычно в капиталистических странах. Мы определяем цены на хлеб в основном. Мы определяем цены на промтовары. Мы стараемся проводить политику снижения себестоимости и снижения цен на промтовары, стремясь сохранить стабильность цен на продукты сельского хозяйства. Разве не ясно, что таких особых и специфических порядков на рынке не бывает вообще в капиталистических странах»².

Товарищ Сталин доказал, что повышение заготовительных цен на хлеб, за которое ратовали правые капитулянты, неизбежно должно привести к ликвидации советской политики цен, к ликвидации регулирующей роли государства на рынке и полному развязыванию мелкобуржуазной стихии. Дав анализ ценового механизма, товарищ Сталин показал, что повышение заготовительных цен на хлеб в то время должно было иметь своим результатом разрыв с рабочим классом и маломощными слоями деревни и города — «вот к чему должны привести бухаринская «нормализация» рынка и «маневрирование» ценами на хлеб по районам»³.

Введение карточной системы распределения продуктов и системы отоваривания сельскохозяйственных продуктов в связи с обострением трудностей социалистической индустриализации и коллективизации сельского хозяйства обеспечило снабжение пролетариата индустриальных центров продуктами по твердым ценам и снабжение промышленности сырьем по твердым ценам. В то же время поддержание твердых цен путем карточной системы, закрытых распределителей и отоваривания сельскохозяйственных заготовок имело и свои отрицательные стороны. Об этом говорил товарищ Молотов на ноябрьском пленуме ЦК ВКП(б) 1935 г., где было вынесено решение об отмене карточной системы распределения хлеба и некоторых других продуктов. В дальнейшем были полностью отменены карточная система распределения продуктов и система отоваривания сельскохозяйственных продуктов. Новая единая цена не могла оставаться на уровне прежних твердых цен. Она должна была быть установлена на уровне среднем между ценами карточной системы распределения и ценами коммерческой торговли, близкими к рыночным ценам.

¹ ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, Партздат, 1936, ч. II, стр. 165.

² Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10, стр. 260—261.

³ Там же, стр. 263

* * *

Цена в СССР в первой фазе развития Советского государства (от Октябрьской революции до ликвидации эксплуататорских классов) не может не отличаться от цены во второй фазе развития Советского государства (от ликвидации капиталистических элементов города и деревни до полной победы социалистической системы хозяйства и принятия Сталинской Конституции).

В первой фазе своего развития Советское государство, во-первых, регулировало рыночные цены сельскохозяйственных товаров, производимых главным образом крестьянами-единоличниками; во-вторых, государство устанавливало оптовые цены на промышленные товары и регулировало розничные цены на товары, производимые социалистическими предприятиями, но реализуемые в значительной своей части через аппарат частной торговли, находившейся под контролем государства. Многоукладность советской экономики в этой фазе ее развития находила свое выражение в системе цен. Единство же этой системы основывалось на ведущей, определяющей развитие всей экономики роли Советского государства и социалистического уклада. Имевшие место в отдельные периоды разрывы между ценами товаров, существовавшими в государственной и кооперативной торговле, с одной стороны, и ценами частной торговли — с другой, выражали собой противоречия и борьбу социалистических и капиталистических элементов. С особой силой эти противоречия проявлялись в кулацком саботаже государственных хлебозаготовок, в попытках сорвать заготовки и заготовительные цены.

После победы социализма в нашей стране и полной ликвидации капиталистических элементов как в городе, так и в деревне широко развертывается советская торговля, которая принципиально отличается от торговли на первых стадиях нэпа. Советская торговля — это, как указывает товарищ Сталин, торговля без капиталистов малых и больших, которая существует только в условиях Советского государства, в условиях социализма. Советской торговле соответствует советская цена.

Государственная и колхозная собственность являются социалистической собственностью, поэтому и государственная и колхозная торговля являются советской торговлей. Основой единства советской системы цен является социалистическая система производства. Различие же между основными элементами советской системы цен — государственными и колхозно-рыночными ценами — вытекает из того, что в экономике СССР, наряду с основной и главной формой собственности — социалистической, существует личное подсобное хозяйство колхозников и остатки частно-собственнического крестьянского хозяйства.

Во второй фазе развития Советского государства еще не исчезли пережитки прошлого в экономике и сознании людей. Эти пережитки проявляются особенно в сфере торговли, где они находят свое выражение в фактах превышения установленных цен, спекулятивной перепродажи дефицитных товаров и пр. Все это уголовно наказуемые факты нарушения советской системы цен, которая в целом является выражением социалистических производственных отношений. Мы имеем дело с ценами продуктов, произведенных в подавляющей своей массе на социалистических предприятиях, государственных или кооперативных: на государственных фабриках, в совхозах, колхозах и в промысловых артелях.

В чем же сущность и роль цены в социалистическом обществе? В произведениях Маркса и Энгельса мы не найдем ответа на этот вопрос, они не писали о ценообразовании в социалистическом обществе. Имея в виду развитое социалистическое общество, Маркс в «Критике Готской программы» писал, что каждый работник «...получает от общества квитанцию в том, что им доставлено такое-то количество труда (за вычетом части его труда в пользу общественных фондов) и по этой квитанции он получает из общественных складов столько средств потребления, сколько стоит его труд»¹.

В другом месте Маркс писал: «При общественном производстве денежный капитал отпадает. Общество распределяет рабочую силу и средства производства между различными отраслями хозяйства. Производители могут, пожалуй, получать бумажные удостоверения, по которым они извлекают из общественных потребительных запасов то количество продуктов, которое соответствует их рабочему времени. Эти удостоверения отнюдь не деньги. Они не обращаются»².

Ленин развил и обогатил учение Маркса—Энгельса о деньгах. Ленин указывал: «Нужно очень много технических и, что гораздо труднее и гораздо важнее, организационных завоеваний, чтобы уничтожить деньги...»³. Эту мысль Ленина развил товарищ Сталин. Учение товарища Сталина о советской торговле и советских деньгах является гениальным творческим обобщением опыта социалистического строительства в СССР. Этот опыт показал, что перед Советским государством во второй фазе его развития стоит не проблема уничтожения денег, а проблема их дальнейшего укрепления, для чего необходимо укрепление и всей системы финансовых рычагов (финансы отраслей и предприятий, госбюджет, кредитная система). Товарищ Сталин доказал, что деньги—этот бжуазный инструмент, коренным образом изменивший свою природу в условиях диктатуры пролетариата, можно и должно использовать в социалистическом обществе.

Деньги и цена необходимы для социалистической экономики потому, что социалистический принцип оплаты по качеству и количеству труда требует единой меры труда, всеобщей единицы учета труда. Различия между умственным и физическим трудом, различия в квалификации работников делают невозможным учет труда и общественного продукта непосредственно в трудовых единицах—по количеству затраченного труда. А раз для учета труда и продуктов труда необходима всеобщая мера—деньги, то естественно, что и распределение общественного продукта через механизм советской торговли должно происходить посредством денег, а не трудовых талонов. Связь между городом и деревней, между государственной промышленностью и колхозным сельским хозяйством должна осуществляться через механизм развернутой советской торговли, которая невозможна без денег и цен. Поскольку же деньги необходимы и как орудие учета и как средство обращения, постольку и народный доход СССР выражается в деньгах, а процессы его распределения и перераспределения необходимо должны совершаться при помощи денег, при помощи механизма цен и финансовой системы.

В практике наши хозяйственники постоянно оперируют такими понятиями, как себестоимость, ценностный учет, деньги, цены. Товарищ Сталин в докладе об итогах первой пятилетки прямо гово-

¹ Маркс, Критика Готской программы, Партиздат, 1933, стр. 26.

² Маркс и Энгельс, т. XVIII, стр. 384—385.

³ Ленин, Соч., т. XXIV, стр. 293.

рит, без кавычек, о ценности нашей валюты и ценности тех материалов, которые служат обеспечением устойчивости этой валюты. Товарищ Молотов в докладе на XVIII съезде ВКП(б) указал, что у нас до сих пор «...во многих случаях нет настоящей борьбы за снижение себестоимости промышленной продукции, нет настоящей борьбы и за снижение стоимости строительства... Нужно на деле обеспечить внимание к экономике, к стоимости производимых продуктов»¹. Однако эти понятия «ценности», «стоимости» в СССР, которые мы встречаем и в работах товарища Сталина, и в партийных документах, и в повседневной хозяйственной практике, имеют иное значение, чем те же понятия как категории политической экономии капитализма.

Когда мы говорим о ценностном выражении продукта в социалистическом обществе, мы имеем в виду не потребительские свойства вещей, а заключенный в продуктах непосредственно-общественный, обобществленный труд, затраты которого на производство тех или иных продуктов планируются государством. Снижение цен товаров в СССР базируется на снижении себестоимости продукции, а последнее в конечном счете связано с уменьшением количества общественного труда, затрачиваемого на производство единицы продукции. Таким образом очевидна связь между ценой, себестоимостью и затратами труда. Маркс писал: «...по уничтожении капиталистического способа производства, но при сохранении общественного производства определение стоимости попрежнему продолжает господствовать в том смысле, что регулирование рабочего времени и распределение общественного труда между различными отраслями производства, наконец, охватывающая все это бухгалтерия становятся важнее, чем когда бы то ни было»².

В этом смысле мы пользуемся определениями: стоимость и себестоимость продуктов, производимых в социалистических предприятиях.

Советские деньги, будучи средством учета и контроля над мерой труда и потребления, являются в силу этого также и свидетельствами на получение общественного продукта трудящимися в социалистическом обществе. Свидетельства на получение продуктов в социалистическом обществе являются не трудовыми бонами, расчетными знаками и т. д., а деньгами, потому что они обращаются, потому что в СССР существует торговля. В социалистическом обществе должна быть известная пропорциональность между количеством денег и суммой цен обращающихся товаров. Однако в социалистическом обществе нет и не может быть какой-то «объективной» нормы, применение которой автоматически обеспечило бы точное совпадение суммы покупательских фондов и платежеспособного спроса с суммой цен, предназначенных для реализации товаров плюс сумма всякого рода оказываемых государством населению платных услуг.

Эмиссия денег в СССР планируется не на основе прямого учета количества затраченного труда; связь массы денег — покупательских фондов — с массой труда устанавливается косвенно, путем балансирования денежных доходов и расходов населения. В денежных же расходах населения решающую роль играет покупка товаров, т. е. сумма цен. Составление баланса денежных доходов и расходов населе-

¹ Молотов, Третий пятилетний план развития народного хозяйства СССР. Доклад и заключительное слово на XVIII съезде ВКП(б), стр. 35 (Подчеркнуто мною. — З. А.).

² Маркс, Капитал, Партиздат, 1935, т. III, стр. 615.

ния и баланса спроса-предложения товаров является совершенно необходимым и весьма сложным элементом системы народнохозяйственного планирования.

При данной массе товаров и данном уровне производительности труда существует известная плановая пропорциональность между уровнем розничных цен и объемом денежных доходов населения. Тов. Молотов в докладе на XVIII съезде ВКП(б) сказал: «Нам не удалось... выполнить задачу второй пятилетки по снижению розничных цен на предметы широкого потребления. Но, как известно, невыполнение этого задания второй пятилетки было перекрыто значительно большим, чем предусмотрено пятилеткой, повышением размеров заработной платы рабочих и служащих, а также быстрым ростом денежных доходов колхозов и колхозников»¹.

Цена в СССР есть прежде всего выражение первой функции советских денег — орудия учета и контроля над мерой труда и мерой потребления. В социалистическом обществе цена — это форма плановой оценки продуктов труда в единой всеобщей единице учета — деньгах. Цена связана и со второй основной функцией советских денег — функцией средства обращения социалистического продукта, ибо цены предполагают наличие товаров, отчуждаемых за деньги, т. е. торговлю. Планируя цены, государство тем самым планирует и пропорции обмена продуктов, производимых государственными и кооперативными организациями. Меновые пропорции колхозного рынка через систему цен экономически регулируются государством, но непосредственно не планируются.

В конечную розничную цену входит, во-первых, фабрично-заводская себестоимость; во-вторых, — административно-управленческие расходы треста, объединения и т. д., оптовые торгово-сбытовые расходы и расходы на подготовку кадров; в-третьих, — прибыль предприятия; в-четвертых, — налог с оборота и, в-пятых, — розничная торговая наценка, которая в свою очередь состоит из издержек обращения и прибыли. В первом, во втором и в пятом элементах цены мы находим как материальные затраты, включая амортизацию, так и заработную плату. Поэтому все пять элементов могут быть сведены к трем элементам: материальным затратам, оплате труда и социалистическому накоплению.

В социалистическом обществе только продукты труда имеют цену, в то время как в капиталистическом обществе формой цены обладают не только продукты труда. Маркс писал: «...форма цены не только допускает возможность количественного несовпадения между величиною стоимости и ценой, т. е. между величиной стоимости и ее собственным денежным выражением, — она может кроме того скрывать в себе качественное противоречие, вследствие чего цена вообще перестает быть выражением стоимости, хотя деньги представляют лишь форму стоимости товаров»². В другом месте Маркс указывает, что в капиталистическом обществе «...добродетель, любовь, убеждение, знание, совесть, — все стало, наконец, продажным»³.

Таким образом в капиталистическом обществе цена выходит за пределы имманентного ей содержания — трудовой стоимости, получает более широкое применение, чем стоимость.

¹ Молотов, Третий пятилетний план развития народного хозяйства СССР. Доклад и заключительное слово на XVIII съезде ВКП(б), стр. 10.

² Маркс, Капитал, Партиздат, 1931, т. I, стр. 56.

³ Маркс и Энгельс, Соч., т. V, стр. 301.

В социалистическом обществе формой цены не могут обладать не только такие моральные «объекты», как «добродетель, любовь, убеждение, знание и совесть», но также земля, вода и недра, которые нельзя ни продавать ни покупать. В социалистическом обществе форма цены не только не может выходить за рамки продуктов труда, но поскольку некоторые из важнейших продуктов труда не могут вообще отчуждаться, к ним лишь в особом смысле можно применить категорию цены. Так, для строительных подрядных организаций построенное ими здание жилого дома или фабрики, конечно, имеет цену, ибо эти организации получают за свой продукт труда деньги. Однако сами эти жилые дома, фабрики, заводы, электростанции, железные дороги и т. д. не могут продаваться и покупаться ни отдельными гражданами, ни государственными и кооперативными организациями. В силу этого цена основных фондов имеет особое, специальное значение. Оно заключается в том, что посредством правильной денежной оценки основных фондов, учета их денежной стоимости на балансе предприятий мы учитываем амортизацию этих фондов, являющихся необходимым элементом цены товаров — отчуждаемых продуктов труда. Денежный учет и денежные обороты между социалистическими предприятиями имеют огромное значение для укрепления хозрасчета, для выявления и использования новых источников социалистического накопления. Отсюда исключительно важная роль правильного установления цен на товары, производимые социалистическими предприятиями.

Деньги — по Ленину — являются средством учета общественного труда. В условиях товарного хозяйства этот учет совершается стихийно, за спиной товаропроизводителей. В социалистическом обществе учет общественного труда посредством денег, посредством формы заработной платы и цены товаров происходит не стихийно, не за спиной производителей. Он производится сознательно и планомерно пролетарским государством.

Денежный учет, осуществляемый через форму цены, недостаточен для социалистического хозяйства. Необходим и натуральный количественный и качественный учет продуктов труда в штуках, в весовых единицах, в единицах длины и прочих однородных продуктов, с одной стороны, и в единицах времени — с другой. Без этого невозможно обеспечить правильные пропорции в развитии материальных элементов социалистического хозяйства (материальные балансы социалистического хозяйства, контроль над ходом выполнения планов каждым отдельным предприятием). Если натуральный учет в народнохозяйственном масштабе в капиталистическом обществе имеет чисто статистическое и конъюнктурно-исследовательское значение, то в социалистическом обществе он имеет огромное практическое значение. Денежный, ценностный учет в социалистическом хозяйстве тесно связан с натуральным учетом. Денежный учет дает возможность планировать рост физического объема продукции путем исчисления ее прироста в неизменных ценах, что невозможно в форме прямого натурального учета.

Следует подчеркнуть, что цена — это не только форма учета общественного труда, но в то же время и форма контроля над мерой труда и мерой потребления. Планирование себестоимости как необходимого элемента цены всякого товара носит директивный характер: планируются не сложившиеся затраты, а такой уровень их, который может и должен быть достигнут в течение данного планового периода. Следовательно, цена измеряет и необходимую эффективность использования средств производства на основе при-

менения хозрасчета, роста техники производства, развития стахановского движения, ломающего старые, отжившие нормы выработки.

Являясь формой учета воплощенного в продукте труда, цена, естественно, выражает затраты общественного труда. Если мы возьмем резкие различия в соотношении цен, то обусловленность их затратами труда станет совершенно очевидной. Так, например, тот факт, что коробка спичек стоит 2 коп., а легковой автомобиль М-1 — 9,5 тыс. руб., конечно, определяется в первую очередь несравненно большими трудовыми затратами на производство автомобиля, чем на производство коробки спичек. Это бесспорно. Но из этого не вытекает, что простым делением цены автомобиля на цену коробки спичек можно определить пропорцию трудовых затрат на эти две товарные единицы, т. е. установить, что на автомобиль М-1 затрачено точно в 475 тыс. раз больше общественного труда, чем на коробку спичек. В социалистическом хозяйстве цены ни в коем случае не могут устанавливаться механически только на основе соотношения затрат труда. Соотношение цен в социалистическом хозяйстве весьма значительно отклоняется от соотношения затрат труда.

Чем же это объясняется?

Ценовой механизм используется социалистическим государством для осуществления процесса распределения народного дохода на фонд накопления и фонд потребления в соответствии с экономическими и политическими задачами, стоящими на том или ином этапе социалистического строительства. При данном объеме денежных доходов населения устанавливаемый государством уровень цен товаров определяет в основном деление общественного продукта на фонд потребления и фонд накопления. Но это еще не есть конечное распределение: перераспределение народного дохода происходит также через кредитную систему и налоги с населения. Процесс распределения общественного продукта в социалистическом обществе совершается в основном по той схеме, которую гениально предвидел Маркс в «Критике Готской программы».

В каких же пропорциях совершается обмен продуктов труда, какими критериями руководствуется государство, устанавливая цены конкретных товаров и товарных групп? Нельзя указать какой-либо один критерий. Такими критериями являются: 1) себестоимость товаров, изменение производительности труда; 2) объем товарных фондов и баланс спроса и предложения по этим товарам; 3) необходимые в данных условиях размеры накопления для всего хозяйства в целом и уровень заработной платы; 4) необходимость большего или меньшего стимулирования производства отдельных товаров и отсюда установление большей или меньшей нормы рентабельности таких товаров для предприятия (это может быть достигнуто как путем изменения цены, так и путем изменения соотношения между прибылью и налогом с оборота при неизменной цене); 5) необходимость экономии определенных видов сырья и замены одного вида другим; 6) необходимость экономии транспортных расходов; 7) культурные и политические задачи, диктующие потребность расширения потребления одних и ограничения потребления других товаров и т. д. Так, например, высокие цены на водку обусловлены не ее высокой себестоимостью, а стремлением вытеснить постепенно этот товар из потребления. В то же время очень низкие цены на ученические тетради, газеты и т. п. товары в полной мере отвечают нашим задачам в области подъема культурного уровня масс. Низкие цены на хлеб для Средней Азии и премии за сдачу хлопка

оказывают сильное воздействие на развитие хлопководства. В докладе на XVIII съезде ВКП(б) т. Молотов сказал: «Стоило государству, по инициативе товарища Сталина, установить в 1935 году специальные премии за увеличение сдачи хлопка и за короткое время мы добились громадного успеха»¹.

Целый комплекс народнохозяйственных и политических задач принимается во внимание при установлении цен конкретных товаров, а отнюдь не только одни затраты труда. Сказанное объясняет, почему соотношение цен не может быть прямым и точным выражением соотношения затрат общественного труда.

Через механизм цен пролетарское государство активно воздействует на все сферы социалистического воспроизводства.

На XVIII съезде партии тов. Микоян сказал: «Была путаница... в отпускных ценах текстильной промышленности, вследствие чего промышленность на некоторые сорта мануфактуры имела сверх-прибыли, а на другие сорта — большие плановые убытки. Хозяйственники старались перевыполнять прибыльный ассортимент и не выполнять убыточный, а убыточный ассортимент для нас не менее важный, чем сверх-прибыльный.

Теперь все это исправлено правительством»².

Таким образом, мы видим, что неправильное построение цен в текстильной промышленности оказывало неблагоприятное влияние на производство этой отрасли промышленности. Маневрируя ценами, маневрируя налогом с оборота и нормой рентабельности, государство может оказывать огромное положительное воздействие на ход развития отдельных отраслей промышленности и предприятий.

* * *

В противоположность капиталистическому обществу, в социалистическом обществе платежеспособный спрос не является и не может являться лимитом расширения производства. В СССР, как указывал товарищ Сталин на XVI съезде партии, платежеспособный спрос, в отличие от капитализма, не только не отстает, но обгоняет рост производства; кризисы перепроизводства в социалистическом обществе невозможны.

В капиталистическом обществе через спрос — предложение отдельная личность действует «...лишь как часть общественной силы, как атом всей массы, — именно в такой форме конкуренция обнаруживает общественный характер производства и потребления»³.

В социалистическом обществе широко процветает соцсоревнование, но нет и не может быть конкуренции. Поэтому спрос и предложение здесь не являются сферой приложения конкурентных сил, сферой действия стихийных рыночных закономерностей. Спрос — предложение сами являются элементом планомерно устанавливаемых пропорциональностей социалистического хозяйства. Денежные доходы населения, товарные фонды и услуги (коммунальные, транспортные и др.), уровень цен, количество денег — все эти элементы

¹ Молотов, Третий пятилетний план развития народного хозяйства СССР. Доклад и заключительное слово на XVIII съезде ВКП(б), стр. 26.

² Микоян, Речь на XVIII съезде ВКП(б), стр. 14.

³ Маркс, Капитал, Партиздат, 1938, т. III, стр. 175.

должны быть взаимно сбалансированы, а тем самым балансируется и планируется спрос — предложение товаров¹.

Мы знаем, что колхозники и единоличники продают свои товары по ценам, складывающимся на рынке. Однако колхозный рынок не является самостоятельным, изолированным от общего товарооборота; колхозный рынок — это часть советской торговли, и закономерности ценообразования здесь подчинены в общем и целом государственной политике цен.

В речи на XVII съезде партии т. Микоян, подчеркивая значение развертывания государственной торговли хлебом, сказал, что весной 1933 г., «...когда базарные цены стали сильно подниматься не только на Украине и в других районах, но даже и в Москве, товарищ Сталин дал замечательную идею, замечательную силу в наши руки, предложив развернуть торговлю государственным хлебом и другими продуктами в наших магазинах, чтобы снизить цены на колхозном рынке путем давления прессы государственной экономической интервенции»².

Бесспорно, что большое снижение цен на колхозном рынке за последние годы было результатом не только подъема сельского хозяйства, но и проводимой партией политики снижения рыночных цен. Тот факт, что коммерческие цены на ржаной хлеб за три года второй пятилетки были снижены на 70%, на пшеничный хлеб — на 62,5%, на масло сливочное — на 47,3%, а на сахар — на 74,7%, обусловил в общем и соответственное снижение цен на колхозном рынке. В печати отмечалось, что в районах, где государственная торговля хлебом или мукой была развернута недостаточно, на колхозном рынке наблюдалась тенденция стабилизации цен. В крупных городах, имеющих развернутую сеть государственной торговли мукой и хлебом, цены на колхозном рынке снижались быстрее и сильнее, чем в тех районах, где государственная торговля не была еще достаточно развита.

С особенной силой регулирующая роль государственной торговли по отношению к ценам колхозной торговли сказалась в связи с решением Совнаркома СССР от 25/IX 1935 г. о снижении цен на хлеб и открытой продаже продовольственных товаров. Введение единых цен уже через 5 дней дало результаты: цены на животноводческую продукцию на колхозном рынке снизились от 5 до 20%.

О чем все это говорит? О том, что цены, складывающиеся на колхозном рынке, зависят прежде всего от государственной политики цен и от развертывания государственной торговли теми продуктами, которые обращаются на колхозном рынке. Колхозная торговля не

¹ К слову, это особое, принципиально отличное от капитализма место спроса и предложения в социалистическом хозяйстве стали, наконец, понимать и некоторые зарубежные экономисты. Так, английский лейбористский экономист Burns в книге «О деньгах», в главе, посвященной деньгам и цене в СССР, писал: «С внешней стороны нет ничего, что отличало бы использование денег в Советском Союзе от их использования в других странах. Однако, если мы обратимся к отношению между деньгами и ценами в Советском Союзе, то отличие от других стран сразу же станет очевидным». В чем усматривает это отличие Бёрнс? Главным образом в том, что имеющее место в СССР изменение цен отдельных товаров не является фактором, определяющим соответствующие изменения в объеме производств и предложения этих товаров: «колебания цен не определяются отношением спроса и предложения, а уровень производства не определяется движением цен». Увеличение массы средств производства не определяется перспективой получения прибыли инвестором. Базисом всей денежной системы является план производства» (Emil Burns, Money, The New People's Library, vol. 1, London, 1937, p. 88).

² XVII съезд В.П.(б), Стенографический отчет, Партиздат, 1934, стр. 180.

предоставлена самотеку: она регулируется, организуется государством. Но «...плохо организованная колхозная торговля в некоторых случаях превращает отдельные группы колхозников и даже целые колхозы в спекулянтов на рынке»¹. Поэтому современная советская торговля,— как указывает т. Молотов,— и борьба за искоренение спекуляции есть одно неразделимое целое².

* * *

За годы первой и второй пятилеток и в течение первых двух лет третьей пятилетки сделан крупный шаг вперед в деле улучшения системы планирования цен. Сравним, например, состояние современной системы ценообразования с состоянием этой системы в 1930 г., в начале периода борьбы за коллективизацию. Основные недостатки системы ценообразования в 1930 г. можно свести к следующим главнейшим моментам:

а) многообразии отпускных цен на одни и те же сорта и товары; пестрота местных оптовых и розничных цен в пределах одной и той же торговой территории;

б) сложность и многообразие методов построения цен и расчетных отношений (накидок и скидок), даже в пределах одной и той же отрасли;

в) излишняя пестрота накидок по отдельным товарам и районам;

г) сложность расчетов, построенных на оплате и калькуляции отдельных операций, отдельных партий перевозок и т. д.;

д) неопределенность понятия отпускной (продажной) цены, получившейся в результате наслоения многочисленных начислений и специальных наценок.

Мы не можем сказать, что все недостатки, перечисленные здесь, уже вполне изжиты, но во всяком случае ряд весьма существенных недостатков системы цены 1930 г. уже сейчас не существует. Уничтожено, например, многообразие отпускных цен на одни и те же сорта и товары, нет больше пестроты местных оптовых и розничных цен в пределах одной и той же торговой территории, значительно унифицированы накидки по отдельным товарам, районам и т. д. В самое последнее время сделан большой шаг вперед в деле усовершенствования механизма ценообразования. По этому поводу т. Микоян в речи на XVIII съезд ВКП(б) сказал: «Была путаница в ценах, в том смысле, что отпускные цены утверждались правительством, а розничные цены устанавливались на местах — торгами, РайПО, СельПО путем установления накидок на отпускную цену для накладных расходов, расходов на транспорт и пр. Часто это было почвой для злоупотреблений. Сколько нужно калькуляторов, чтобы все это правильно калькулировать?»

Сейчас дело уже поправили тем, что по большинству товаров Правительство утвердило твердые розничные цены и потребитель может проверить цены по прейскурантам, утвержденным Экономсоветом, которые никто не имеет права менять»³.

Твердые розничные цены на товары, твердые, единые для всей страны или для отдельных районов прейскуранты — это огромный шаг вперед в деле усовершенствования механизма ценообразования и подъема товарооборота вообще.

¹ Молотов, Задачи первого года второй пятилетки, Партиздат, 1933, стр. 37.

² Там же, стр. 32.

³ Микоян, Речь на XVIII съезде ВКП(б), стр. 14.

В третьем пятилетнем плане поставлена задача «...укрепления советского рубля на основе социалистического производства, усиленного развития товарооборота и общего подъема материального уровня жизни народа»¹. Выполнение этой задачи требует широкого развертывания борьбы за улучшение финансового планирования и бюджетно-кредитной работы, за укрепление хозрасчета, повышение уровня рентабельности нашей промышленности и сельского хозяйства и т. д.

Советская цена является одним из важнейших инструментов экономической политики пролетарского государства. Этот сложный финансовый инструмент поможет осуществлению великих задач третьей Сталинской пятилетки.

¹ Третий пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1938—1942 гг.). Резолюция XVIII съезда ВКП(б) по докладу тов. В. Молотова, см. Резолюция XVIII съезда ВКП(б), стр. 34.

Александр КОН

ДОКТОР ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК

О книге Маркса „К критике политической экономии“

В июне 1939 г. исполнилось 80 лет со дня выхода в свет известной работы К. Маркса «К критике политической экономии» — одного из основных его политико-экономических и философских произведений.

Книга, опубликованная Марксом под названием «К критике политической экономии», представляет лишь небольшую часть задуманной Марксом и вчерне выполненной им работы. Однако и в таком виде она имеет громадное значение:

1) в предисловии к книге в самой сжатой форме впервые дано классическое изложение принципов исторического материализма;

2) в самом этом произведении метод материалистической диалектики применен к исследованию двух сложнейших, и притом и с х о д н ы х, категорий политической экономии капитализма — товара и денег;

3) тем самым в о с н о в н ы х, и с х о д н ы х позициях политической экономии буржуазным и мелкобуржуазным воззрениям нанесено сокрушительное поражение;

4) заложен прочный фундамент для научного изучения всей совокупности производственных отношений буржуазного общества, для исследования законов возникновения, развития и гибели капиталистического способа производства.

«К критике политической экономии» «...является результатом пятнадцатилетних исследований...»¹.

В бытность свою редактором «Rheinische Zeitung» («Рейнская газета») (1842—1843 гг.) Маркс нередко испытывал затруднения в тех случаях, когда ему приходилось «...высказываться о так называемых материальных интересах»². В затруднение поставила его в этот период также необходимость занять определенную позицию в отношении французского социализма и коммунизма: «...мои тогдашние знания,— говорит Маркс,— не позволяли мне отваживаться на какое-либо самостоятельное суждение о содержании французских направлений»³. Все это заставило Маркса заняться изучением политической экономии и социализма.

Не меньшую роль в возрастании интереса Маркса к области «материальных интересов» сыграло и развитие философских его взглядов. Известно, что Маркса, который в этот период увлекался Фейербахом, в произведениях последнего не удовлетворяло между прочим то, что Фейербах уделял слишком мало внимания общественной жизни.

¹ Маркс, Письмо Лассалю 12 ноября 1858 г., Маркс и Энгельс, Соч., т. XXV, стр. 232.

² Маркс, К критике политической экономии, Партиздат, 1935, Предисловие, стр. 37.

³ Там же, стр. 38.

«Афоризмы Фейербаха,— писал Маркс в письме к Руге 13 марта 1843 г.,— страдают, на мой взгляд, в том отношении, что он слишком много напирает на природу и слишком мало на политику. Меж тем, это — единственный союз, благодаря которому теперешняя философия может стать истиной»¹. Маркс стремился распространить материализм на область истории, на сферу общественной жизни, а это требовало усиленного изучения общественных наук вообще и в особенности экономики. Поэтому после переезда в Париж (1843 г.) Маркс вплотную принимается за углубленное изучение экономической теории. На протяжении 1843—1844 гг. он занимается «...изучением великих англичан и французов»², а также ряда второстепенных авторов. Маркс делает обстоятельные выписки из Фурье, Сен-Симона, Смита, Гарнье, Рикардо, Мак Кэллоха, Милля, Сисмонди, Бюрэ, Сэя, Прудона и пр., причем «англичан» он читает пока не в подлиннике, а во французском переводе.

Уже в 1844 г. в I—II (и единственном) номере «Deutsch-Französische Jahrbücher» («Немецко-французского ежегодника») Маркс публикует первую работу, предпринятую для разрешения осаждавших его тогда сомнений³,— введение «К критике гегелевской философии права». Эта статья замечательна во многих отношениях. Бывшие единомышленники Маркса — Бруно Бауэр и вся компания «критических мыслящих личностей», разочарованные равнодушием народа, к этому времени уже выставили тезис, что главным врагом философского духа является масса, «чернь», и стали сторониться от масс, уходить от политики, провозглашать «самоосвобождение личности». Маркс, наоборот, со всей решительностью заявил, что «...если отдельная личность не связана ограничениями нации, то вся нация еще менее освобождается с освобождением одной личности. Скифы ни на шаг не приблизились к греческой культуре оттого, что Греция насчитывала среди своих философов одного скифа»⁴.

Речь, таким образом, идет не об освобождении отдельных личностей, а об освобождении массы. Но для этого философия должна вооружить массы, а массы должны вооружиться философией. Теория «становится материальной силой, как только она овладевает массами»⁵. Однако теория «осуществляется в каждом народе всегда лишь постольку, поскольку она сама есть осуществление его потребностей»⁶.

Политическая революция основывается на том, «что часть гражданского общества эмансипирует себя и достигает всеобщего господства, на том, что определенный класс, исходя из своего особенного положения, предпринимает эмансипацию всего общества»⁷. Это происходит тогда, когда этот класс «...братается и сливается со всем обществом, смешивается с ним, пользуется его любовью и признается всеобщим его представителем,— момент, когда его собственные притязания и права являются поистине правами и притязаниями самого общества, когда он действительно представляет собой социальную голову и социальное сердце»⁸; «...роль освободителя в драматическом движении последовательно

¹ Маркс, Письмо Руге 13 марта 1843 г., Маркс и Энгельс, Соч., 1938, т. I, стр. 510.

² Маркс, Капитал, Партиздат, 1932, т. II, кн. II, Предисловие, стр. XI.

³ Маркс, К критике политической экономии, Партиздат, 1935, Предисловие стр. 38.

⁴ Маркс и Энгельс, Соч., т. I, стр. 404.

⁵ Там же, стр. 406.

⁶ Там же, стр. 407.

⁷ Там же, стр. 409.

⁸ Там же.

переходит к различным классам..., пока, наконец, не дойдет до класса, который осуществляет социальную свободу уже не в предположении известных, вне людей лежащих и все же человеческим обществом созданных условий, а, наоборот, организует все условия человеческого существования в предположении социальной свободы»¹. Таким классом является пролетариат. «Возвещая разложение прежнего миропорядка, пролетариат высказывает лишь тайну своего собственного бытия, ибо он — фактическое разложение этого миропорядка. Требуя отрицания частной собственности, пролетариат лишь возводит в принцип общества то, что общество возвело в его принцип...»². «Подобно тому как философия находит в пролетариате свое материальное оружие, так и пролетариат находит в философии свое духовное оружие...»³.

Таким образом, Маркс в этой статье уже обнаружил тот класс — пролетариат — который, борясь за свое освобождение, освободит все общество. Маркс задался целью вооружить пролетариат теоретическим оружием, уже установил, что идеалы «теории» могут быть воплощены в жизнь только путем классовой борьбы, только путем победы пролетариата. Он понял также, что теория только в том случае будет «осуществлена в народе», если она сама явится осуществлением реальных потребностей народа. Теория должна быть, таким образом, не выдуманым рецептом «идеального общества», а должна отражать реальные потребности пролетариата, реальные потребности общественного развития.

В том же номере (*Deutsch-Französische Jahrdücher*) появилась гениальная статья Энгельса «Очерки критики национальной экономии», которая произвела на Маркса огромное впечатление и послужила новым толчком к его занятиям политической экономией. Маркс внимательно изучает эту статью и тщательно конспектирует ее. В дальнейшем он неоднократно возвращается к «Очеркам» в своих работах.

В сентябре 1844 г. Энгельс по дороге из Манчестера в Бармен езжает в Париж. Будущие друзья уже при этой встрече констатируют полное совпадение их взглядов и единство мыслей и решают совместно выступить против Бруно Бауэра и его школы. Результатом совместной работы Маркса и Энгельса явилась вышедшая в 1845 г. большая брошюра: «Святое семейство или критика критической критики». Впрочем из 22 печатных листов этой брошюры 20½ листов написаны Марксом и только 1½ — Энгельсом.

В марте 1845 г. Маркс пишет свои знаменитые тезисы о Фейербахе, в которых, так же как и в других работах этого периода, заложено гениальное начало нового мировоззрения диалектического и исторического материализма.

В апреле 1845 г. Энгельс переселился в Брюссель, где тогда жил уже его великий друг. Маркс пишет: «...мы решили сообща разработать наши взгляды, противоположные идеологическим взглядам немецкой философии, в сущности свести счеты с нашей прежней философской совестью. Это намерение было выполнено в форме критики после-гегелевской философии»⁴. Но рукопись — «Немецкая идеология. Критика новейшей немецкой философии в лице ее представителей. Фейербаха, Б. Бауэра и Штирнера и немецкого социализма в лице его различных пророков» — не увидела света при жизни своих ве-

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. I, стр. 411.

² Там же, стр. 412.

³ Там же.

⁴ Маркс, К критике политической экономии, Партиздат, 1935, Предисловие, стр. 39.

ликих авторов. «Изменившиеся обстоятельства» сделали ее печатание невозможным. «Мы тем охотнее предоставили рукопись грызущей критике мышей,— писал Маркс,— что достигли своей главной цели — выяснения дела самим себе»¹.

К этому времени (1845 г.) Маркс уже закончил в основном разработку принципов исторического материализма. В статье «К истории «Союза коммунистов» Энгельс сообщает: «Живя в Манчестере, я, что называется, носом натолкнулся на то, что экономические факты, которые до сих пор в исторических сочинениях не играют никакой роли или играют жалкую роль, представляют, по крайней мере для современного мира, решающую историческую силу; что экономические факты образуют основу, на которой возникают современные классовые противоположности; что эти классовые противоположности во всех странах, где они благодаря крупной промышленности достигли полного развития,— в частности, следовательно, в Англии,— в свою очередь составляют основу для формирования политических партий, для партийной борьбы и вместе с тем для всей политической истории. Маркс не только пришел к тем же взглядам, но и обобщил их уже в «Deutsch-Französische Jahrbücher» (1844 г.) в том смысле, что вообще не государством обуславливается и определяется гражданское общество, а гражданским обществом обуславливается и определяется государство, что, следовательно, политику и ее историю следует объяснять из экономических отношений и их развития, а не наоборот. Когда я летом 1844 г. посетил Маркса в Париже, выяснилось наше полное согласие во всех теоретических областях. С того времени началась наша совместная работа. Когда мы весной 1845 г. снова встретились в Брюсселе, Маркс, исходя из вышеуказанных основных положений, уже развил в главных чертах свою материалистическую теорию истории и мы принялись за детальную разработку этих новых воззрений, в самых разнообразных направлениях»².

Точно так же в предисловии к английскому изданию «Манифеста Коммунистической партии» Энгельс, изложив квинтэссенцию материалистического понимания истории, пишет: «К этому положению, которое, по моему мнению, должно иметь для истории такое же значение, какое имела теория Дарвина для биологии, мы оба постепенно подошли еще за несколько лет до 1845 г. Как далеко я самостоятельно продвинулся в этом направлении, лучше всего показывает мое «Положение рабочего класса в Англии». Когда же я весной 1845 г. опять встретился с Марксом в Брюсселе, он уже разработал это положение и изложил его мне почти в таких же ясных выражениях, в каких я привел его здесь»³.

Создавая свою новую философию, диалектический материализм, и в частности теорию исторического материализма, Маркс вместе с тем ведет углубленную работу в области экономики. Мы уже видели, что в 1843 г. Маркс вплотную принялся за изучение экономической литературы, которое в 1844 г. продвинулось так далеко, что он решил приступить к большой экономической работе: «Критика политики и национальной экономики». В феврале 1845 г. был заключен договор (с К. В. Леске) об издании этой работы в двух томах, по 20 печатных листов в каждом. К августу первый том работы был почти закончен, однако издатель, по соображениям полицейского характера, от договора отказался. К тому же Маркс обнаружил ряд вновь вышедших и

¹ Маркс, К критике политической экономии, Партиздат, 1935, Предисловие, стр. 39.

² Маркс и Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 213—214.

³ Маркс и Энгельс, Манифест Коммунистической партии, Партиздат, 1938, стр. 11—12.

непрочтенных им книг и решил переработать рукопись «...еще раз по существу и стилистически»¹.

При этом он убедился, что «отчасти благодаря полученному в Англии новому материалу, отчасти благодаря обнаружившейся при обработке необходимости новых дополнений рукопись более чем на двадцать печатных листов превысит условленное количество листов»². Маркс рассчитывал, что переработка первого тома «будет готова для печати в конце ноября. Второй том, носящий преимущественно исторический характер, сможет быстро последовать за первым»³. Однако вследствие препятствий со стороны полиции, а также со стороны издателей, «являющихся заинтересованными представителями всех тех направлений»⁴, на которые Маркс нападал в своей работе, издать ее все не удавалось. Маркс, относившийся к своей работе с чувством величайшей ответственности и рассматривавший ее не как частное дело, а как общественный, партийный долг, был чрезвычайно требователен к себе. «Маркс работал всегда с величайшей добросовестностью,— сообщает в своих воспоминаниях П. Лафарг,— любой факт, любая цифра, приводимые им, подтверждались ссылкой на самые лучшие авторитеты. Он не довольствовался сообщениями из вторых рук; он сам всегда добирался до источника... Следуя этой привычке обращаться непосредственно к первоисточникам, он часто читал малоизвестных писателей, цитаты из которых встречаются только у него одного»⁵. Энгельс, имея в виду эту щепетильную научную добросовестность Маркса, писал впоследствии: «...пока у тебя останется непрочитанной хотя бы одна книга, которую ты считаешь важной, ты не возьмешься за писание»⁶.

И в Брюсселе, куда Маркс переехал в феврале 1845 г. после высылки его из Парижа как опасного революционера, и в Манчестере (лето 1845 г.), и затем вновь в Брюсселе Маркс не прерывает своей работы над экономической литературой. Он читает Петти, Тука, Куппера, Коббета, Сениора, Бебеджа, Юра, Шторха, Ганиля, Оуэна, Кенэ, Брея, Прудона, Росси, Пеккио, Бланки и многих других авторов. За период с 1843 до 1847 г. Маркс сделал выписки из произведений приблизительно 70 авторов. По некоторым подсчетам, выписки Маркса за эти годы составляют в общей сложности 100—150 печатных листов.

Среди произведений, тщательно проработанных Марксом в этот период, надлежит особо выделить вышедшую в 1845 г. работу Энгельса «Положение рабочего класса в Англии». В этой книге «Энгельс первый сказал, что пролетариат не только страдающий класс; что именно то позорное экономическое положение, в котором находится пролетариат, неудержимо толкает его вперед и заставляет бороться за свое конечное освобождение. А борющийся пролетариат сам поможет себе. Политическое движение рабочего класса неизбежно приведет рабочих к сознанию того, что у них нет выхода вне социализма. С другой стороны, социализм будет только тогда силой, когда он станет целью политической борьбы рабочего класса»⁷. Приведенные здесь положения, целиком совпадавшие с основными положениями статей Маркса в «Deutsch-Französische Jahrbücher», нашли в этой работе Энгельса дальнейшее развитие и,

¹ Маркс, Письмо Леске 1 августа 1846 г., Маркс и Энгельс, Соч., т. XXV стр. 19.

² Там же

³ Там же.

⁴ Маркс, Письмо Анненкову 28 декабря 1846 г., там же стр. 31.

⁵ Лафарг, Воспоминания о Марксе, Госполитиздат, 1933, стр. 12—13.

⁶ Энгельс, Письмо Марксу 3 апреля 1851 г., Маркс и Энгельс, Соч., т. XXI, стр. 187.

⁷ Левин, Соч., т. I, стр. 420.

главное, были обоснованы громадным фактическим, строго проверенным материалом.

Результаты экономических исследований Маркса в период 1843-1848 гг. нашли себе частичное использование в ряде его работ второй половины 40-х годов, в особенности в «Нищете философии» (1847 г.), в «Манифесте Коммунистической партии» (1848 г.), написанном совместно с Энгельсом, и в лекциях «Наемный труд и капитал» (1849 г.). Уже в этих работах на основе материалистического понимания истории Маркс показал историческое место капитализма, основные тенденции его развития, раскрыл основные противоречия капиталистического общества, вскрыл сущность капиталистической эксплуатации, доказал необходимость гибели капитализма, определил историческую роль и задачи пролетариата. Маркс обнажил и проследил «...более или менее прикрытую гражданскую войну внутри существующего общества вплоть до того пункта, когда она превращается в открытую революцию, и пролетариат основывает свое господство посредством насильственного ниспровержения буржуазии»¹. Маркс показал, что порожденные капитализмом производительные силы уже стесняются в своем развитии узкими рамками производственных отношений буржуазного общества, что оружие, «которым буржуазия низвергла феодализм, направляется теперь против самой буржуазии»², что буржуазия сама воспитала тот класс, пролетариат, который направит против нее это оружие.

Работы второй половины 40-х годов уже представляют собой продукты зрелого марксизма. Однако нужно отметить, что по ряду отдельных вопросов Маркс к этому времени еще не закончил разработки своей экономической теории. Так, им не была еще полностью разработана теория прибыли, которую он окончательно завершил лишь в 1858 г. Точно так же Маркс еще не «...раскусил окончательно и поганую земельную ренту...»³ и в основном стоял в этом вопросе на позициях Рикардо.

«В 1840-х годах,— пишет Энгельс,— Маркс еще не закончил своей критики политической экономии. Это произошло лишь к концу 1850-х годов. Поэтому его сочинения, появившиеся до выхода первого выпуска книги «К критике политической экономии» (1859 г.), содержат в отдельных пунктах отклонения от сочинений, написанных после 1859 г.»⁴.

Революция 1848 г. и связанные с нею события заставили Маркса надолго оторваться от своей «Экономии». Он смог вернуться к ней лишь осенью 1850 г. В конце 1850 г. и в течение 1851 г. Маркс, живший в то время в Лондоне, усиленно работает в Британском музее, делая обширные выписки из изучаемых книг, а по возвращении домой до 3—4 часов утра работает над систематизацией прочитанного материала. Он читает и конспектирует обширную литературу по деньгам (Тук, Фуллартон, Торренс, Блэк, Джилберт, Джакоб, Бейли, Лойд, Юм, Локк, Рикардо, Бозанкэ и многие другие), по теории земельной ренты (Рикардо, Андерсон, Гопкинс и др.), по агрономии и агротехнике (Либих, Джонстон и пр.), по истории техники (Юр, Бэкман, Поппе и пр.), по истории хозяйства и перечитывает ряд общих произведений по экономии и социализму (Смит, Рикардо, Милль,

¹ Маркс и Энгельс, Манифест Коммунистической партии, дано в переводе Ленина, Соч., т. XXI, стр. 384.

² Маркс и Энгельс, Манифест Коммунистической партии, Госполитиздат, 1938, стр. 34.

³ Маркс, Письмо Энгельсу 18 июня 1862 г., Маркс и Энгельс, Соч., т. XXIII, стр. 81.

⁴ Энгельс, Введение к брошюре Маркса «Наемный труд и капитал», Маркс и Энгельс, Соч., т. XVI, ч. II, стр. 129.

Мальтус, Годскин, Грэй, Джонс, Рамсей, Оуэн, Фильден, Торнтон, Элиссон и пр.). Выписки Маркса за этот период составляют 18 больших тетрадей, исписанных мельчайшим почерком. При этом его внимание, повидимому, концентрируется главным образом вокруг теории денег и теории земельной ренты в связи с теорией народонаселения.

Одновременно с возобновлением занятий политической экономией Маркс вернулся к намерению в кратчайший срок издать свою работу по экономии. Уже 2 апреля 1851 г. он сообщает Энгельсу: «...недель через пять я покончу со всей экономической дрянью»¹. Вновь начинаются усиленные поиски издателя. Однако немецкие буржуа-издатели так напуганы «кровавыми ужасами», которые приписывала Марксу вся реакционная пресса в связи с кельнским процессом коммунистов, так боятся полицейских преследований, что трепещут при одном лишь упоминании опасного имени. Один из издателей (Левенталь) согласился было взяться за издание, но при этом навязывал Марксу такое «построение» работы, которое было неприемлемо для Маркса и к тому же потребовало бы значительной переработки уже готовой рукописи. Затем и этот издатель отказался. Выход в свет «Экономии» вновь задерживался.

Но все эти внешние препятствия едва ли были единственной причиной задержки работы Маркса. Немаловажной причиной было также и то, что, добравшись до громадных литературных сокровищ, сосредоточенных в Лондоне, Маркс засел за их углубленное изучение. Он пишет в Предисловии к «К критике»: «Издание «Новой Рейнской Газеты» в 1848—1849 годах и последующие события прервали мои экономические занятия, и я мог возобновить их только в 1850 г. в Лондоне. Огромный материал по истории политической экономии, собранный в Британском музее, благоприятный наблюдательный пункт, который представляет Лондон для изучения буржуазного общества, наконец новая стадия развития, в которую последнее, казалось, вступило с открытием австралийского и калифорнийского золота,—побудили меня опять начать с самого начала и критически разработать новый материал»².

Между тем работы, связанные с политическими событиями того времени,—«18 брюмера Луи Бонапарта» и пр.—и борьба за существование заставили Маркса вновь отложить в сторону свою «Экономию». Маркс неоднократно пытается вернуться к своему любимому детищу, но жесточайшая нужда, в тисках которой он бьется, заставляет его писать газетные и журнальные статьи и корреспонденции. При той научной добросовестности, с которой относился Маркс к своей литературной деятельности, каждая из таких статей отнимала уйму времени. Немало труда и времени отнимала у него также общественная деятельность и политическая борьба. В сентябре 1853 г. Маркс пишет: «Как бы то ни было, движение меня захлестывает (Я полагаю, что торговый кризис начнется весной, как и в 1847 г.). Я все еще надеюсь, что до этого времени сумею добиться того, чтобы уединиться месяца на два и разработать свою Политическую экономию. Но, повидимому, мне это не удастся. Постоянное газетное бумагомарание надоело мне. Оно отнимает у меня много времени, рассеивает внимание и ничего не дает»³.

В занятиях Маркса по экономии и в его работе над своим эконо-

¹ Маркс, Письмо Энгельсу 2 апреля 1851 г., Маркс и Энгельс, Соч., т. XXI, стр. 183.

² Маркс, К критике политической экономии, Партиздат, 1935, Предисловие, стр. 40.

³ Маркс, Письмо Клуссу 15 сентября 1853 г., Маркс и Энгельс, Соч., т. XXV, стр. 195.

мическим произведением вновь наступает длительный перерыв. В феврале 1855 г. Маркс принимается перечитывать «...свои собственные тетради по экономии — если не для того, чтобы переработать их, то во всяком случае, чтобы овладеть материалом и держать его *ready*¹ для обработки»². Маркс работает так интенсивно, а записи, которые нужно прочесть, так обширны, написаны таким ужасным почерком, что он заболевает воспалением глаз. Вскоре, однако, семейные несчастья (смерть сына, болезнь жены) заставляют Маркса прервать работу. Он возобновляет свои занятия в Британском музее лишь в 1856 г. С лета 1857 г. начинается период упорной работы Маркса над книгой «К критике политической экономии», продолжающийся вплоть до выхода в свет первого выпуска «К критике».

Повидимому, в августе 1857 г. Маркс написал знаменитое, к сожалению не законченное, «Введение в критику политической экономии», в котором изложил основы своего метода. Это та самая работа, о которой впоследствии в Предисловии к «К критике» Маркс писал: «Общее введение, которое я было набросал, я опускаю, так как, по более основательном размышлении, я решил, что всякое предвосхищение выводов, которые только еще должны быть доказаны, может помешать»³. Непосредственно затем он переходит к работе над большой рукописью, охватывающей серию в 7 тетрадей, исписанных мелким почерком. Эта рукопись (которая известна под названием «Малой серии тетрадей» и которая должна вскоре появиться на немецком языке в издании ИМЭЛ) охватывает по существу почти всю проблематику трех томов «Капитала». Даже для современного читателя, уже знающего «Капитал», эта рукопись представляет большой интерес, так как содержит разработку ряда проблем, не вошедших в «Капитал» (например, различные формы разложения родовой общины, эволюция форм земельного владения и влияние ее на государство, историческое развитие противоположности между городом и деревней, ряд глубочайших замечаний о социализме вообще и в частности о труде при социализме и т. д.). Уже в этой рукописи (задолго до написания первого тома «Капитала») разработана теория прибыли и цен производства, что бросает новый свет на измышления буржуазной критики о якобы имеющихся противоречиях между первым и третьим томами «Капитала» и пр.

Уже в декабре 1857 г. Маркс пишет: «...работаю, как бешеный, ночи напролет над систематизацией своих экономических исследований, чтобы успеть еще до *déluge*⁴ [т. е. до революции, быстрого наступления которой в результате кризиса 1857 г. ждали Маркс и Энгельс.— А. К.] закончить работу в общем виде»⁵.

Придавая, как уже сказано, громадное значение развивающемуся экономическому кризису, Маркс, наряду с работой над основной рукописью, занимается изучением текущего кризиса. «Работаю я теперь колоссально,— пишет он Энгельсу 18 декабря 1857 г.,— большую часть до 4 часов утра. Работа двойная:

1. Выработка основных положений экономии (Совершенно необходимо для публики вскрыть самую основу вещей, а для меня, *individually*, to get rid of this nightmare)⁶.

¹ готовым.

² Маркс, Письмо Энгельсу 13 февраля 1855 г., Маркс и Энгельс. Соч., т. XXII, стр. 85—86.

³ Маркс, К критике политической экономии, Партиздат, 1935, Предисловие стр. 37.

⁴ потопа.

⁵ Маркс, Письмо Энгельсу 8 декабря 1857 г., Маркс и Энгельс, Соч., т. XXII, стр. 266.

⁶ лично освободиться, наконец, от этого кошмара.

2. Нынешний кризис. О нем,— кроме статей для «Трибуны» — я веду лишь регистрацию, но она отнимает много времени... Я завел три больших регистрационных книги — Англия, Германия, Франция. Для Америки весь материал имеется в «Трибуне». Можно будет после обработать его»¹.

Маркс решил на сей раз довести свою работу до конца во что бы то ни стало. Несмотря на то, что уже с декабря он чувствовал серьезное недомогание, он продолжал работать с нечеловеческим напряжением. На протяжении января — февраля, он мужественно преодолевает болезнь. В марте болезнь печени разыгралась с новой силой, но Маркс не прекращал попыток продолжать работу. Однако в апреле болезнь валит Маркса с ног и в мае ему приходится поехать на отдых (к Энгельсу в Манчестер). Несмотря на болезнь и жесточайшую нужду, Марксу удалось проделать за эти 5—6 месяцев совершенно необъятную и неопределимую по своей глубине работу.

* * *

Уже во «Введении в критику» Маркс, как мы знаем, наметил план своего труда. «Расчленение предмета,— писал он,— очевидно, должно быть таково: 1) Всеобщие абстрактные определения, которые именно поэтому более или менее относятся ко всем общественным формам, однако в выше разъясненном смысле. 2) Категории, которые образуют внутреннюю структуру буржуазного общества и на которых покоятся основные классы. Капитал, наемный труд, земельная собственность. Их отношения друг к другу. Город и деревня. Три больших общественных класса. Обмен между ними. Обращение. Кредит (частный). 3) Подытоживание (Zusammenfassung) буржуазного общества в форме государства. Рассматриваемое в отношении к самому себе. «Непроизводительные» классы. Налоги. Государственный долг. Государственный кредит. Население. Колонии. Эмиграция. 4) Международные условия производства. Международное разделение труда. Международный обмен. Вывоз и ввоз. Вексельный курс. 5) Мировой рынок и кризисы»².

Однако в ходе работы Маркс не вполне придерживался намеченного плана. Он записывал свои мысли в процессе их зарождения, делал отступления, экскурсии в сторону частных проблем и т. д. В ходе работы,— как писал он Ф. Лассалю,— «...предметы, которые в течение многих лет составляли главный объект исследований, обнаруживают все новые и новые стороны...»³. По мере выяснения предмета, Марксу приходилось перестраивать и детализировать свой план. Уже в самой рукописи «Малой серии» есть несколько более или менее разработанных вариантов плана. В письмах к Лассалю 22 февраля 1858 г. и Энгельсу 2 апреля 1858 г. Маркс приводит новый, сложившийся в его голове, план. «Вся работа подразделяется на шесть книг: 1. О капитале (содержит несколько вводных глав). 2. О земельной собственности. 3. О наемном труде. 4. О государстве. 5. Международная торговля. 6. Мировой рынок»⁴. «Капитал распадается на четыре отдела: а) капитал вообще... б) Конкуренция или взаимодействие многих капиталов. в) Кредит, в котором весь капитал выступает по отношению к отдельным капиталам как нечто единое. г) Акционерный капитал, как его совершеннейшая форма (подводящая к коммунизму), вместе со всеми его проти-

¹ Маркс, Письмо Энгельсу 18 декабря 1857 г., Маркс и Энгельс, Соч., т. XXII, стр. 272.

² Маркс, К критике политической экономии, Партиздат, 1935, Введение, стр. 31.

³ Маркс, Письмо Лассалю 22 февраля 1858 г., Маркс и Энгельс, Соч., т. XXV, стр. 223.

⁴ Там же, стр. 224.

воречиями»¹. Далее развивается подробный план первого отдела, который должен состоять из трех частей: 1. Стоимость, 2. Деньги, 3. Капитал.

К этому времени у Маркса возникла мысль издавать «К критике» отдельными выпусками. Первый отдел и должен был составить первый выпуск.

В конце марта 1858 г. Маркс получил известие, что Дункер согласен взять на себя издание «К критике» выпусками, по 3—6 печ. листов каждый, причем первый выпуск должен быть сдан ему к концу мая, а последующие должны сдаваться каждые 2 месяца. Однако, как мы знаем, болезнь сразу же заставила Маркса нарушить эти условия. Вернувшись после отдыха, Маркс с конца мая принимается за систематизацию всего написанного. 31 мая он пишет: «...просмотр своей собственной рукописи отнимет у меня почти неделю. К несчастью, в рукописи (которая составила бы в печати толстый том) все перемешано в беспорядке, и в ней имеется многое, относящееся к дальнейшим частям. Поэтому мне приходится составлять указатель, в какой тетради и на какой странице находится место, нужное мне сейчас для работы»². После того как указатель был готов, Маркс не возвращался уже более к работе над рукописями «Малой серии». Он принимается за подготовку рукописи «К критике политической экономии». Работает над первым выпуском ее. Работа вновь разрастается и затягивается. В ответ на упреки по поводу затяжки работы Маркс пишет: «Это сочинение впервые научно выражает имеющий важное значение взгляд на общественные отношения... я обязан перед партией не допускать того, чтобы вещь была испорчена тяжелой и деревянной манерой письма...»³. 29 ноября Маркс пишет: «...первая часть разрослась, так как пришлось развить подробнее, чем я первоначально имел в виду, две первых главы, из которых первая, Товар, вовсе не была написана в черновом наброске, а вторая, Деньги или простое обращение, имела лишь в виде краткого наброска»⁴.

Работа затягивается до января 1859 г. В январе Маркс сообщает Энгельсу: «Рукопись составляет about⁵ 12 печатных листов (3 выпуска), и хотя заглавие ее — не падай в обморок! — «Капитал вообще», в выпусках этих еще нет ничего о капитале, они содержат лишь две главы: 1. Товар, 2. Деньги или простое обращение... Если вещь пойдет, то третья глава о капитале может последовать немедленно»⁶.

Наконец 21 января 1859 г. рукопись первого выпуска закончена. Но у Маркса нет денег, чтобы отправить ее издателю, оплатить почтовые расходы и застраховать ее. Как всегда в подобных случаях, на помощь приходит Энгельс. 26 января 1859 г. рукопись была отослана Дункеру и в июне вышла в свет работа Маркса «К критике политической экономии», книга первая «О капитале».

* * *

Ленин в знаменитой статье «Карл Маркс» указывает, что в своих сочинениях «К критике политической экономии» и «Капитал» Маркс революционизировал политическую экономию⁷.

¹ Маркс, Письмо Энгельсу 2 апреля 1858 г., Маркс и Энгельс, Соч., т. XXII, стр. 327.

² Письмо Энгельсу 31 мая 1858 г., там же, стр. 340.

³ Маркс, Письмо Лассалю 12 ноября 1858 г., там же, т. XXV, стр. 232.

⁴ Маркс, Письмо Энгельсу 29 ноября 1858 г., там же, т. XXII, стр. 369.

⁵ около.

⁶ Маркс, Письмо Энгельсу 15 января 1859 г. там же, стр. 376.

⁷ Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 7.

И в самом деле. Уже на первых страницах своей книги (в предисловии к ней) Маркс формулирует новый подход к общественным явлениям вообще, к экономическим явлениям в частности, дает классическую формулировку основных положений исторического материализма.

«В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли независящие, отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производственных сил.

Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание. На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является только юридическим выражением этого — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке. При рассмотрении таких переворотов необходимо всегда отличать материальный, с естественно-научной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, короче: от идеологических форм, в которых люди сознают этот конфликт и борются с ним.

Как об отдельном человеке нельзя судить на основании того, что сам он о себе думает, точно так же нельзя судить о подобной эпохе переворота по ее сознанию. Наоборот, это сознание надо объяснить из противоречий материальной жизни, из существующего конфликта между общественными производительными силами и производственными отношениями... «В общих чертах, азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить, как прогрессивные эпохи экономической общественной формации»¹.

Все предшествующие исторические и экономические теории исходили из субъективных идейных мотивов деятельности людей и проходили мимо вопроса о том, чем порождаются и диктуются эти мотивы. Эти теории не улавливали объективной закономерности в развитии системы общественных отношений, не охватывали действия масс, изображали отдельные стороны исторического процесса, в лучшем случае констатировали подчас произвольно набранные факты. Открытие же материалистического понимания истории, последовательное распространение диалектического материализма на область общественных явлений впервые делает возможным научное изучение общества. Общественная жизнь, история общества «перестает быть скоплением «случайностей», ибо история общества становится закономерным развитием общества, а изучение истории общества превращается в науку»². «Марксизм указал путь к всеобъемлющему, всестороннему изучению процесса возникновения, развития

¹ Маркс, Предисловие к «К критике политической экономии», дано в переводе Ленина, Соч., т. XVIII, стр. 12—13.

² История ВКП(б), стр. 109.

и упадка общественно-экономических формаций, рассматривая совокупность всех противоречивых тенденций, сводя их к точно определяемым условиям жизни и производства различных классов общества, устраняя субъективизм и произвол в выборе отдельных «главенствующих» идей или в толковании их, вскрывая корни без исключения всех идей и всех различных тенденций в состоянии материальных производительных сил. Люди сами творят свою историю, но чем определяются мотивы людей и именно масс людей, чем вызываются столкновения противоречивых идей и стремлений, какова совокупность всех этих столкновений всей массы человеческих обществ, каковы объективные условия производства материальной жизни, создающие базу всей исторической деятельности людей, каков закон развития этих условий,— на все это обратил внимание Маркс и указал путь к научному изучению истории, как единого, закономерного во всей своей громадной разносторонности и противоречивости процесса»¹.

Своей книгой Маркс совершил переворот в политической экономии. Классическая политическая экономия рассматривала буржуазное производство как вечную естественную форму производства. Она не отличала поэтому товара от продукта труда вообще и свойства товара, форму товара приписывала самому по себе продукту. Классическая политическая экономия не вскрыла двойственного характера труда и поэтому не могла четко различить стоимость от потребительной стоимости; факторы, создающие потребительную стоимость, она нередко смешивала с фактором, создающим стоимость (Смит). Тем самым не могла быть развита и теория прибавочной стоимости, которая лишь в зародышевом виде содержится в учениях классической школы. Последняя видела в законе стоимости, главным образом, закон количественного определения цен. Она считала форму стоимости чем-то безразличным для ее содержания и никогда не пыталась ни исследовать самую эту форму, ни выяснить необходимость ее существования. Классическая школа сплошь и рядом отождествляла стоимость с трудом и труд со стоимостью и тем самым делала невозможным раскрытие самого механизма капиталистической эксплуатации. Она считала способность создавать стоимости вечным естественным свойством труда. Все это приводило классическую политическую экономию к неизбежной непоследовательности, к целому ряду противоречий, разрешить которые она была совершенно бессильна.

Маркс же, исходя из принципов, изложенных в «Предисловии», видел в буржуазном производстве историческую, преходящую форму производства. В соответствии с этим и сама товарная форма продуктов труда, а следовательно и стоимость товара (которую Маркс тогда отождествлял еще с меновой стоимостью), выступила как историческая форма продуктов труда. Проведя четкое различие между общественными и естественными свойствами товара, между меновой стоимостью и ее вещественным носителем, Маркс показал, что меновая стоимость есть нечто, в корне отличное от свойств самого товарного тела, что она не содержит ни одного атома естественного вещества, что ее материей, ее субстанцией является не вещество товара, а создавший ее общественный труд. Далее Маркс раскрыл двойственный характер труда, воплощенного в товаре, этот «отправной пункт», «...от которого зависит понимание политической экономии...»². Он показал, что в потребительной стоимости товара находит себе выражение конкретный труд, труд, отличный в каждой отрасли про-

¹ Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 13.

² Маркс, Капитал, 1937, т. I, стр. 43.

изводства, между тем как в меновой стоимости выражается абстрактный труд, лишенный каких бы то ни было различий, объективно сведенный к качественному единству, качественно одинаковый. Маркс показал, что и категория абстрактного труда и сама двойственная природа труда, воплощенного в товаре, являются порождением товарного производства и присущи только ему.

Труд не является единственным источником потребительной стоимости. Создавая потребительную стоимость, конкретный труд человека лишь преобразует вещество, данное природой. Труд — отец вещественного богатства, земля — его мать¹. Меновая же стоимость создается только трудом, ни земля ни другие средства производства новой стоимости не создают. Тем самым Маркс подвел прочную базу под истинно научную теорию прибавочной стоимости.

Маркс провел строгое разграничение между стоимостью и создающим ее трудом. Труд создает стоимости, но сам он стоимостью не является. Он становится стоимостью в застывшем виде, в предметной форме. Предметная форма существования труда присуща только товарному обществу и вытекает из характера производственных отношений товарного общества. В товарном обществе производители обособлены друг от друга отношениями частной собственности. Труд каждого товаропроизводителя выполняется в его хозяйстве как частное дело, он выступает как частный труд. Однако по существу он с самого же начала является частицей общественного труда, ибо товаропроизводитель производит потребительные стоимости не для себя, а для рынка, т. е. для общества и, с другой стороны, удовлетворяет свои личные и производительные потребности с помощью товаров, купленных на рынке, т. е. произведенных другими членами общества. Связь между производителями, взаимозависимость их существует уже в процессе живого труда. Однако она остается скрытой до тех пор, пока не будет реализована на рынке путем обмена товаров. Продукт труда становится орудием связи между отдельными производителями. Обмен труда происходит здесь в форме обмена продуктов, а потому обмен товаров производится в соответствии с количеством общественного труда, представителями которого они являются. Труд запечатлевается в своем продукте. Соизмерение труда, воплощенного в товарах, происходит не путем сопоставления непосредственно затрат труда на разные товары, а путем приравнивания одного товара к определенному количеству другого товара, причем самый факт этого приравнивания выявляет стоимость товаров, а количественная пропорция между ними свидетельствует о величине этой стоимости. В каждом таком приравнивании один из товаров служит в качестве эквивалента, в качестве меры стоимости другого товара.

Маркс прослеживает развитие формы стоимости и выделение из товарного мира одного товара, специальной общественной функцией которого становится измерение стоимости других товаров. Весь товарный мир раскалывается на две части: на всю массу товаров, которая противостоит всеобщему эквиваленту в качестве потребительных стоимостей, и всеобщий эквивалент, который противостоит всему товарному миру как воплощенная «меновая стоимость», как воплощенный абстрактный труд. Маркс показал, что деньги есть овеществленное общественное отношение. С одной стороны они — товар, и все сказанное о товаре относится и к ним; с другой стороны, деньги — «больше чем товар», ибо наряду с товарными функциями они имеют ряд новых общественных функций, которые в своем зародышевом

¹ Маркс, Капитал, 1937, т. I, стр. 45.

виде могут выполняться всяким товаром, но не присущи рядовым товарам в качестве их специальных функций. Функции меры стоимости, средства обращения, средства накопления, средства платежа и всемирных денег — исторически закрепляются за одним из товаров, выделенным из товарной среды, превращая этот товар в деньги. Быть деньгами не является естественным свойством золота. Форма денег есть продукт меновых отношений между людьми, отображение этих отношений в вещи, служащей орудием их реализации. Деньги есть неизбежный продукт развития товарных отношений, и всякие попытки «отменить» деньги, оставляя вместе с тем частную собственность и товарные отношения (Прудон), являются нелепой реакционной утопией.

Исследование Марксом категорий товара и денег сделало впервые возможным раскрытие механизма капиталистической эксплуатации и создание научной теории прибавочной стоимости и капитала. Прежде всего в самой теории товара уже дан закон движения товарного общества, необходимость его классовой дифференциации, распада массы товаропроизводителей на эксплуататорскую верхушку и эксплуатируемое большинство. Простое товарное хозяйство есть только зародыш капитализма и, будучи предоставлено действию имманентных ему законов, в своем развитии неизбежно перерастает в хозяйство капиталистическое. Попытки консервировать простое товарное хозяйство, сохранить товарные отношения и вместе с тем избежать классовой дифференциации (Прудон) являются мещанской, реакционной утопией. В самом товаре уже заложена необходимость превращения рабочей силы в товар. В товар обращается именно рабочая сила, а не труд, ибо товаром может быть лишь потребительная стоимость, являющаяся носителем «менового стоимости», т. е. не живой, а овеществленный труд.

Далее из теории товара следует, что стоимость, в отличие от потребительной стоимости, создается только трудом, но не создается средствами производства. Различение двойственного характера труда открывает путь для четкого разграничения процессов создания новой стоимости и перенесения стоимости средств производства на продукт. Тем самым подводится прочная база под теорию прибавочной стоимости. Разоблачение товарного фетишизма и четкое разграничение естественных свойств вещей и их общественных свойств закрыло путь к отождествлению капитала со средствами производства и пр.

* * *

Как уже сказано, Маркс не смог включить в первый выпуск теорию капитала и прибавочной стоимости, т. е. как раз ту часть своей теории, которую он считал решающей по важности¹ и которая была у него наиболее разработана². Маркса заставили пойти на это, во-первых, необходимость спешить с первым выпуском и, во-вторых, слишком разросшиеся размеры первых двух глав. Однако он усматривал в таком решении и некоторые положительные стороны. «Это хорошо в двух отношениях,— писал он.—Если вещь пойдет, то третья глава о капитале может последовать немедленно. Во-вторых, так как критика опубликовываемой части, по самому характеру ее содержания, не может ограничиться тенденциозною руганью собак и так как все будет выглядеть exceedingly³ серьезно и научно, то я за-

¹ Маркс, Письмо Энгельсу 7 ноября 1859 г., Маркс и Энгельс, Соч., т. XXII, стр. 454.

² Маркс, Письмо Энгельсу 15 января 1859 г., там же, стр. 376.

³ чрезвычайно.

ставлю каналов и впоследствии отнестись rather seriously¹ к моим взглядам на капитал»².

Маркс, однако, не предусмотрел другой опасности — опасности замалчивания его работы. Между тем корифей буржуазной науки, бесчисленные противопоставить положениям Маркса сколько-нибудь серьезную критику, прибегли именно к этому методу. Великая работа Маркса, в которой впервые дано научное, и притом исчерпывающее, объяснение проблем стоимости и денег, проблем, над которыми безрезультатно билась буржуазная экономическая мысль, была встречена зловещим «заговором молчания» со стороны буржуазии. Полное непонимание проявили В. Либкнехт, Лассаль и др.

Несмотря на столь холодную встречу его произведения, Маркс берет за подготовку английского издания, которое тогда предполагалось, и с прежним упорством продолжает работу над вторым выпуском «К критике». С осени 1859 г. он возобновляет ежедневные посещения Британского музея. Наряду с произведениями классиков политической экономии Маркс тщательно изучает отчеты фабричных инспекторов и другие источники. При этом он обнаруживает, что «...должен теперь снова все переработать, так как рукопись для второго выпуска написана уже год тому назад»³.

Со вторым выпуском повторяется то же, что было с первым. Денежные затруднения постоянно заставляют Маркса уделять большую часть своего времени работам для заработка. Потребности политической борьбы (в частности, работа по разоблачению шпиона Фогта) отнимают у него массу времени и, наконец, заставляют прервать научную работу на значительный срок. «Долгая проволочка,— пишет Маркс по этому поводу,— была вызвана следующими причинами. Во-первых, в 1860 г. очень много времени у меня отняло скандальное дело Фогта, так как я должен был производить целое следствие по предмету, который сам по себе не заслуживает внимания, вести процессы и т. д. В 1861 г. я потерял из-за американской гражданской войны свой главный источник дохода «New-York Tribune». С тех пор и до настоящего времени мое сотрудничество в этой газете прекратилось. И вот, как и раньше, я принужден брать массу мелких работ, чтобы не очутиться со своей семьей в буквальном смысле слова на улице. Я даже решился сделаться «практиком» и собирался поступить с начала нового года на службу в управление железной дороги. Не знаю уж, считать это счастьем или несчастьем, но из-за своего плохого почерка я не получил этого места. Итак... мне оставалось мало времени и спокойствия для теоретических работ»⁴.

Но самой главной задержкой было, повидимому, уже характеризованное выше отношение Маркса к своей работе. В одном из писем он писал: «...я обладаю еще той особенностью, что если что-нибудь написанное мною я вижу месяц спустя, то оно меня не удовлетворяет и я снова все полностью перерабатываю»⁵. Вернувшись после значительного перерыва к своей рукописи, Маркс уже не мог ею удовлетвориться и начал писать все сызнова. Кроме того, он не считал возможным сдавать в печать отдельные части работы до тех пор, пока не закончено все сочинение в целом. Впоследствии Маркс писал по аналогичному поводу (в связи с работой над «Капиталом»): «...я не могу решиться

¹ более серьезно.

² Маркс, Письмо Энгельсу 15 января 1859 г., Маркс и Энгельс, Соч., т. XXII, стр. 376.

³ Маркс, Письмо Лассалю 2 октября 1859 г., там же, т. XXV, стр. 265.

⁴ Маркс, Письмо Кугельману 28 декабря 1862 г., там же, т. XXV, стр. 411—412.

⁵ Маркс, Письмо Лассалю 28 апреля 1862 г., там же, стр. 398—399.

что-нибудь отослать, пока все в целом не будет лежать передо мной готовым... одно является достоинством моих сочинений: они представляют собою художественное целое. А этого можно достигнуть только при моем способе — не приступать к печатанию, пока сочинение не будет лежать на столе готовым»¹. Во второй выпуск «К критике политической экономии» Маркс намечал включить «...только то, что должно было составить третью главу первого отдела, а именно — «Капитал вообще», сюда не должны были войти «конкуренция капиталов и кредит». Содержание этого выпуска вместе с первым выпуском должно было составить «...то, что англичане называют «the principles of political economy» [принципами политической экономии]»². Однако Маркс охватывает в своей работе всю проблематику трех томов «Капитала» и, кроме того, проблемы предполагавшегося четвертого тома. На протяжении 1861—1863 гг. Марксом была приготовлена рукопись, охватывающая серию в 23 большие тетради (так называемая «Большая серия тетрадей») и составляющая около 200 печатных листов. Вот во что превратился второй выпуск первой книги «К критике»!

Эту рукопись, хранящуюся в архиве ИМЭЛ, Энгельс описывает следующим образом: «На страницах 1—202 (тетради I—V), а затем опять на страницах 1159—1472 (тетради XIX—XXIII) она трактует темы, исследованные в I книге «Капитала», начиная с превращения денег в капитал и до конца; рукопись представляет первую из имеющихся редакций этой книги. На страницах 973—1158. (тетради XVI—XVIII) трактуются о капитале и прибыли, о норме прибыли, о торговом капитале и денежном капитале, следовательно, о таких темах, которые впоследствии были развиты в рукописи, отнесенной к III книге. Напротив, темы, вошедшие во II книгу, а также очень многие темы, позже нашедшие рассмотрение в III книге, еще не получили здесь особой разработки. Они затрагиваются, между прочим, именно в отделе, составляющем главную часть рукописи: страницы 220—972 (тетради VI—XV), «Теории прибавочной стоимости». Этот отдел содержит подробную критическую историю центрального пункта политической экономии, теории прибавочной стоимости, и кроме того в форме полемики с шестнадцатниками излагает большую часть тех пунктов, которые исследованы впоследствии особо и в логической связи в рукописи, относящейся к книге II и III»³. Рукопись разрасталась так сильно, что для Маркса становилось все очевиднее невозможность издать ее в виде второго выпуска «К критике». В конце 1862 г. Маркс уже склоняется к мысли издать ее в виде самостоятельного произведения, связанного с первым выпуском «К критике» лишь преемственностью. «Представляя собой продолжение первого выпуска,— пишет он,— она выйдет самостоятельно под заглавием «Капитал», а «К критике политической экономии» будет только подзаголовком»⁴. С этого времени работа Маркса над книгой «К критике политической экономии» постепенно перерастает в работу над «Капиталом».

* * *

Книга «К критике политической экономии», имеющая, как мы видели, огромное самостоятельное значение, представляет вместе с тем громадный этап в деле создания «Капитала». По существу эти две

¹ Маркс, Письмо Энгельсу 31 июля 1865 г., там же, т. XXIII, стр. 294.

² Маркс, Письмо Кугельману 28 декабря 1862 г., там же, т. XXV, стр. 411.

³ Маркс, Капитал, Партиздат, 1932, т. II, кн. II, предисловие Энгельса, стр. VIII.

⁴ Маркс, Письмо Кугельману 28 декабря 1862 г., Маркс и Энгельс, Соч. т. XXV, стр. 411.

работы Маркса сливаются в единое произведение. Они дали в руки рабочего класса всего мира мощное оружие, которое с самого же начала предназначалось для того, чтобы насмерть поразить буржуазное общество. На книгах «К критике» и «Капитал» воспитывались целые поколения пролетарских революционеров во всех странах мира. На этих произведениях воспитывались великие вожди мирового пролетариата Ленин и Сталин, сумевшие далеко продвинуть вперед революционное учение Маркса, развить его применительно к новым условиям и воплотить в жизнь на одной шестой части земного шара.

Военная экономика 1914—1918 гг.

Четверть века, протекшая с начала первой мировой империалистической войны, отнюдь не ослабила интереса к политическим, экономическим и стратегическим урокам этой беспрецедентной бойни народов. Развязанная фашистскими агрессорами вторая империалистическая война еще более усиливает актуальность опыта 1914—1918 гг., в частности — в экономической области.

С небывалой яркостью и силой показали события 1914—1918 гг. огромную роль политического и экономического тыла для всего хода войны, так же как и глубочайшее воздействие войны на политическую устойчивость тыла, на его экономическое функционирование.

Разумеется, каждая из стран, участвовавших в войне 1914—1918 гг., отличалась своими специфическими чертами и по-своему разрешала свои особые экономические проблемы. Царская Россия и Соединенные Штаты Америки, Англия и Австро-Венгрия, Франция и Германия, находясь на различных уровнях экономического развития и в совершенно иных условиях, неизбежно должны были идти различными путями.

Тем не менее можно подметить по существу сходные моменты в экономической жизни государств, воевавших в 1914—1918 гг. Этот известный параллелизм «военной деформации» капиталистического хозяйства неслучаен; он несомненно связан с определенными закономерностями, вытекающими, с одной стороны, из характера войны, а с другой — из специфики капиталистического хозяйства в эпоху империализма.

Эти сходные моменты мы попытаемся подытожить, попутно отмечая и особенности отдельных стран, не претендуя, разумеется, на исчерпывающую полноту освещения затронутых исключительно сложных и обширных вопросов.

Процесс перехода капиталистической экономики «на военные рельсы» интересно проследить в о в р е м е н и, по этапам. Хорошо известно, что при тщательнейшей подготовке армий и флотов экономическая подготовка к войне почти отсутствовала. Между тем еще до фактического начала военных действий империалистическая война уже нарушила нормальный ход капиталистического хозяйства, а первые же недели войны нанесли экономике воюющих стран такой «шок», от которого она долго не могла оправиться.

Раньше других областей экономики дыхание надвигающейся войны коснулось сферы финансов. Так, еще 28 июля 1914 г. (мобилизация армии началась только 2 августа) были прекращены операции парижской биржи, а 29 июля биржей был объявлен мораторий; с 30 июля сберегательные кассы начали нормировать выдачу вкладов; 31 июля был объявлен всеобщий мораторий для торговых предприя-

тий, а на следующий день он был распространен на частные банки. С 5 августа Французский банк прекратил обмен кредитных билетов на золото. Аналогичные мероприятия были проведены примерно в тот же период и другими участниками войны. В первых же числах августа центральные эмиссионные банки выпустили в обращение большое количество кредитных билетов для покрытия чрезвычайных расходов, связанных с мобилизацией. Одновременно была выпущена значительная часть военного резерва разменной монеты. Таким образом, война еще собственно говоря не успела начаться, а финансовое хозяйство уже подверглось глубоким потрясениям. Следует отметить, что доверие населения к устойчивости денег, укрепившееся в течение десятилетий, не было подорвано. В частности крестьянство охотно принимало и берегло бумажные деньги, не стремясь их быстро реализовать; эта инерция доверия существенно облегчала задачи финансирования войны на первом этапе. В настоящее время народные массы Западной Европы, не забывшие уроков 1914—1918 гг. и послевоенной инфляции, чрезвычайно чутко реагирует на любое проявление инфляции. Доверие к бумажным деньгам особенно сильно подорвано в фашистской Германии и это, несомненно, чрезвычайно ограничивает маневренные возможности германского финансового хозяйства.

С первых же дней войны в орбиту ее влияния был вовлечен транспорт. От начертания и плотности железнодорожной сети, пропускной способности и мобилизационной готовности железнодорожных линий зависела быстрота мобилизации армий, сроки их сосредоточения у границ и успех оперативных перевозок. Прежде чем обеспечить мобилизацию и развертывание армий железные дороги должны были провести свок собственную мобилизацию, которая была тщательно подготовлена генеральными штабами задолго до войны и осуществлена в короткое время, еще до начала военных действий.

Одновременно с мобилизацией военнообязанных был мобилизован для нужд армий конский состав и гужевой транспорт. Мобилизация автомобильного транспорта до войны не была подготовлена, и в первые месяцы войны он не играл существенной роли, хотя в отдельных случаях и смог выполнить важные задачи (например, переброска французских войск для Марнского сражения).

Внутренний водный транспорт в первый период войны испытал ее влияние в меньшей степени; в связи с переходом железных дорог на военные перевозки он в известной мере заменял железнодорожный транспорт для хозяйственных перевозок. Морской транспорт с первых же дней войны вынужден был резко изменить свою работу. Торговый флот Германии и Австро-Венгрии был парализован морской блокадой; часть торговых судов Антанты была мобилизована для переброски английских экспедиционных сил на континент. Крейсерские операции германских подводных и надводных кораблей вносили дезорганизацию в морские перевозки стран Антанты и нейтралов даже на отдаленных от Европы океанах.

Таким образом, все виды транспорта были сильно затронуты войной с первых же дней мобилизации.

Связь, в первую очередь телеграф, с самого начала войны оказалась перегруженной и едва справлялась с потоком депеш и с корреспонденцией, шедшей из армии и в армию.

Промышленность первоначально реагировала на войну резким свертыванием производства, массовым увольнением рабочих, закрытием большого количества предприятий¹. В настоящее время

¹ Исключение составляло ограниченное число военных заводов, выполнявших заранее размещенные заказы и имевших специальные военные запасы сырья.

представляется странным подобный паралич индустрии в тот период, когда, казалось бы, от нее требовалось максимальное напряжение. Надо, однако, учесть, что промышленность в целом не была подготовлена к работе в условиях военного времени; она лишилась призванных в армию специалистов и рабочих, кредитный аппарат был расстроен, а транспорт отвлечен на обслуживание армии. В этих условиях расстройство промышленного производства, повидимому, было неизбежно.

Сельское хозяйство лишилось с первых же дней войны значительной части рабочей силы вследствие призыва в армию наиболее трудоспособной части мужского населения. Сильно сократилась тяговая сила из-за мобилизации лошадей. Последствия этого ослабления производственной базы сельского хозяйства сказались значительно позднее; однако уже в первые месяцы войны выявились серьезные продовольственные затруднения, связанные с повышенным расходом продовольствия на нужды армии и с перебоями в работе транспорта. Эти затруднения наиболее остро проявились в Германии, которая вынуждена была сократить импорт продуктов питания и, в особенности, импорт концентрированных кормов, необходимых для германского животноводства.

Следует отметить, что в первые недели войны в общем не ощущалось недостатка рабочей силы; напротив, отмечался бурный рост безработицы, который сменился затем дефицитом рабочей силы, прежде всего в индустрии, работавшей на войну.

* * *

Последствия неподготовленности промышленности к войне наглядно выявились уже к концу 1914 г., когда все армии остались без снарядов. Накопленные перед войной запасы иссякали, в то время как производство ограниченного числа военных заводов удовлетворяло лишь ничтожную часть потребности фронта. Быстрое истощение запасов, в первую очередь — артиллерийских снарядов, затем и других видов вооружения (а также обмундирования, средств связи, инженерного имущества и т. д.) вызвало громадный спрос на изделия промышленности со стороны армии. К этому присоединились еще спешные заказы на новые самолеты, военные корабли, автомобили. Вместе с тем колоссальные затраты государств на военные нужды и массовый выпуск бумажных денег способствовали увеличению спроса на товары и общему повышению цен. В результате уже к октябрю 1914 г. паралич промышленности стал постепенно изживаться и наступила полбса лихорадочного расширения производства и переключения его на военные рельсы. Безработица стала резко сокращаться; наступил острый дефицит в рабочих и инженерно-технических работниках. Одновременно выявился недостаток в исходном сырье для промышленности.

Характерный для промышленных стран Европы разрыв между сырьевой базой и мощностью обрабатывающей промышленности не мог быть заполнен импортом; имевшиеся к началу войны запасы сырья и полуфабрикатов быстро приходили к концу. Проблема сырья встала во весь рост прежде всего в Германии, где уже осенью 1914 г. были приняты решительные меры по мобилизации ресурсов сырья и форсированию его импорта из сопредельных стран. В Германии был создан Военно-сырьевой отдел с многочисленными отделениями по каждому виду сырья и филиалами по районам. Под руководством одного из крупнейших промышленников — Вальтера Ратенау — этот отдел развернул широкую деятельность. В первую очередь им был

взят под строгий контроль импорт сырья, произведен учет и централизация запасов, организовано планомерное выкачивание сырья из оккупированных районов, введена система регулирования снабжения сырьем через «военно-сырьевые акционерные общества». Фактическое руководство сырьевым снабжением находилось в руках крупных капиталистических монополий.

Проблема сырья заняла бы видное место и при отсутствии блокады, так как валютные ресурсы не позволяли импортировать дефицитное сырье в количестве, полностью удовлетворяющем потребности. Однако блокирование центральных держав англо-французским флотом и проводившаяся Германией подводная война придали этой проблеме особую остроту. Так, Ллойд-Джордж в своих мемуарах отмечает, что возглавлявшееся им министерство вооружения Англии контролировало свыше ста различных видов сырья, в том числе такие, как сталь, медь, кирпич, стекло, пряжу, льняное семя и др. Министерство распределяло эти товары не только среди предприятий военного значения, но и по всей промышленности страны¹.

Успехи химического синтеза, строго централизованное распределение сырья и тщательное использование отходов и лома позволили в известной мере ослабить «сырьевой голод», причем, разумеется, военная промышленность обеспечивалась за счет невоенной, т. е. за счет мирного населения. Более того, в рамках самой военной промышленности не все отрасли снабжались одинаково: были выделены первоочередные, привилегированные производства (в Германии — постройка подводных лодок, авиапромышленность, пороховые заводы) и одновременно был разработан длинный список производств в порядке их убывающего военного значения.

Для стран Антанты (включая царскую Россию) решающее значение имел импорт сырья из Америки и из английских колоний и доминионов. В снабжении же центральных держав, наряду с импортом из нейтральных стран, видную роль играло ограбление Бельгии, Северной Франции, Украины, Румынии, Польши, Сербии, откуда самым беспощадным образом извлекались сырьевые и продовольственные ресурсы, необходимые германскому империализму.

Централизованное распределение сырья, топлива и электроэнергии государственным военно-экономическим аппаратом играло выдающуюся роль как рычаг воздействия на промышленность в интересах ее переключения на обслуживание нужд войны. Пользуясь этим рычагом, монополистический капитал душил своих конкурентов, вынуждая их либо вливаться в монополистические объединения, либо прекращать производство.

Не имея заблаговременной мобилизационной подготовки, промышленность с большими трудностями медленно переключалась на военные рельсы и развертывала массовое производство средств военной техники. Лишь к середине 1916 г., т. е. почти через 2 года после начала войны, смогла полностью проявиться потенциальная мощь промышленности европейских государств. Среди причин медлительных темпов развертывания военных производств, помимо недостатка исходного сырья, выдающуюся роль играли внутренние диспропорции и «узкие места» на отдельных участках и стадиях производства. Особенно сильно ощущалось отставание производства пороха от других военных производств, с ним тесно связанных. Характерно, что известный под названием «программы Гинденбурга» обширный план развертывания военных производств в Германии исходил именно из возможных размеров увеличения выработки бездымного пороха.

¹ Ллойд-Джордж, Военные мемуары, Соцэкгиз, т. I—II, стр. 384.

Для ликвидации наиболее важных диспропорций капиталистическим государствам приходилось поощрять увеличение мощности дефицитных производств путем нового капитального строительства. За годы войны в воюющих странах возникли десятки новых крупнейших военнопромышленных предприятий: пороховых, оружейных, оружейных, патронных, авиационных и других. Так, например, Франция имела к 1914 г. всего 29 государственных военных заводов; число рабочих на них фактически составляло 57 тыс. человек и при полной нагрузке не могло превысить 100 тыс. человек; к концу войны количество государственных заводов увеличилось до 50, а число занятых рабочих превысило 300 тыс. человек.

Несмотря на лихорадочный рост промышленности, связанной с войной, общий объем индустриальной продукции в годы войны не увеличился, а уменьшился. Это говорит об исключительно резкой неравномерности нагрузки отдельных отраслей промышленности, об упадке отраслей, обслуживающих тыл и экспорт. Основной причиной снижения объема производства, наряду с нехваткой рабочей силы, являлся прежде всего дефицит сырья, топлива и электроэнергии. Кроме того, серьезное влияние оказывало падение производительности труда и перегрузка транспорта. В ряде стран (Россия, Австро-Венгрия, Франция) промышленность пострадала от захвата части территории противником; воздействие со стороны бомбардировочной авиации ввиду ее слабости было незначительным.

В некоторых нейтральных странах, и в первую очередь в США (до 1917 г.), общий объем промышленной продукции увеличился. Это относится также к Японии, которая фактически участия в войне не принимала и, пользуясь благоприятной обстановкой, захватывала рынки сбыта европейских государств.

Показательны следующие данные о динамике суммарного объема (индексы — в физическом выражении) промышленной продукции Германии¹.

1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.	1918 г.
100	83	67	64	62	57

За точность приводимых цифр, разработанных германским Институтом конъюнктурных исследований, разумеется, нельзя ручаться; все же они в основном правильно отражают неуклонное падение промышленной продукции в годы войны.

Во Франции, в связи с оккупацией части территории противником, с самого начала войны динамика объема промышленной продукции была несколько иной: в 1915 г. французская промышленность могла дать только 40% довоенного объема продукции, но в последующие годы ей удалось поднять уровень производства до 60—65% довоенного объема. Разумеется, огромную роль сыграла при этом помощь Англии и США.

Поскольку общий объем промышленного производства в большинстве воюющих стран скатился значительно ниже довоенного уровня, а продукция вооружения достигла гигантских размеров, ясно, что производства невоенного характера должны были испытать резкое сокращение. Почти до нуля сошло жилищное и коммунальное строительство, сельскохозяйственное машиностроение, большинство экспортных производств. Огромное падение испытал ряд отраслей пищевой промышленности (сахарная, пивоваренная, маргариновая и др.), производство мебели, текстильных изделий, искусственных удобрений, товаров широкого потребления. Кроме того, был сильно снижен

¹ Vierteljahresheft Berl. Institut für Konjunkturforschung, № 31, 1933.

объем ремонтных работ в промышленности и транспорте. Наиболее отчетливо это проявилось в Германии. Выборочные данные германской статистики¹ показывают динамику промышленной продукции по отраслям трех «типов» — производств преимущественно военного характера, невоенных отраслей и отраслей промежуточного типа.

Германия. Объем продукции типичных отраслей промышленности (1913 г. = 100)

	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.	1918 г.
I тип						
*Отрасли, работавшие на оборону						
Горнодобывающая	100	84	78	86	90	83
Черная металлургия	100	78	68	81	83	53
Цветная »	100	89	72	113	115	234
II тип						
Отрасли преимущественно невоенные						
Жилищное строительство	100	68	30	10	4	4
Производство строительных материалов	100	88	69	59	58	35
Торговое судостроение	100	73	65	75	61	42
III тип						
Отрасли промежуточные						
Текстильная	100	87	65	27	22	17
Пищевая	100	92	83	84	67	63
Вся промышленность	100	83	67	64	62	57

В приведенной статистике отсутствует химическая промышленность, которая за годы войны показала максимальный рост; число рабочих на химических заводах Германии возросло почти в 4 раза. Отсутствует также специально военная промышленность, выросшая в десятки раз. Если бы и эти отрасли были охвачены статистикой, цифры дали бы, разумеется, несравненно более яркую картину.

Аналогичную картину роста удельного веса тяжелой и военной промышленности за счет легкой, пищевой и строительной мы видим также в Англии, Франции, Австро-Венгрии и Италии. При этом значительная часть продукции легкой и пищевой промышленности шла на нужды фронта (обмундирование, консервы и т. д.), а не для мирного населения.

Положение отдельных отраслей тяжелой промышленности было далеко не одинаковым. Добывающая промышленность Германии, Франции и Англии не смогла удержаться на довоенном уровне. В частности значительно снизилась добыча каменного угля.

Добыча каменного угля (в млн. т)

	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.	1918 г.
Германия	190	161	147	159	167	158
Франция	40	27	19	21	28	25
Англия	292	270	257	260	252	231

¹ Vierteljahresheft Berl. Institut für Konjunkturforschung № 31, 1933.

Основной причиной падения добычи угля, при росте спроса и повышении цен, являлся недостаток в рабочей силе и снижение производительности труда. Так, в Германии средняя выработка на 1 рабочего в каменноугольной промышленности (независимо от удлинения рабочего дня) снизилась в годы войны на 20—25%, что объясняется в первую очередь недоеданием.

Недостаток угля и кокса, железной руды и марганца, при остром дефиците рабочей силы, не позволили развернуть выплавку черных металлов в размерах, соответствующих производственной мощности металлообрабатывающей промышленности. Наступил «металлический голод»; чугун и сталь распределялись с максимальной экономией исключительно среди потребителей, имевших военное значение. Франция и Англия должны были импортировать черный металл (главным образом из США), Германии же пришлось резко сократить экспорт металла и жестко ограничить снабжение им невоенных отраслей промышленности.

Выплавка чугуна и стали (в млн. т)

	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.	1918 г.
Германия						
Чугун	16,7	12,6	10,1	11,3	11,6	9,2
Сталь	16,9	14,2	12,0	13,8	13,8	11,9
Франция						
Чугун	5,2	2,6	0,6	1,4	1,7	1,3
Сталь	4,7	2,7	1,1	1,9	2,2	1,8
Англия						
Чугун	10,4	9,1	8,9	9,1	9,5	9,3
Сталь	9,0	9,0	9,6	10,4	11,0	10,9

Как видно из приведенных данных, выплавка чугуна была много ниже довоенного уровня. Выплавку стали выше довоенного уровня удалось поднять только Англии, причем для этого потребовалось строительство новых сталеплавильных цехов.

Крупнейшими потребителями черного металла были предприятия, производившие снаряды (они поглощали до 25% всей стали), колючую проволоку и строительное железо для укреплений; часть металла отнимали железные дороги, новое промышленное строительство. Военное и торговое судостроение также поглощало много стального проката, особенно в Англии.

Максимальное использование производственных мощностей химической и машиностроительной промышленности позволило довести выпуск предметов вооружения до грандиозных, ранее никем не предвиденных масштабов. Достаточно напомнить, что за время войны было изготовлено 1 200 млн. снарядов, общей стоимостью свыше 25 млрд. долл., 40 млрд. шт. патронов, свыше 25 млн. винтовок и 170 тыс. самолетов.

* * *

В то время как промышленность воюющих стран перестраивалась на военный лад, развивала одни производства, сокращала другие, развертывала строительство грандиозных военных предприятий и заводов синтетических продуктов, — сельское хозяйство в большинстве стран (не только воюющих, но и нейтральных) быстро катилось вниз.

Как уже отмечалось, прекращение импорта концентрированных кормов сильно ударило по сельскому хозяйству Германии и вынудило его увеличить потребление собственного зерна в качестве корма для скота, сократив тем самым продовольственные ресурсы страны. При одновременном росте потребления зерна в армии это в первые же месяцы войны вызвало серьезные затруднения с хлебом и поставило в порядок дня вопрос о принудительной заготовке зерна и нормированном его распределении. Уже в начале 1915 г. в Германии была создана Государственная зерновая комиссия, которая взяла на учет все запасы зерна и организовала заготовку зерновых и распределение хлеба «по карточкам». В сентябре 1915 г. были созданы аналогичные управления для учета и распределения овса, крупы, картофеля, а в 1916 г. — ряд государственных комиссий: по жирам, рыбе, консервам и т. д. Все они были объединены особым министерством продовольствия. Постепенно по пути Германии пошли и другие страны.

Введение многочисленных продовольственных карточек (на хлеб, сахар, мясо, жиры, кофе, суррогатное кофе, картофель, картофельную муку и т. д.) отнюдь не устраняло ни очередей у продовольственных магазинов, ни спекуляции и торговли «из-под полы» по вздутым ценам. На голоде трудящихся обогащались спекулянты, помещики и эксплуататорские слои деревни.

Если в 1914 и 1915 гг. на положении сельского хозяйства воюющих стран еще не сказалась вся тяжесть войны и государственного «регулирования», то уже в 1916 г. наступило резкое снижение урожая и катастрофический упадок животноводства. В первую очередь упадок сельскохозяйственного производства был связан с огромной потерей рабочей силы вследствие мобилизации в армию; кроме того, усиленный отлив рабочей силы в города для работы в военной промышленности еще более обескровил деревню, лишая ее лучших сил в работоспособном возрасте. Известную роль (в Германии и Франции) сыграло также прекращение иммиграции сезонных рабочих.

Убыль тягловой силы из-за мобилизации лошадей особенно тяжело отразилась на сельском хозяйстве Германии и Италии. Серьезнейшие последствия, особенно в Германии и Франции, имело недоснабжение сельского хозяйства удобрениями. В падении урожайности технических культур недостаток искусственных удобрений играл решающую роль.

Трудности снабжения сельскохозяйственным инвентарем также способствовали деградации сельского хозяйства воюющих стран. Система обязательных заготовок по «твердым ценам» — поскольку последние, как правило, были значительно ниже рыночных — отнюдь не способствовала увеличению продовольственных фондов, вызывая умышленное сокращение посевных площадей и утайку урожая¹. За исключением Англии, в Европе наблюдалось и сокращение посевных площадей, и снижение средней урожайности с гектара, и падение поголовья скота.

В Германии к 1917 г. валовой сбор пшеницы, ржи и картофеля уменьшился вдвое по сравнению с довоенным; сборы овса, ячменя и сахарной свеклы — примерно на одну треть. Во Франции к 1917 г. валовой сбор зерновых также снизился почти вдвое, сбор картофеля — на 25%. Только в Англии валовые сборы в годы войны колебались в пределах среднего довоенного уровня.

¹ Правда, в Англии и США гарантированные правительством заготовительные цены были не ниже рыночных, и это оказывало свое стимулирующее действие, но нельзя забывать, что и общее положение сельского хозяйства в этих странах было гораздо благоприятнее, чем на континенте Европы.

Поголовье крупного рогатого скота за годы войны снизилось в Германии и во Франции на 15—17%, при этом имело место резкое падение упитанности скота и удойности. Из-за нехватки кормов значительно сократилось свиноводство: в Германии поголовье свиней уменьшилось в 2½ раза; во Франции и Англии — на 40%.

В то время как страны Антанты могли импортом из Америки и колоний в значительной мере покрыть дефицит продовольственного баланса, державы Центральной Европы этой возможности не имели. Малые нейтральные страны Европы, снабжавшие Германию продовольствием в первые годы войны (Голландия, Дания, Швеция, Швейцария), к 1916 г. сами оказались на грани голода.

Несмотря на все мероприятия по регулированию продовольственного снабжения, голод неумолимо надвигался; большие продовольственные трудности в 1917—1918 гг. испытывали даже Соединенные Штаты Америки и Япония. В Германии же, по выражению Ленина, «...мы видим голод, несравненно лучше организованный, растянутый на более долгое время, чем в России, но голод еще более тяжелый, еще более мучительный»¹.

* * *

Провал расчетов на быстрое окончание войны привел к зияющему разрыву между подготовленными для войны ресурсами и самыми неотложными нуждами фронта. Обнаружилась не только недостаточность накопленных в мирное время военных запасов, но и полная невозможность вести современную большую войну за счет запасов мирного времени. Необходимость мобилизации всей промышленности, транспорта и финансов, неизбежность глубокого вмешательства государства в дело продовольственного и сырьевого снабжения и в область внешней и внутренней торговли, так же как в распределение рабочей силы и регламентирование заработной платы,— все это обусловило перерастание капитализма в форму государственного монополистического капитализма. Наиболее полное выражение этот процесс получил в юнкерско-буржуазной Германии, которой пришлось «...направлять всю хозяйственную жизнь 66-миллионного народа из одного центрального учреждения в интересах сотни-другой финансовых магнатов или дворянчиков, монархии и К^о...»².

Общие размеры финансовых затрат на войну 1914—1918 гг. оцениваются различными авторами по-разному. Прямые военные расходы по государственному бюджету составили примерно 100 млрд. «долларов 1913 года»³. Не меньшую сумму составил материальный ущерб, нанесенный войною: потопленные торговые суда, разрушенные города, уничтоженные заводы, железные дороги и т. д.

Война нанесла огромный урон производительным силам, вырвав из народного хозяйства свыше 70 млн. наиболее трудоспособных мужчин. Потери в людях — основном элементе производительных сил — превысили 10 млн. человек убитыми и 20 млн. ранеными. Вызванные войною массовые эпидемии и голод повлекли за собою дополнительные десятки миллионов жертв.

¹ Ленин, Соч., т. XXIII, стр. 78.

² Там же, т. XXX, стр. 298.

³ Перевод непрерывно падавших местных валют на общую условную единицу (например, довоенный доллар) неизбежно связан с такими неточностями, что можно привести лишь грубо округленные цифры. Якобы «точные» расчеты Фиска, Войтинского и других буржуазных экономистов фактически опираются на произвольные, зачастую заведомо ложные предположения о движении цен и падении покупательной способности денег в 1914—1918 гг.

При помощи государственного регулирования, приведшего к более или менее полной милитаризации народного хозяйства, капиталисты выжимали максимум средств для ведения войны и обеспечения собственных прибылей. Система «военного хозяйства», не устранив капиталистической конкуренции, придала ей другие формы, как-то: борьба капиталистических групп за дефицитное сырье, за выгодные заказы, за получение рабочей силы, за руководство в государственном военно-экономическом аппарате; ожесточенные схватки при установлении твердых цен и т. д. В этой борьбе слабые, мелкие предприятия отеснялись крупнейшими монополиями и вынуждены были или подчиняться последним или самоликвидироваться.

Срачивание капиталистической верхушки с государственным аппаратом шло в годы войны ускоренными темпами. Система государственных финансов и кредита тесно переплеталась с банковским капиталом. Государственные монополии на сырье проводились в жизнь руками частнокапиталистических объединений под руководством виднейших магнатов финансового капитала. В органах руководства промышленной мобилизацией полностью стиралась грань между представителями государства и агентами капитала. Разветвленный аппарат профсоюзов, кооперации и других рабочих организаций был поставлен социал-демократией на службу государству. «Мировой капитализм... сделал за время войны изрядный шаг вперед не только к еще большей концентрации финансового капитала, но и к превращению в государственный капитализм»¹.

Тем не менее буржуазия не могла преодолеть стихийности капиталистического хозяйства, ей не удалось побороть голод, недостаток сырья и топлива, бешеный рост дороговизны, расстройство транспорта, деградацию сельского хозяйства, внутренние диспропорции в промышленности. Несмотря на проявление «последнего слова» капиталистической техники и организации система военного хозяйства неуклонно вела к всеобщей экономической дезорганизации — к р а з р у х е.

* * *

Рассматривая экономические проблемы войны 1914—1918 гг., буржуазные экономисты стремятся замаскировать или извратить тот основной факт, что грабительская война велась в интересах капиталистов за счет трудящихся, в первую голову за счет пролетариата. Невиданный рост эксплуатации рабочего класса при чудовищном снижении его жизненного уровня — таков основной источник «питания» империалистической бойни.

Мобилизация армий и развертывание военной промышленности вызвали острый дефицит в высококвалифицированных рабочих-металлистах (инструментальщики, модельщики, литейщики и т. д.), а также в рабочих тех профессий, где требуется особая выносливость или физическая сила (грузчики, кочегары, горняки и др.). Естественно, рабочие этих категорий пытались добиться повышения своей заработной платы и улучшения условий труда; в отдельных случаях это им вначале удавалось, несмотря на отчаянное сопротивление буржуазии. Однако основная масса пролетариата не только не могла добиться какого-либо улучшения своего материального положения и условий труда, но эксплуатация ее с каждым месяцем войны становилась все более и более беспощадной. Прежде всего во всех воевавших странах были отменены установленные ранее ограничения рабочего времени и введен 10—11-часовой, а нередко и еще более

¹ Ленин, Соч., т. XIX, стр. 383.

продолжительный рабочий день. Одновременно были отменены ограничения по использованию женского и детского труда. Предприятия военного значения стали работать круглые сутки и без праздников. Были приняты драконовские меры для борьбы против забастовок; рабочие военных заводов (а затем и многих других предприятий, якобы работавших «на оборону») были милитаризованы и в случаях нарушения заводской дисциплины или участия в революционном движении подлежали отправке на фронт:

Крупнейшее значение приобрела широкая эксплуатация женского труда. Большое число работниц влилось в предприятия военной промышленности и в другие отрасли производства, где раньше женский труд почти не применялся. Так, в Германии количество женщин-работниц в металлообрабатывающей промышленности увеличилось в 4 раза и в химической — в 8 раз, в то время как в текстильной и швейной оно сократилось вдвое. В Англии за годы войны число женщин-работниц возросло почти на 1 млн., достигнув 3 млн.

Во время войны широко применялся ночной труд женщин и подростков, их заставляли также систематически работать сверхурочно. Произведенные в Англии обследования показали, что почти 38% женщин в 1917 г. работало по ночам, а в 1918 г. свыше 25% женщин работало более 10 час. в сутки. Регулирование всех вопросов труда было передано в руки «примирительных камер» и «арбитражных комиссий», в которых решающую роль играли представители военного ведомства, действовавшие по указке крупного капитала. Актами о «национальной службе» во Франции и Англии и «законом о всеобщей трудовой повинности» в Германии (1916 г.) военное закрепощение рабочего класса было завершено. Империалисты стремились изобразить эти мероприятия как введение «плановости» в использование трудовых ресурсов и как метод борьбы с «тунеядцами». В действительности же, оставляя для буржуазии достаточно лазеек, эти законы всей своей тяжестью падали на рабочий класс. Ленин писал: «Введение плановости не избавляет рабочих от того, что они рабы, а капиталисты берут прибыль более планомерно»¹.

Введение трудовой повинности имело ярко выраженный классовый характер, оно служило оружием, которым пользовалась буржуазия для подавления всякого отпора со стороны пролетариата, средством неслыханного снижения его реальной заработной платы и жизненного уровня. Посредством трудовой повинности буржуазия стремилась повысить интенсивность труда и удержать производительность труда от падения, вызываемого угнетением, недоеданием и обнищанием рабочего класса. Эта попытка была, однако, безнадежной. Никакими, самыми драконовскими мерами нельзя было добиться высокой производительности труда при развивающейся общей хозяйственной дезорганизации: «Мы все хорошо знаем, — писал Ленин, — основное условие падения производительности труда, которое наблюдается не в одной России, а во всем свете: разорение и обнищание, озлобление и усталость, вызванные империалистской войной, болезни и недоедание. Последнее по важности занимает первое место. Голод — вот причина»².

Снижение реальной заработной платы (при некотором номинальном ее повышении) явилось в руках буржуазии сильнейшим средством усиления эксплуатации рабочего класса. Действительные размеры этого снижения определить невозможно, так как все официальные индексы «стоимости жизни» в годы войны представляют

¹ Ленин, Соч., т. XX, стр. 280.

² Там же, т. XXIV, стр. 341.

собою самый наглый обман. Но даже по этим фальсифицированным индексам реальная заработная плата рабочих в Германии и Италии упала в среднем вдвое за период 1913—1918 гг., во Франции — на 50%, в Австро-Венгрии — в 3—4 раза. На самом деле падение было гораздо более катастрофичным. Так, по немецким данным, номинальная заработная плата рабочих на военных заводах Круппа поднялась за годы войны в среднем на 90—110%, в то время как цены на текстильные товары возросли в 8—10 и более раз¹. Официальные цены на продовольствие за тот же период поднялись в 3—4 раза, но по этим ценам выдавался лишь ничтожный рацион, а спекулятивные «вольные» цены были во много раз выше. Помимо недоедания, острой нехватки обуви и одежды, рабочий класс тяжело страдал от недостатка топлива и от жилищного кризиса.

Втягивание в производство массы неопытных рабочих и повышение интенсификации труда вызвали огромный рост производственного травматизма, профессиональных заболеваний и крупных аварий с человеческими жертвами.

На фоне резкого обнищания широких масс особенно ярко выделяется вакханалия наживы капиталистов и спекулянтов на войне. Многочисленные законы об «ограничении прибылей» отнюдь не мешали капиталистам наживаться на военных поставках и на чудовищной дороговизне товаров широкого потребления.

Классовые противоречия в этих условиях неминуемо должны были резко обостриться. Борьба трудящихся против усиления гнета и эксплуатации, замершая было в первую половину войны вследствие бешеного террора правительств и предательской политики социал-демократических лидеров, вновь возобновилась с 1916—1917 гг. Затянувшаяся война все сильнее революционизировала пролетариат: «Будучи отражением общего кризиса капитализма, война обострила этот кризис и ослабила мировой капитализм. Рабочие России и партия большевиков оказались первыми в мире, которые с успехом использовали слабость капитализма, прорвали фронт империализма, свергли царя и создали Советы рабочих и солдатских депутатов»².

¹ Meerwarth u. Günter, Die Einwirkung des Krieges, 1932, S. 422.

² История ВКП(б), стр. 173.

Социальная демагогия германского фашизма¹

Социальная демагогия является в руках фашистов одним из наиболее важных методов обмана масс. К фашистским методам обмана народа приложима характеристика, которую т. Димитров дал в отношении политических методов фашизма. «Приход фашизма к власти — это не обыкновенная замена одного буржуазного правительства другим, а смена одной государственной формы классового господства буржуазии, буржуазной демократии, другой его формой — открытой террористической диктатурой»². «Работы» фашистских идеологов означают собой не обычную замену одного вида буржуазного обмана другим видом, а перестройку методов идеологического обмана масс.

Широкое применение «антикапиталистической» демагогии составляет одну из важнейших особенностей фашистской экономической литературы (как и всей фашистской идеологии), отличающих ее от прежних видов вульгарной экономии. Дофашистская буржуазная политическая экономия выступала в роли откровенного адвоката капитализма. Она всячески старалась оправдать капитализм, скрыть его противоречия, замазать эксплуатацию рабочего класса, «обосновать» разумность и справедливость существующего строя. Возьмем, например, крупнейшего буржуазного экономиста Америки конца прошлого столетия — Кларка. Он начинает свою работу «Распределение богатства» с указания на то, что над капиталистическим обществом тяготеет обвинение в эксплуатации труда³. Все «теоретические» работы Кларка преследуют лишь одну задачу — он пытается опровергнуть тяготеющее над капитализмом обвинение в эксплуатации труда, пытается доказать, что капиталистическая система является справедливой и целесообразной.

В обстановке небывалого обострения капиталистических противоречий, перед лицом надвигающейся социалистической революции фашистские идеологи не осмеливаются выступить перед массами с открытой защитой капитализма. Они трусливо стараются скрыть свое подлинное звериное лицо под маской «антикапиталистической» демагогии.

Фашизм возводит провокацию и двурушничество в руководящий принцип своей деятельности. Вся пропаганда фашизма строится в двойном плане — для народных масс — одно, а для буржуазии — другое. Отсюда неизбежное переплетение в фашистской литературе самой разнузданной социальной демагогии с самой наглой апологе-

¹ Статья из антифашистского экономического сборника, подготовляемого Институтом экономики Академии наук СССР.

² Димитров, Наступление фашизма и задачи Коммунистического Интернационала в борьбе за единство рабочего класса против фашизма, Партиздат, 1935, стр. 12.

³ Дж. Б. Кларк, Распределение богатства, Соцэкгиз, 1934, стр. 41.

тикой капитализма. В ряде случаев «антикапиталистическая» демагогия оказывается опасной игрой с огнем и дает результаты, противоположные тем, которых хотели добиться фашисты.

Двурушничество фашизма резко сказывается при сравнении литературы, предназначенной для народа, и литературы для буржуазии. В более популярной фашистской литературе, в частности в массовых изданиях, преобладают моменты «антикапиталистической» демагогии; в «солидных» работах, рассчитанных на буржуазного читателя, преобладает более откровенная апологетика капитализма. Так, например, фашистский экономист Кляггес в популярной агитационной брошюре «Kampf dem Marxismus» кричит об эксплуатации рабочих, а по существу всячески ее замазывает. Нонненбрух же в книге «Die dynamische Wirtschaft» «доказывает» отсутствие эксплуатации рабочих капиталом. Фашистов такого рода казусы не смущают. Стоит ли обращать внимание на такие мелочи, когда логика и наука — понятия, по самому своему существу несовместимые с фашистским режимом мракобесия и варварства! Социальная демагогия германского фашизма переплетается с откровенной проповедью мракобесия. Фашисты стараются убить у трудящихся всякие попытки к самостоятельной мысли. Фашисты объявляют крестовый поход против разума, против теории.

Человеческий разум враждебен дикой реакции фашистов и поэтому для «штурмовиков от науки» он недостаточно благонадежен. Вместо разума фашизированная наука предпочитает апеллировать к «духу расы», который является удобной ширмой для прикрытия эксплуататорских и империалистических вожделий германского фашизма. Фашистские писатели изощряются в «критике» разума. Разум, вещает Нонненбрух, не может постигнуть динамики явлений. Для разума, продолжает он, история нелогична. «Динамика явлений стоит по ту сторону логики... История столь же мало логична, как мало логичной была победа национал-социализма. Его победа была победой веры»¹. Нонненбрух старается внушить читателю, что «теоретические» положения фашистской премудрости не нуждаются в логическом обосновании. Они должны быть приняты на веру, несмотря на всю свою абсурдность.

Фашизм объявляет поход против экономических теорий. Лейб-теоретик Гитлера по экономическим вопросам Нонненбрух провозглашает анафему теории, рассматривая ее, для вящего посрамления, как продукт... злополучного еврейского духа. «Благородные германцы», в изображении Нонненбруха, стоят, мол, выше таких презренных вещей, как теории. Пресловутый «северный человек», которого без конца славословят фашисты, стремится, мол в высь, в бесконечность, и поэтому отбрасывает прочь всякие теории, сдерживающие «полет его благородного духа в бесконечность».

Империалистическая агрессия, зверский террор, средневековые погромы и грабежи мирного населения — вот те деяния, в которых проявляется «благородный дух» национал-фашизма. При таких «полетах в бесконечность» теория, разумеется, оказывается излишней; нельзя ведь назвать теорией сумасшедшие антисемитские заклинания и завывания.

Одной из особенностей социальной демагогии германского фашизма является то, что она переплетается с крайней империалистической и шовинистической агитацией. Гитлеровские борзописцы стараются свалить ответственность за все бедствия, переживаемые трудящимися Германии, в первую очередь на мнимый недостаток территории

¹ Nonnenbruch, Die dynamische Wirtschaft, S. 20.

в Германии. Империалистические агрессии демагогически провозглашаются в качестве наиболее радикального метода улучшения положения трудящихся в Германии и разрешения всех социальных противоречий. Переплетение националистической и социальной демагогии имело место и до прихода фашизма к власти, но особенно значительные размеры оно приняло после того, как фашисты стали у власти. Это объясняется необходимостью «обосновать» агрессивную политику, проводимую гитлеровским правительством.

Фашистская Германия по существу превращена в гигантскую военную казарму. Весь государственный аппарат Германии подчинен задачам подготовки новой империалистической бойни. Подсчеты, сделанные английскими экономическими журналами (германское правительство уже с 1934 г. не публикует бюджета), показывают, что военные расходы в 1938 г. составили 70% расходной части германского бюджета¹. Все хозяйство Германии переведено на военные рельсы. Это положение товарищ Сталин подчеркнул с большой силой в историческом докладе на XVIII съезде ВКП(б). «Италия и Германия,— отметил товарищ Сталин,— уже перевели свое народное хозяйство на рельсы военной экономики, ухлопав на это дело свои запасы сырья и валюты...»².

Военная подготовка составляет основное содержание пресловутых «четырёхлеток», в частности второй. «Четырёхлетки», как прекрасно показал т. Молотов в докладе на XVIII съезде партии, представляют лишь пародию на народнохозяйственный план. «Благодаря блестящим успехам первой и второй пятилетки, «план» получил международную популярность, и было уже не мало потуг в капиталистических странах объявить и прошуметь о своих хозяйственных планах. Чего стоит, например, шумиха германских фашистов насчет их двух доморощенных «четырёхлеток»! Некоторые демагоги стали уже изображать дело так, что они, будто бы, преодолели анархию господствующего у них капиталистического хозяйства и уже ведут работу по плану. Однако, никаких планов ни первой, ни второй четырёхлетки они опубликовать не решились. Да их, видно, и не было. Все, что у них было в этих «четырёхлетках», сводилось к некоторым мероприятиям по накоплению ресурсов для подготовки новой войны»³.

Социальная демагогия германского фашизма на данном этапе ставит перед собой следующие три главные задачи: а) «обосновать» необходимость для Германии территориальной экспансии; б) подвести идеологический базис под притязания Германии на первенство в Европе, в) оправдать лишения, на которые фашизм обрекает трудящиеся массы «Третьей империи».

Для «обоснования» территориальной экспансии фашистские демагоги широко применяют аргументацию геополитиков. Геополитика ставит своей целью оправдать важнейшие направления экспансии Германии.

Геополитическое направление сформировалось в Германии в двадцатых годах текущего столетия вокруг Германской академии, организованной в 1925 г., и журнала «Геополитика», созданного в 1924 г. Фактическим основателем этого течения является генерал Гаусгофер. С момента своего возникновения геополитическое течение выражало в очень яркой форме империалистические тенденции германского финансового капитала. Неудивительно, что служители ведомства Геб-

¹ «Правда» от 19 апреля 1939 г.

² Сталин, Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б), стр. 27.

³ Молотов, Третий пятилетний план развития народного хозяйства СССР. Доклад и заключительное слово на XVIII съезде ВКП(б), стр. 50.

бельса постарались включить в свою орбиту геополитиков. Максимально упростив основные геополитические идеи, фашистские демагоги сделали последние объектом повседневной агитации.

Важнейшим аргументом, которым геополитики пользуются для «обоснования» необходимости территориальной экспансии Германии, является ссылка якобы на перенаселенность «Третьей империи». Гаусгофер противопоставляет «народы без пространства» (к которым он относит, конечно, в первую очередь Германию) «пространству без народа». Положение о перенаселенности Германии составляет лейтмотив всей фашистской демагогии. В декларации от 20 февраля 1938 г. Гитлер демагогически объяснил тяжелое экономическое положение Германии большой плотностью населения, а также тем, что у Германии «нет тех природных богатств, которые имеются у других народов»¹.

Утверждения фашистов, что Германия вынуждена искать новые территории ввиду недостатка пространства, построены на песке, продиктованы определенными империалистическими вождениями. Существуют капиталистические государства, имеющие значительно более высокую плотность населения, нежели Германия, например Бельгия с плотностью в 268 чел. на 1 км² или Голландия, где на 1 км² приходится 237 чел. против 140,57 чел. на 1 км² в Германии². Однако указанные выше государства не ведут сейчас агрессивной политики.

Вильгельм Пик совершенно правильно отметил, что «если говорить о необходимом для жизни «пространстве», то в самой Германии хватило бы земли для переселенцев и для сельского хозяйства. Но, огромная часть этой земли сосредоточена в руках крупных помещиков и, конечно, гитлеровское правительство ни в коем случае не посягнет на нее»³. В этом все дело, а отнюдь не в том, что немецкому народу будто бы нехватает пространства.

Излюбленной идеей геополитиков, широко подхваченной фашистскими демагогами, является также идея «большой хозяйственной территории», т. е. необходимости создания больших территориальных комплексов. Основной смысл этого «учения» состоит в отрицании права малых государств на самостоятельное существование. Корни «учения о большой хозяйственной территории» можно найти в работах немецкого географа конца прошлого столетия — Ратцеля. В работе «Politische Geographie», вышедшей в 1897 г., Ратцель, выражая империалистические стремления германской буржуазии, выдвинул положение о существовании «тенденции к созданию больших политических пространств». Ратцель защищал тезис, что малые государства возникли на низкой ступени культуры. Отсюда он делал вывод, что поглощение малых государств империалистическими хищниками есть неизбежный результат роста культуры. Увеличение размеров государства Ратцель рассматривал как необходимый процесс, обусловленный всей совокупностью моментов, характеризующих развитие общества, и в первую очередь ростом населения.

Идеи Ратцеля получили дальнейшее развитие в работах геополитиков, которые использовали также учение шведского буржуазного ученого Челлена (Kjellen). Последний рассматривал государство как своеобразное органическое существо. Продолжая традиции органической школы в социологии, широко используя аналогии между биологическими процессами и процессами, происходящими в области междугосударственных отношений, геополитики делают вывод, что

¹ «Правда» от 22 февраля 1933 г., № 52, передовая.

² Данные о плотности населения взяты из сборника «Капиталистические страны в 1913, 1928—1934 гг.», М, 1935, стр. 172—173.

³ «Коммунистический Интернационал», 1937 г., № 6, стр. 27.

молодое, быстро растущее государство неизбежно должно расширять свою территорию. Территориальные захваты провозглашаются геополитиками в качестве показателей культурности, зрелости, наличия больших жизненных сил народа, осуществляющего агрессию. Последнюю геополитики пытаются представить как проявление невинного, «здорового инстинкта размножения».

Гаусгофер делит все государства на две группы: государства, стремящиеся к обновлению, и «косные государства». К первым автор, как и следовало ожидать, относит «Третью империю»; ко второй группе он относит конкурентов Германии в борьбе за мировое господство — Англию, Францию, США.

С рассуждениями о «большой хозяйственной территории» тесно связана фашистская болтовня о так называемой «Срединной Европе» (элементы этого учения встречаются также в работах Ратцеля). Геополитики рассматривают «Срединную Европу», включающую в себя не только Германию, но и Австрию, Чехо-Словакию, Венгрию и т. д., как единый геополитический комплекс, связанный рядом каких-то вымышленных закономерностей. Гаусгофер считает учение о «Срединной Европе» столь важным, что в одной из своих статей непосредственно связывает это учение с определением геополитики. Последнюю он определяет как «основу единой политической науки, необходимой в Срединной Европе». Разговоры о «Срединной Европе» должны служить теоретическим «обоснованием» тенденции империалистической Германии к полному подчинению своему влиянию всей Центральной и Юго-восточной Европы. Грабительский захват Германией территории Австрии и Чехо-Словакии является осуществлением на практике учения о «Срединной Европе».

«Гитлеровский фашизм, — как правильно отметил т. Димитров, — это не только буржуазный национализм. Это звериный шовинизм»¹. Для того чтобы разжечь шовинизм, германские фашисты широко используют пресловутую расовую теорию, «...эту странную теорию, которая так же далека от науки, как небо от земли...»².

Расовая «теория» не является продуктом оригинального творчества фашистских писателей. Француз Гобино в книге «Очерк о неравенстве человеческих рас», вышедшей в свет еще в 1853—1855 гг., сформулировал основные положения этой «теории».

Нет нужды останавливаться на рассмотрении расового бреда Гобино, его ближайших учеников, вроде Лапужа, и позднейших последователей, вплоть до Гитлера и Альфреда Розенберга. Мы вкратце рассмотрим лишь служебное назначение пресловутой расовой «теории» в осуществлении фашистского плана империалистической агрессии и закабаления трудящихся масс.

Деление всего человечества на высшие и низшие расы дает фашистам удобный повод провозглашать всякую агрессию как меру борьбы за культурное развитие, направленной против «низших», «неполноценных» рас. Недаром германские фашисты с таким восторгом повторяют слова Дюринга, что между человеком одной расы и человеком другой расы может быть большая разница, нежели между человеком и животным.

В книге «Моя борьба» Гитлер вещает, что способность к развитию культуры (так называемая «культурно-образующая сила»); идеализм, готовность к жертвам ради блага общества, якобы, сильнее всего развиты у арийцев, а из арийских народов — у немцев.

¹ Димитров, Наступление фашизма и задачи Коммунистического Интернационала в борьбе за единство рабочего класса против фашизма, Партиздат, 1935, стр. 11.

² Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 546.

Расовая «теория» служит фашизму и в борьбе против его внутренних врагов. Расправа со всеми лучшими и революционными элементами Германии, со всеми антифашистами оправдывается расовой «теорией» (под предлогом, что они являются якобы в расовом отношении «неполноценными»).

Необходимо отметить, что «расисты» различают среди немецкого народа несколько рас. Высшей расой они считают нордическую, которая только одна обладает всеми хвалеными качествами арийцев и имеет право претендовать на звание так называемой «расы господ». Наряду с этим «расисты» отмечают наличие других рас — динарской, восточной и т. д. Все они являются расами второго сорта, состоят из «неполноценных» личностей и не могут претендовать на то, чтобы быть отнесенными к «расе господ». В действительности «раса господ» в фашистской Германии состоит только из капиталистов и помещиков.

Раса в фашистском толковании не имеет ничего общего с научным определением этого понятия. В фашистском толковании раса — синоним боевой организации, стоящей на страже интересов наиболее реакционных, империалистических кругов германского финансового капитала. Всякий раз, когда приходится «обосновывать» интересы этих кругов, фашистские писатели апеллируют к мифическому «духу расы». Нонненбрух указывает, что в тех случаях, когда интересы народа вступают в противоречие с требованиями «духа расы», следует всегда жертвовать интересам народа.

Расовая «теория» служит для «обоснования» самого чудовищного и оголтелого антисемитизма.

Антисемитизм взращивался эксплуататорскими классами издавна. Достаточно вспомнить о русских черносотенцах. Состряпанные ими в свое время клеветнические измышления относительно евреев широко используются германскими фашистами. Фашисты раздули антисемитизм до чудовищных размеров и превратили его в средство расправы с революционным движением. Крайняя дикость и варварство германского фашизма есть результат громадной остроты внутренних противоречий в Германии, слабости ее буржуазии, которая ищет спасения в чудовищном терроре, разнузданной агрессии, культивирует самые подлые и низкие предрассудки и суеверия.

Переплетение социальной демагогии, апологетики капитализма и разнузданной антисемитской агитации ярко обнаруживается на примере «учения» о так называемом «процентном рабстве», составлявшем сердцевину антикапиталистической демагогии германского фашизма до его прихода к власти.

Популярность среди мелкой буржуазии демагогического лозунга фашистов — «уничтожение процентного рабства» — объясняется специфическими условиями послевоенного развития германского капитализма. После мировой войны германский капитализм оказался в экономической и финансовой зависимости от мирового финансового капитала, конкретно — от Англии, Франции и США. Трудящиеся Германии оказались под прессом двойной эксплуатации: внутреннего и иностранного финансового капитала. Фашистские демагоги, ловко эксплуатируя глубокую ненависть трудящихся к хищнической буржуазии, к отечественному и иностранному финансовому капиталу, обещали полную ликвидацию пресловутого «процентного рабства».

Значение этого требования, роль его в деле обмана трудящихся состоит в том, что «борьбу с капитализмом» фашисты сначала подменяют демагогическими выкриками о необходимости борьбы со ссудным капиталом, который Федер называет «бичом человечества», а затем жульнически подменяют ссудный капитал еврейским капиталом.

В конечном счете все это сводится к натравливанию трудящихся масс на евреев.

Для чего фашисты стараются именно ссудный капитал представить в качестве виновника всех страданий и бедствий трудящихся? Прежде всего для того, чтобы затушевать классовый антагонизм между рабочими и капиталистами.

В фашистской экономической литературе последовательно проводится положение о том, что промышленные и сельскохозяйственные капиталисты не эксплуатируют рабочих. Говоря об источниках прибыли, фашистские писатели повторяют самые вульгарные и примитивные варианты «теории производительности капитала». Нонненбрух, например, попросту, без всяких околичностей заявляет, что машина производит прибавочную стоимость. Рабочий, мол, производит ту стоимость, которую он получает в виде заработной платы. Промышленный капиталист, по Нонненбруху, забирая произведенную машиной прибавочную стоимость, ничего не отнимает у рабочего.

Промышленные капиталисты объявляются «истинными предпринимателями», и о них фашисты отзываются с величайшим благоговением. Еще в 1927 г. Гитлер с трибуны партийтага в Нюрнберге говорил с лакейской почтительностью об «истинно великих творцах» германской тяжелой промышленности — Круппе, Кирдорфе, Тиссене, Аббе, Маннесмане и Сименсе. А со страниц федеровского комментария к программе гитлеровской партии раздается настоящий панегирик «истинным предпринимателям».

Федер в современной Германии давно забыт, но не забыта до сих пор его апология промышленного предпринимателя. Так, Нонненбрух старается показать, что основным движущим стимулом промышленного предпринимателя является не погоня за прибылью, а любовь к технике. Финансовый капиталист, утверждает Нонненбрух, это — холодная счетная машина. Техника интересует его лишь как средство увеличения прибыли. Между тем для промышленного капиталиста она является самоцелью¹. Причем под эти свои апологетические рассуждения Нонненбрух подводит «расовый базис». Увлечение техникой вытекает, мол, из особенностей северной расы, «расы господ», стремящихся к овладению силами природы².

Однако это восхваление промышленного капиталиста само по себе еще не раскрывает полностью классового смысла «учения» о «процентном рабстве». Может сложиться впечатление, что здесь мы имеем дело с апологией промышленного капитала в противовес ссудному. Такое впечатление, однако, является грубо ошибочным. В разглагольствованиях Федерера и Нонненбруха промышленный капиталист изображается не только совершенно чистым от каких-нибудь ссудно-капиталистических грехов, но и прямо противопоставляется банковскому капиталу. Между тем, как известно, банковский капитал в империалистическую эпоху сращивается с промышленным. Это выражается, в частности, в персональном объединении двух этих функций. Банкиры являются участниками промышленных предприятий, крупнейшие промышленники — заправилами банков. На верхах капиталистической промышленности мы уже не встретим людей, которые были бы только промышленными капиталистами «чистого типа», не будучи в то же время банковскими магнатами. Поэтому разговоры о «чистом» промышленном капиталисте, который будто непричастен к системе «процентного рабства» и сам от нее страдает, разговоры о том, что такие финансовые магнаты, как Крупп, Тиссен и им подоб-

¹ Нонненбрух, *Dynamische Wirtschaft*, S. 139.

² Там же, стр. 140.

ные, будто вовсе не «финансисты», а «только промышленники», «любители техники» и т. д.,—являются, конечно, апологией именно Круппов и Тиссенов, т. е. апологией именно финансового капитала.

Пытаясь «выгородить» промышленных капиталистов, фашистские идеологи переводят всю «антикапиталистическую» демагогию на рельсы самого отвратительного, зоологического антисемитизма, сводя «процентное рабство» к зависимости только от еврейского ссудного капитала. Фашистские шаманы, по вполне понятным причинам, обходят молчанием вопрос о существовании арийских капиталистов.

Федер включает в самое определение «процентного рабства» антисемитские вопли о мифическом закабалении мира еврейским денежным капиталом. Практический смысл всей этой демагогии относительно «процентного рабства» сводится к реакционнейшему звериному лозунгу: «бей евреев, спасай отечественный капитал».

Антисемитские завывания фашистов ставят своей целью натравить часть мелкой буржуазии на евреев и тем самым отвлечь ее внимание от капиталистов, использовать недовольство капитализмом для расправы с революционным движением, для укрепления фашистской диктатуры.

* * *

Особенностью социальной демагогии германского фашизма является также исключительная по своему цинизму спекуляция на тяге масс к социализму. Эта особенность получила наиболее яркое выражение в учении о так называемом «немецком социализме».

«Фашизм,—говорил т. Димитров на VII конгрессе Коммунистического Интернационала,—не только разжигает глубоко вкоренившиеся в массы предрассудки, но он играет и на лучших чувствах масс, на их чувстве справедливости и иногда даже на их революционных традициях. Почему германские фашисты, эти лакеи крупной буржуазии и смертельные враги социализма, выдают себя массам за «социалистов» и свой приход к власти изображают как «революцию»? Потому, что они стремятся эксплуатировать веру в революцию, тягу к социализму, которые живут в сердцах широких трудящихся масс Германии»¹

Чудовищная легенда о «немецком социализме» распространялась фашистами и до прихода Гитлера к власти, но особенное развитие получила она с 1933 г. Эта легенда преследует совершенно определенные классовые цели. Центральная задача фашистских демагогов на данном этапе состоит в том, чтобы лишения, на которые фашизм обрекает трудящихся «Третьей империи» в интересах обогащения монополистического капитала, представить как жертвы во имя общенациональных интересов. Поэтому пресловутый лозунг—«общее благо выше частного»—составляет основной стержень фашистской демагогии. Этот лозунг заимствован у фашиствующего австрийского «теоретика» Шпанна, арестованного германскими фашистами в 1938 г., очевидно, за оппозиционное отношение к оккупации Австрии Гитлером. Лозунг—«общее благо выше частного», как отметил Федер, представляет лишь перефразировку положения Шпанна о примате целого над частями. Согласно «теории целостности» Шпанна, общество есть своеобразное целое, которое довлечет над своими частями и определяет их. «Теория целостности» своим острием направлена

¹ Димитров в. Наступление фашизма и задачи Коммунистического Интернационала в борьбе за единство рабочего класса против фашизма, Партиздат, 1935, стр. 13.

против рабочего класса. Призывая трудящихся жертвовать своими интересами во имя «целого», во имя «общественного» блага, «теория целостности» подменяет интересы целого интересами капиталистического класса. Она ставит своей задачей — притупить классовое самосознание рабочих, внушить им мысль, что они являются лишь частью какого-то якобы внеклассового целого и должны безропотно служить этому целому, т. е. своей буржуазии.

Служители ведомства Геббельса охотно ухватились за такое удобное орудие обмана народа. Они постарались использовать его для оправдания своего наступления на рабочий класс и для «обоснования» своей политики агрессий и бешеного роста вооружений. С этой целью фашистские демагоги соединяют принцип «общее благо выше частного» с расовой «теорией», которая отсутствовала у Шпанна. Они превратили «общее благо» в псевдоним самого разнузданного шовинизма и антисемитизма. Именем «общего блага» фашисты пытаются освятить свои планы новых захватнических войн. К «общему благу» они апеллируют всякий раз, когда встречаются с недовольством трудящихся.

Фашистские демагоги сочинили чудовищную легенду о том, будто в «Третьей империи» осуществлен какой-то «немецкий социализм». Но так как социальная демагогия может оказаться опасной для самих демагогов и их хозяев, то они тут же торопятся «пояснить», что этот их «немецкий социализм», конечно, ничего общего не имеет, например, с обобществлением средств производства, что он есть «социализм жертвы». Редактор экономического органа германского фашизма Гунке пишет: «Социализм... проявляется только в том, что народ может жертвовать».

Для трудящихся Германии «немецкий социализм» означает неслыханные лишения и тяжелые жертвы без всякого просвета, пока существует фашизм. А для монополистического капитала Германии «немецкий социализм» означает гигантские сверхприбыли без всяких жертв.

В Германии царит капиталистическая эксплуатация в своих наиболее свирепых и кровавых формах. Однако это не мешает национал-фашистским агитаторам иступленно твердить: «в Германии нет капитализма». Чтобы как-нибудь объяснить это кричащее противоречие, фашистские идеологи заявляют, что «немецкий социализм» отнюдь не является какой-нибудь формой хозяйства. Всякий, кто думает, говорят фашисты, что осуществление социализма имеет хоть какое-нибудь отношение к экономике, тот — марксист и должен быть уничтожен. Чтобы отвлечь трудящихся от осознания ими своего рабочего положения, фашисты заявляют, что интересоваться вопросами хозяйственного положения это значит... быть в плену у капиталистического мышления.

По словам фашистских мракобесов, капитализм, так же как и социализм, надо понимать духовно. Суть капитализма будто заключается не в эксплуатации рабочих капиталистами, а в специфическом — либерально-капиталистическом, индивидуалистическом, материалистическом — духе, находящем свое выражение в принципе: «личные интересы выше общих». Точно так же суть «социализма» заключается якобы не в уничтожении эксплуатации человека человеком, а в особом идеалистическом духе, который ставит «общие интересы выше личных». Так фашисты превращают капитализм и социализм в нечто нематериальное, духовное, чтобы иметь возможность приклеить капиталистической эксплуатации социалистический ярлык. Нонненбрух, например, вещает, что хозяйство «Третьей империи» якобы подчинено народу и принадлежит ему. В чем же проявляется эта мифическая

принадлежность хозяйства немецкому народу, изнывающему под ярмом неслыханной эксплуатации? Оказывается, что «принадлежность хозяйства народу является не материальным, а духовным фактом»¹. Итак, материальное, или реальное, господство над хозяйством принадлежит капиталистам, народу же предоставляется духовное обладание, т. е. только иллюзия обладания.

Фашистские борзописцы клянутся, что в «Третьей империи» якобы господствует «новый дух», ничего общего не имеющий с капиталистическим духом. «Мы все знаем,— писал в 1934 г. руководитель пресловутого «трудового фронта» Лей,— как два года назад понятие «предприниматель» было для рабочих равносильно понятию «эксплуататор». Теперь, по Лейю, дух в предприятиях стал другим. В чем выражается эта метаморфоза? Оказывается, тысячи предпринимателей якобы увеличили «отпуска» рабочим. Лей благоразумно умалчивает о том, что «отпуска» предоставляются без сохранения содержания и только в тех случаях, когда предприятие не имеет заказов. Если предприниматели уволят еще большее количество рабочих в бессрочный и неоплачиваемый «отпуск», это будет, очевидно, еще большим торжеством «нового духа».

В истории было много наглых попыток обмануть рабочих, но еще никто не доходил до такого цинизма, чтобы безработицу выдавать за высшее проявление социалистического духа.

Однако и это еще не предел демагогической наглости фашизма. Даже фашистскую полицию, эту свору бандитов, убийц, палачей, Гитлер называет «социалистическим институтом». Завершающий итог фашистского «немецкого социализма» — это застенки.

Спекулируя на тяге трудящихся к социализму, фашисты демагогически кричат о «праве на труд». Этот лозунг они стремятся прежде всего использовать в целях своей шовинистической империалистической агитации. Так, например, Бернгард Келлер заявляет, что «право на труд» каждого добропорядочного немца будет осуществлено лишь тогда, когда удастся реализовать «право на труд» для всего немецкого народа. А для этого требуется прежде всего пространство, т. е. захват новых территорий. «Право на труд»,— пишет Келлер,— заключает в себе необходимое требование пространства для народа»².

Фашисты стараются представить как осуществление лозунга «право на труд» сокращение официальных цифр о размерах безработицы. Нужно, однако, отметить, что «сокращение» безработицы в «Третьей империи» было достигнуто в значительной мере путем переключения части безработных на принудительные работы военного характера, оплачиваемые грошами.

Характерно, что положение занятых рабочих мало отличается от положения безработных. «Мы вдруг заметили,— заявил Шахт на собрании промышленников центральной Германии,— что вовсе нет такой ужасной разницы, когда рабочему предоставляют работу или когда платят ему пособие по безработице («Berliner Börsenzeitung», 30 октября 1934 г.). К голодному существованию безработных фашистское «право на труд» прибавляет еще каторжную работу. Система принудительных работ в «Третьей империи» вызывает открытое возмущение рабочего класса Германии. Так, например, в июле-августе 1938 г., когда рабочих стали перебрасывать, по приказу Гёринга, из промышленных центров на фортификационные работы, начались открытые протесты. Дело доходило до того, что рабочие после сигнала об отправлении поездов поворачивали ручки тормозов, жены

¹ Nonnenbruch, Die wirtschaftliche Dynamik, S. 9.

² «Die Deutsche Volkswirtschaft», 1937, № 1, S. 34.

ложились на рельсы и т. д. Геринг оправдывал систему принудительных работ отсутствием у Германии колоний, из которых можно было бы привозить цветных рабочих для фортификационных работ.

Фашистское «право на труд» есть жестокое издевательство над рабочим классом. Как это всегда бывает с фашистскими демагогами, так и в данном случае нагло демагогические фразы чередуются у них с самой циничной откровенностью. Так, Бернгард Келлер, председатель хозяйственной комиссии при фашистском партийном руководстве, прямо заявляет, что целью фашистского законодательства о «праве на труд» является вовсе не обеспечение существования всем трудящимся, а обеспечение отбора лучших в порядке жестокой конкуренции. Это значит, что за исключением немногих «лучших» (очевидно тех, кто обнаружил погромные способности), никто не может претендовать на получение работы.

Право на труд несовместимо с господством капиталистических производственных отношений. Маркс отметил, что в действительности «право на труд означает власть над капиталом, а власть над капиталом означает экспроприацию средств производства, подчинение их ассоциированному рабочему классу, стало быть — уничтожение наемного труда и капитала и их взаимоотношения»¹.

Гениальное учение Маркса как нельзя ярче подтверждается фактами. Действительное право на труд осуществлено лишь в СССР — единственной в мире стране социализма. Оно обеспечивается «социалистической организацией народного хозяйства, неуклонным ростом производительных сил советского общества, устранением возможности хозяйственных кризисов и ликвидацией безработицы» (ст. 118 Конституции СССР).

Фашисты стараются заглушить классовое самосознание рабочих. В этих целях они всячески восхваляют дух послушания и военной дисциплины, стараются окружить ореолом святости наиболее бесправное существо в капиталистическом мире — солдата империалистических армий. «Будьте как солдаты», — призывают рабочих фашисты.

Этой же задаче служит трактовка фашистами предпринимателя как «вождя», а рабочих — как его «дружину» или «свиту» (Gefolge). Все эти демагогические измышления нужны фашистам для того, чтобы «показать» отсутствие классовых противоречий между рабочими и капиталистами. Это учение нужно фашистам для того, чтобы внушить рабочему, что он не может и не должен бороться за увеличение своей нищенской заработной платы. Под заработной платой, по словам Ляя, нужно понимать не только и не столько материальное вознаграждение, сколько моральное удовлетворение работающего. На этом «моральном удовлетворении» магнаты финансового капитала наживают миллионы вполне материальной прибыли.

Фашистские демагоги распускают легенду о том, что в гитлеровской Германии рабочие являются совладельцами средств производства. С исключительным цинизмом эта басня развивается в официальном документе — в фашистском законе о труде, изданном в январе 1934 г. «Предприниматели и рабочие, — гласит этот закон, — составляют единое целое. Рабочая сила человека не есть товар, который можно купить, машина или рабочее место принадлежит рабочему, работающему с машиной, точно так же, как предпринимателю, который имеет на машину и рабочее место право собственности по гражданским законам»¹.

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 33—34.

¹ «Frankfurter Zeitung», 19/1 1934 г.

Нет нужды опровергать эту демагогическую ложь. На деле машины в Германии принадлежат рабочему в такой же мере, как каторжнику его кандалы. Лучшим опровержением этих измышлений является собственная практика фашизма. Не в меру ретивые его идеологи старались представить дело так, будто в «Третьей империи» выполненные функции «вождя» предприятия (проще говоря, предпринимателя) не зависят от обладания капиталом, а основываются только на личных способностях предпринимателя. Для того, чтобы кое-кто из фашистских чиновников не принял всерьез все эти демагогические измышления, гитлеровское правительство 20 января 1936 г. опубликовало пояснение к фашистскому закону 1934 г. о труде. В этом пояснении сказано: «владелец предприятия в то же время является вождем дружины. Тот факт, что он является владельцем предприятия, что предприятие принадлежит ему, уже само по себе определяет его как вождя, следовательно, он является, если угодно, вождем от рождения». Комментарии излишни.

Демагогия о «немецком социализме» уживается с самой ревностной защитой частной собственности. Создавая видимость «борьбы» против капитализма, фашисты в то же время отстаивают священный характер и незыблемость основы капиталистического производства — частной собственности на средства производства.

Идеологи фашизма стараются доказать, что существует особое германское понимание частной собственности, согласно которому последняя базируется на труде. Иными словами, капиталистическую собственность они жульнически рисуют в виде собственности производителя на продукты своего труда, стараясь разорвать связь, существующую между капитализмом и частной собственностью. Капитализм, — заявляет Кляггес в своей книге «Reichtum und Soziale Gerechtigkeit», — не является определенным строем владения, определенной системой собственности.

Вся эта, с позволения сказать, аргументация преследует только одну цель — показать несправедливость и неразумность экспроприации средств производства у капиталистов. Для того, чтобы окончательно «посрамить» идею экспроприации частной собственности, Федер провозглашает ее... еврейской идеей.

Фашисты также всячески отстаивают необходимость и правомерность капитала. «Враждебное отношение к капиталу есть бессмыслица, — заявляет Нонненбрух, — прошлый труд, а это есть капитал, всегда является благом»¹. Чтобы «отстоять» капитал, фашисты широко используют вульгарное определение капитала как средств производства. «Заступ огородника, — говорит Шахт (доклад в Кильском институте мирового хозяйства, 1934 г.), — плуг крестьянина ...и золото богатого человека, все это — капитал, приумножающий доход».

Характерны рассуждения Бернгарда Келлера. Он начинает с того, что труд — это хорошее нравственное занятие. Немедленно вслед за этим он делает сальтомортале: если труд нравственен, тогда и результат этого труда не может явиться плохим и безнравственным. А отсюда знаменательный вывод: «капитал сам по себе не включает в себе ничего безнравственного. Он может стать безнравственным лишь тогда, когда им злоупотребляют. Нужно устранять не капитал, а злоупотребления им».

Конечно, те финансовые магнаты, чье беспримерное хищничество Бернгард Келлер защищает с изворотливостью испытанного провокатора, такими «злоупотреблениями» не занимаются, в этом фашистский «теоретик» готов поручиться.

¹ Nonnenbruch, Die dynamische Wirtschaft, S. 71.

Лихорадочная подготовка к войне, проводимая германским фашизмом, привела уже к истощению германского хозяйства. Этот факт вынуждены признать даже фашистские чиновники. Так, например, в нашумевшем в начале 1939 г. докладе Бринкмана (бывшего статс-секретаря министерства хозяйства, ныне устраненного в связи с его докладом в Кельне на узком совещании фашистских руководителей перед захватом Чехо-Словакии) дается следующая оценка экономического положения фашистской Германии: «На трех столпах держится экономика страны — на рабочей силе, на сырье и на капитале. Все эти три источника в нашей стране совершенно истощены».

Вся тяжесть, связанная с экономическим истощением Германии, падает на трудящихся Германии. Но фашистский Молох не удовлетворяется жертвами, принесенными трудящимися. Он требует новых жертв. Задача фашистской демагогии о «немецком социализме» — готовить сознание масс к новым жертвам во имя подготовляемых новых крупных империалистических агрессий. Фашизм стремится окружить ореолом святости военщину, для того чтобы привить населению милитаристическую отраву; он пытается создать у трудящихся веру в то, что в самой фашистской Германии классовые противоречия ликвидированы, что единственным источником бедствий, переживаемых трудящимися «Третьей империи», является якобы недостаток «пространства». Чтобы отвлечь массы от вопиющих контрастов между нищенским положением масс и огромным ростом прибылей кучки монополистов, фашизм поддерживает легенду о том, что хозяйственные отношения имеют второстепенное значение для жизненных судеб народа. Дело, мол, не в том, кто является собственником средств производства, а в том, какой «дух» господствует в обществе.

Пресловутый «немецкий социализм» может быть охарактеризован как «прусско-солдатский социализм». Не кто иной, как Геббельс, охарактеризовал немецкий социализм как пруссачество, т. е. наиболее концентрированное выражение духа военной касты.

Нонненбруху, Лею и другим фашистским бонзам вторит Зомбарт, попытавшийся на склоне своих лет в книге «Немецкий социализм» подвести «теоретическую базу» под практику фашизма. Клевета на немецкий народ, Зомбарт указывает, что немцы якобы не знают большей радости, как слушать ясную и резкую команду, что они никогда не выходят и не способны выйти за рамки легальности, лояльности к существующему правительству¹.

История немецкого народа дает достаточный материал для опровержения клеветы Зомбарта. Достаточно напомнить великую крестьянскую войну 1525 г., революцию 1848 г., восстание спартаковцев в 1919 г., восстание в Гамбурге в 1923 г., героическую борьбу против фашизма германской коммунистической партии, загнанной в подполье, чтобы получить представление о революционных традициях великого немецкого народа.

* * *

Противоречие между мнимым «уничтожением» капитализма в речах и писаниях германских фашистских демагогов и его полновластным господством в реальной действительности совершенно очевидно. В национал-«социализме», как отметил товарищ Сталин, в докладе на XVII партсъезде, «...при самом тщательном рассмотрении невозможно обнаружить... даже атома социализма»². В беседе с Говардом

¹ W. Sombart, Deutscher Sozialismus, S. 212—213, 292.

² Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 545.

товарищ Сталин еще раз вернулся к этому вопросу: «Наше советское общество является социалистическим, потому что частная собственность на фабрики, заводы, землю, банки, транспортные средства у нас отменена и заменена общественной собственностью... Основой этого общества является общественная собственность: государственная, т. е. всенародная, а также кооперативно-колхозная собственность. Ни итальянский фашизм, ни германский национал-«социализм» ничего общего с таким обществом не имеют. Прежде всего, потому, что частная собственность на фабрики и заводы, на землю, банки, транспорт и т. д. осталась там нетронутой и поэтому капитализм остается в Германии и Италии во всей силе»¹.

Все бесконечные разглагольствования фашистских демагогов о ликвидации в Германии капитализма, классов и классовых противоречий разлетаются в прах перед лицом неумолимых фактов капиталистической действительности. Фашистская Германия — ад для рабочего класса. Абсолютное и относительное обнищание германского рабочего класса резко возрастает. За годы фашистской диктатуры произошло значительное удлинение рабочего дня, снижение реальной заработной платы, увеличение интенсивности труда². С 1 января 1939 г. в Германии официально установлен 10-часовой рабочий день. На предприятиях, имеющих «особое значение», т. е. на предприятиях, связанных с подготовкой войны, разрешается удлинять рабочий день до 14 и 16 часов. По данным годовых отчетов германских фабричных инспекторов (отчеты изданы в начале 1938 г. германским министерством труда), 12-часовой рабочий день стал в «Третьей империи» обыденным явлением. При этом заработная плата настолько низка, что нередко сами рабочие отказываются от сокращения рабочего дня и требуют введения двух смен вместо трех³. Недавно Лей демагогически провозгласил, что 8-часовой рабочий день является «детисцем версальской системы».

В фашистской Германии также резко ухудшилось положение городской мелкой буржуазии и крестьянства. Наоборот, для монополистического капитала «немецкий социализм» означает бесконтрольное хозяйничанье и колоссальные прибыли. Об этой своеобразной «ликвидации» капитализма в «Третьей империи» весьма красноречиво повествуют балансы акционерных компаний.

Тов. Молотов в докладе на XVIII съезде ВКП(б) очень метко охарактеризовал все мероприятия «четырёхлеток». Они осуществляются «...во имя поддержания господства капитала, особенно во имя укрепления одной, с позволения сказать, «расы»; столь близкой сердцу фашистов «расы» финансового капитала. Зато «расе» трудящихся живется плохо при фашистских четырёхлетках⁴.

Рост прибылей капиталистического класса Германии неизбежно привлекает к себе внимание рабочих и подводит их к правильному пониманию классовой природы фашистского государства. В фашистской газете «Der Ruhrarbeiter», органе трудового фронта, было напечатано весьма любопытное письмо немецкого рабочего-горняка. Прочитав в газетах сообщение о том, что акционеры «Дейтше банк» получили дивиденд в размере 6%, рабочий пишет: «Это всякий раз ударяет рабочего в голову. Из этого сообщения становится совер-

¹ Беседа товарища Сталина с председателем американского газетного объединения «Скоинппс-Говард Ньюспейперс» г-ном Рой Говардом, 1936, стр. 17.

² См. ст. Фигурноза, Положение рабочего класса в фашистской Германии в журн. «Проблемы экономики» № 4 за 1938 г.

³ Deutschland-Information, Sondernummer: Das Elend des deutschen Arbeiters unter dem Nationalsozialismus, S. 11—15.

⁴ Молотов, Третий пятилетний план развития народного хозяйства СССР. Доклад и заключительное слово на XVIII съезде ВКП(б), стр. 50.

шенно очевидным, что чем больше бедный народ работает, тем выше растут проценты акционеров»¹.

Таким образом, «...контраст между антикапиталистической демагогией фашизма и политикой самого грабительского обогащения монополистической буржуазии облегчает разоблачение классовой сущности фашизма и ведет к расшатыванию и сужению его массовой базы»².

Тот факт, что германский фашизм для обмана масс вынужден применять в таких широких размерах антикапиталистическую демагогию и социалистическую фразеологию, свидетельствует об огромной остроте внутренних противоречий «Третьей империи», о большой неустойчивости фашистского режима.

Германский фашизм чувствует неустойчивость своего положения и пытается отвлечь нарастающее возмущение масс крайними демагогическими средствами и чудовищными погромами. Все это лишний раз подчеркивает, что «фашизм — свирепая, но непрочная власть»³.

¹ Цит. по статье К. Функ, Rundschau über Politik, Wirtschaft und Arbeiterbewegung, 1938, № 34, S. 1147.

² Д и м и т р о в, Наступление фашизма и задачи Коммунистического Интернационала в борьбе за единство рабочего класса против фашизма, 1935, стр. 25.

³ Там же.

Проф. Д. ЧЕРНОМОРДИК

Социалистическая индустриализация— генеральная линия партии¹

В 1926 г. «...наша страна вступила в новый период нэпа, в новый период новой экономической политики, в период прямой индустриализации». В докладе об апрельском пленуме ЦК 1926 г. товарищ Сталин подчеркнул это как основной факт, определяющий политику партии.

В первые годы нэпа приходилось прежде всего восстанавливать старые предприятия, развивать главным образом легкую индустрию при отсутствии широко развитого мощного машиностроения, вооруженного современной техникой. После нескольких лет работы по восстановлению промышленности XIV съезд партии подвел итоги и поставил задачу индустриализации как лозунг дня, как очередное практическое дело, которое должно было уже с 1926 г. претворяться в жизнь. Товарищ Сталин говорил: «Дело это будет сопряжено с большими трудностями, придется при этом пережить тяжелые испытания, но индустриализацию нашей страны без кредитов извне мы все же можем провести, несмотря на все эти затруднения»².

Главная трудность заключалась в том, что строительство новой индустриальной базы требовало многомиллионных капитальных вложений, что оно развертывалось в обстановке враждебного капиталистического окружения и яростной борьбы право-троцкистско-зиновьевского оппозиционного блока против партии. Одной из задач социалистической индустриализации страны явилось обеспечение экономической самостоятельности, хозяйственной независимости нашей страны от капиталистического мира. Необходимо было добиться, чтобы СССР сам производил нужные ему машины и оборудование. Подъем одной легкой или преимущественно легкой промышленности не разрешил бы этой задачи, не вывел бы нашу страну на путь самостоятельного хозяйственного развития.

Товарищ Сталин неоднократно разъяснял основную суть социалистической индустриализации в стране пролетарской диктатуры. «Не всякое развитие промышленности,—говорит товарищ Сталин,—представляет собой индустриализацию. Центр индустриализации, основа ее состоит в развитии тяжелой промышленности (топливо,

¹ От редакции: Публикуемые в этом разделе (начиная с № 6 за 1938 г.) материалы представляют собой отдельные главы из коллективной работы «Развитие советской экономики», подготовленной к печати Институтом экономики Академии наук. Авторы статей в № 6 за 1938 г.: И. Б р о в е р — «Хозяйство России в период империалистической войны», М. С а в е л ь е в — «Хозяйственная разруха перед Октябрем и экономическая платформа партии большевиков», И. М и х е е в — «Первый период советской власти и ленинский план социалистического строительства»; в № 1 за 1939 г.: И. М и х е е в — «Экономика и экономическая политика советской власти в годы гражданской войны», И. А н ч и ш к и н — «Экономическое положение страны после гражданской войны и переход к новой экономической политике», в № 2: Э. Л о к ш и н — «Промышленность в борьбе за завершение технической реконструкции народного хозяйства», А. А р у т и н я н — «Экономическая основа СССР».

² Сталин, Вопросы и ответы. Речь в Свердловском университете 9 июня 1925 г., Изд. Коммунистического ун-та им. Я. М. Свердлова, 1925, стр. 36.

металл и т. п.), в развитии, в конце концов, производства средств производства, в развитии своего собственного машиностроения»¹.

В самой тяжелой индустрии основное звено — металлическая отрасль, особенно машиностроение, этот «...основной рычаг реконструкции народного хозяйства»².

На протяжении 1925 и 1926 гг. товарищ Сталин особенно много внимания уделял разъяснению роли тяжелой индустрии и прежде всего металлической как «основной пружины» всей индустрии, как основной базы, без которой невозможно развитие ни легкой промышленности, ни транспорта, ни электрификации, ни сельского хозяйства. Необходимо было построить заново ряд отраслей индустрии, создать новую оборонную промышленность, дать новую технику сельскому хозяйству.

«В чем состоит основной плюс социалистического метода индустриализации? В том, что он ведет к единству интересов индустриализации и интересов основных масс трудящихся слоев населения, в том, что он ведет не к обнищанию миллионных масс, а к улучшению материального положения этих масс, не к обострению внутренних противоречий, а к их сглаживанию и разрешению, в том, что он неуклонно расширяет внутренний рынок и подымает емкость этого рынка, создавая, таким образом, прочную внутреннюю базу для развертывания индустриализации.

Отсюда прямая заинтересованность основных масс крестьянства в социалистических путях индустриализации»³.

Социалистическая индустриализация предполагает и требует теснейшей связи промышленности с сельским хозяйством, с основной массой крестьянства. Несмотря на то, что, начиная с 1926 г., центр тяжести переместился в сторону развертывания индустрии, требование теснейшей связи между индустрией и сельским хозяйством оставалось незыблемым. Больше того, эта связь приобретала все более важное значение для развития социалистической индустрии. Растущая промышленность должна иметь прочную базу для развития, рынок для сбыта своей продукции, отличающийся большой емкостью и способностью к безграничному расширению. Таким рынком для единственной страны пролетарской диктатуры может быть только внутренний рынок, в котором решающую роль играют многомиллионные массы крестьянского населения.

Когда в годы восстановления речь шла о крестьянском рынке, имелось в виду по преимуществу личное потребление крестьян, поглощение деревенским рынком предметов широкого потребления — мануфактуры, обувно-кожевенных и других изделий. Промышленность мало давала в те годы сельскому хозяйству для подъема, а тем более обновления и перестройки производства на современных технических началах. С переходом к политике индустриализации связь между индустрией и сельским хозяйством углублялась и расширялась также в другом направлении. Развивалась новая форма смычки — производственная. Индустрия, тяжелая промышленность, производящая оборудование, металл, химические удобрения, электротехнику, должна была стать базой для коренного переворота в технике и экономике крестьянского хозяйства. Только такая тесная, всесторонняя связь промышленности с сель-

¹ Сталин, О хозяйственном положении Советского Союза. Доклад активу Ленинградской организации о работе пленума ЦК ВКП(б) 13 апреля 1926 г., Партиздат, 1937, стр. 6.

² Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 556.

³ Сталин, О социал-демократическом уклоне в нашей партии. Доклад, заключительное слово на XV конференции ВКП(б), Гиз, 1927, стр. 68.

ским хозяйством, а, следовательно, рабочего класса с крестьянством обеспечивала неуклонное и быстрое осуществление курса на индустриализацию.

Социалистическая индустриализация наложила отпечаток на все стороны народного хозяйства и определила постановку всех важнейших экономических задач периода 1926—1929 гг. Развитие индустрии, особенно тяжелой, было центральной народнохозяйственной задачей того периода.

Важнейшей вехой этого периода является XV съезд партии, происходивший в декабре 1927 г.

В 1926 и 1927 гг., до XV съезда ВКП(б), троцкисты выступали открыто против партии. Борясь против генеральной линии партии, троцкисты пытались навязать непосильные для того времени размеры капитальных вложений в промышленность за счет крайне тяжелого налогового нажима на крестьянство и непомерного повышения цен на промышленные товары. Эта политика троцкистов означала на деле разрыв союза рабочего класса с крестьянством, срыв социалистической индустриализации и реставрацию капитализма в СССР.

«На словах, т. е. в платформе, они высказывались за политику индустриализации и даже обвиняли ЦК в том, что он ведет индустриализацию недостаточно быстрым темпом, а на деле они охаживали решение партии о победе социализма в СССР, издевались над политикой социалистической индустриализации, требовали сдачи иностранцам в концессию целого ряда заводов и фабрик, возлагали главные свои надежды на иностранные капиталистические концессии в СССР»¹.

Категорически отвергнув троцкистскую линию, партия твердо взяла курс на снижение цен как условие широчайшего развития индустриализации СССР. Средства же для индустриализации партия искала и нашла во внутренних накоплениях самой промышленности, в государственном бюджете и в режиме экономии.

Подрывная работа троцкистов не была случайной. Она была связана с происками мировой империалистической буржуазии, с угрозой войны, военной провокации против СССР, реально вырисовавшейся в 1926—1927 гг. Нападение на советское полпредство в Пекине, убийство советского полпреда т. Войкова в Варшаве, нападение на Аркос (советскую торговую организацию) в Лондоне с целью разрыва дипломатических отношений Англии с СССР — все это были грозные предвестники и симптомы готовящейся провокационной войны против СССР. И вот в это время Троцкий предательски выступил с самой разнузданной борьбой против партии, против ее генеральной линии на индустриализацию.

«Платформа» троцкистской оппозиции была платформой гибели революции. В речи на XVI Московской губернской партконференции товарищ Сталин охарактеризовал антипартийную, предательскую работу троцкистов. «Дальше некуда идти, товарищи, ибо перейдены все пределы допустимого в партии. Нельзя больше болтаться в двух партиях одновременно, и в старой, ленинской партии, которая есть единая и единственная партия, и в новой, троцкистской партии. Надо выбрать между этими двумя партиями. Либо оппозиция сама уничтожит эту вторую, троцкистскую партию..., либо оппозиция этого не сделает,— и тогда мы сами уничтожим троцкистскую партию без остатка. Либо одно, либо другое. Либо

¹ История ВКП(б), стр. 271.

оппозиционеры пойдут на этот необходимый шаг, либо они не сделают этого, и тогда — они вылетят вон из партии»¹.

7 ноября 1927 г. троцкисты безуспешно пытались организовать свою параллельную демонстрацию, направленную против партии. Эта жалкая попытка позорно провалилась. Стало ясно, что троцкисты и зиновьевцы встали на путь подрыва большевистской партии и Советской власти, скатившись в антисоветское болото. 14 ноября 1927 г. объединенным заседанием ЦК и ЦКК ВКП(б) Троцкий и Зиновьев были исключены из партии. Антипартийный блок троцкистов и зиновьевцев был разбит наголову.

Разгром контрреволюционного троцкизма был необходим для победного хода социалистической индустриализации, для сохранения и укрепления дружественной связи между городом и деревней, рабочими и крестьянами, индустрией и сельским хозяйством. Для защиты индустриализации главные удары приходилось направлять против троцкистов.

На XV съезде партии были подведены итоги социалистического строительства и сформулированы дальнейшие задачи, диктуемые интересами построения социализма. По отчетному докладу товарища Сталина XV съезд «поручает ЦК продолжать неослабным темпом политику социалистической индустриализации, уже принесшей свои первые положительные результаты»².

Успехи социалистической индустриализации сказались в том, что общий рост народного хозяйства происходил при увеличении удельного веса промышленности по отношению к сельскому хозяйству и росте социалистических форм хозяйства в самой промышленности за счет уменьшения частного сектора. Промышленность и сельское хозяйство по размерам валовой продукции превысили довоенный уровень. Удельный вес промышленности в продукции всего народного хозяйства составил в 1927 г. 42%, между тем как в 1925 г. он не поднимался выше 1/3. Из всей продукции промышленности в 1924/25 г. социалистический сектор давал 81%, а в 1926/27 г. — 86%, т. е. удельный вес частного сектора упал с 19 до 14%. Главные позиции частного сектора занимал в мелкой промышленности, где удельный вес его снижался при известном росте абсолютных размеров продукции. В крупной же (цензовой) промышленности наряду со снижением удельного веса частного сектора — с 3,9% в 1924/25 г. до 2,4% в 1926/27 г. — сократился и абсолютный размер его продукции — со 169 млн. довоенных рублей в 1924/25 г. до 165 млн. довоенных рублей в 1926/27 г. В условиях, когда восстановительный процесс был закончен и промышленность стояла перед трудностями реконструкции, крупная социалистическая промышленность в 1927 г. дала прирост на 18%. Быстро развивался процесс вытеснения частного сектора из торговли. Доля его в розничной торговле снизилась с 42% в 1924/25 г. до 32% в 1926/27 г., а в оптовой торговле она составляла только 5%.

XV съезд партии потребовал более решительного развертывания социалистического наступления на капиталистические элементы. По отчетному докладу товарища Сталина XV съезд постановил: «...по отношению к возросшим в своей абсолютной массе, — хотя и в гораздо меньшей степени, чем социалистический сектор хозяйства, — элементам частно-капиталистического хозяйства должна и может

¹ Сталин, Партия и оппозиция. Речь на XVI Московской губернской партконференции 23 ноября 1927 г., Гиз, 1928, стр. 26—27.

² ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, Партиздат, 1936, ч. II, стр. 230.

быть применена политика еще более решительного хозяйственного вытеснения»¹.

К концу 1927 г. появились новые обстоятельства, характеризовавшие отношения между СССР и капиталистическими странами. Резко обострились международные отношения. Обнаружились тенденции к сокращению исторического срока мирной «передышки». В связи с этим проблема темпов, стоявшая в качестве важнейшей задачи и раньше, приобрела ко времени XV съезда особую остроту. Нужно было всемерно усиливать темпы индустриализации в виду новой международной обстановки. Сокращающаяся мирная «передышка» должна была быть максимально использована. Внешняя обстановка капиталистического окружения, чрезмерная отсталость сельского хозяйства при отсутствии собственной мощной индустрии обязывали развивать еще более высокими темпами индустриализацию, капитальное строительство. На ноябрьском пленуме ЦК в 1928 г. в речи «Об индустриализации страны и о правом уклоне в ВКП(б)» товарищ Сталин исчерпывающе показал, что внешние и внутренние условия СССР диктуют быстрый темп развития индустрии и ставят задачу — догнать и перегнать передовые в технико-экономическом отношении капиталистические страны.

Нужно было перестроить техническую и экономическую основу сельского хозяйства, обнаружившего к этому времени чрезмерное отставание вообще и кризис зернового хозяйства. А для этого надо было создать ряд новых отраслей промышленности (тракторостроение и др.) и максимально расширить работу старых отраслей, снабжавших сельское хозяйство средствами производства. Задача построения фундамента социалистического общества и необходимости обеспечения нашей обороноспособности и хозяйственной самостоятельности властно требовали быстрого внедрения новейшей техники, позволяющей догнать и обогнать передовые в технико-экономическом отношении капиталистические страны.

Меньшевики и троцкисты выдвинули лживую «теорию» затухающей кривой. Согласно этой «теории» высокие темпы развития якобы возможны только в восстановительный период; с переходом же к разрешению реконструктивных задач темпы развития промышленности должны резко снижаться. Действительность показала всю несостоятельность этой «теории». Уже в 1928 г. продукция промышленности выросла на 25%, а в 1929 г. — на 26% по сравнению с предыдущим годом. Это означало, что дело индустриализации стоит уже на твердом пути.

СССР успешно справился с проблемой накопления, с задачей изыскания средств внутри страны. Установка троцкистов на потухающую кривую капитальных вложений, установка, которая была направлена к срыву социалистической индустриализации и гибели революции, была побита жизнью, побита большевистской кривой непрерывного высокого роста капитального строительства, обеспечивающего создание мощной индустрии. За 4 года (1926—1929) Советская страна, едва вышедшая из разрухи и упадка, вложила в строительство индустрии миллиарды рублей. Это было крупнейшей победой советского хозяйства, которую товарищ Сталин отметил, подводя итоги 1928/29 г. в статье «Год великого перелома».

Одной из ближайших задач советской промышленности стала борьба за оснащение передовой техникой сельского хозяйства стра-

¹ ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, Партиздат, 1936, ч. II, стр. 230.

ны. В порядок дня был поставлен вопрос о социалистической реконструкции сельского хозяйства.

XV съезд вошел в историю большевистской партии как съезд коллективизации. Съезд указал: «В настоящий период задача объединения и преобразования мелких индивидуальных крестьянских хозяйств в крупные коллективы должна быть поставлена в качестве основной задачи партии в деревне»¹.

Распыленное, раздробленное мелкое крестьянское хозяйство с его примитивной техникой не могло поспевать за крупным производством социалистической промышленности, имевшим громадные преимущества. Мелкое крестьянское хозяйство могло осуществлять в лучшем случае только простое воспроизводство, в то время как в высококонцентрированной государственной промышленности быстрыми темпами происходило расширенное воспроизводство, накопление. Товарность мелкого бедняцкого и середняцкого хозяйства была очень невелика. Такие хозяйства продавали на сторону лишь 11% своей зерновой продукции. Выходом из такого положения должен был явиться переход от мелкого крестьянского хозяйства к крупному коллективному производству.

В капиталистических странах развитие крупного сельскохозяйственного производства ведет к росту кулачества, разорению массы крестьянства. В Советской стране, строящей социализм, этот путь — путь крупного капиталистического производства — был исключен. Он означал бы поражение социализма. Партия и Советское государство приняли путь развития и укрепления крупного социалистического сельского хозяйства.

Быстрый темп проникновения различных видов кооперации в деревню свидетельствовал о том, что крестьянство начало понимать значение объединений, коллективного сбыта, снабжения, что оно свыкалось с методами общественного ведения хозяйственных дел. Это было необходимой подготовкой для перехода в дальнейшем к общественной организации не только сбыта и снабжения, но и самого сельскохозяйственного производства. Именно поэтому лозунг XV съезда партии об усилении колхозного строительства стал осуществляться гораздо более быстрыми темпами, чем в предшествующие годы.

Абсолютные размеры колхозного движения оставались небольшими по сравнению с последующим процессом коллективизации, но темпы его роста сильно повысились. За один год (с I/VI 1927 г. по I/VI 1928 г.) было организовано больше колхозов, чем за все предыдущие 10 лет.

В росте коллективизации значительную роль сыграла новая форма связи между промышленностью и сельским хозяйством, новая форма смычки — контрактация. Это была в то же время и новая форма товарооборота между городом и деревней. Контрактация устанавливала непосредственную смычку между крестьянским хозяйством и различными отраслями государственной социалистической промышленности: сахарными заводами, текстильными фабриками. Эта смычка все больше приобретала производственный характер.

Значительных успехов достиг за годы социалистической индустриализации и транспорт. В 1913 г. железнодорожные перевозки грузов составляли 65,7 млрд. т/км. В 1925/26 г. довоенный уровень

¹ ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, Партиздат, 1936, ч. II, стр. 256.

был уже превышен: общий пробег грузов выразился в сумме 68,9 млрд. т/км; в 1929 г. он вырос до 112,9 млрд. т/км, т. е. на 64%.

Хуже обстояло дело с речным транспортом. Использование его было на низком уровне, хотя общий пробег всех грузов по внутренним водным путям увеличился на 40% — с 20,2 млрд. т/км в 1926 г. до 28,2 млрд. т/км в 1929 г. Довоенный уровень (37,2 млрд. т/км в 1913 г.) еще не был достигнут.

Транспорт запаздывал, отставал с переходом от восстановления к реконструкции и рационализации. XV съезд партии поставил задачей в области транспортного хозяйства такое расширение сети транспорта и улучшение его работы, которое удовлетворяло бы потребности растущего производства и товарооборота. Особенное внимание должно было быть обращено на водный транспорт, который слабо использовался при наличии перегрузки на железных дорогах. После XV съезда капитальные вложения в транспорт значительно увеличились. В 1925/26 г. они составляли 523 млн. руб., а в 1928 г. — 905 млн. руб.

Огромные сдвиги во всем народном хозяйстве СССР, происходившие в этот период, носили, конечно, не стихийный, а плановый характер. Они были подчинены единому руководству, единой цели — социалистической индустриализации. Руководство осуществляла большевистская партия во главе с ее вождем товарищем Сталиным. Сложность задач и обстановки, огромные масштабы растущего хозяйства, широкие перспективы дальнейшего роста требовали новых форм и методов планового руководства хозяйственными процессами.

Фронт плановой работы был ареной острой классовой борьбы. Представители отживающих классов, многие буржуазные специалисты, вредители, троцкисты, правые, сторонники буржуазной реставрации, часто связанные прямыми нитями с иностранными разведками, — все они вкупе выступали против организующей, направляющей роли плана как орудия в руках диктатуры рабочего класса. Все антипартийные, антисоветские элементы сходились на том, что план следует рассматривать только как прогноз, как предвидение стихийного хода хозяйственной жизни. Они отрицали действенный, директивный, направляющий характер плана. Рупором контрреволюционных элементов были бухаринцы, их установка сводилась к тому, чтобы задержать темпы индустриализации, приостановить развитие тяжелой индустрии. Бухаринцы предлагали равняться на узкие места. Они добивались сохранения во всей неприкосновенности дореволюционных пропорций хозяйства. Это означало сохранить унаследованную от царских времен отсталую экономику страны, ее зависимость от капиталистических государств, т. е. поставить под удар независимость страны строящегося социализма и открыть пути к реставрации капитализма в СССР. На этом основывалась вредительская «методология» планирования.

Большевистский план был направлен на преодоление узких мест. В то время как план капитального строительства 1928/29 г. превышал объем строительства 1927/28 г. на 24%, строительство в отраслях, производящих стройматериалы, увеличилось в том же году на 155%, т. е. в 2½ раза, в химической промышленности — на 98,5%, в лесной — на 55%, в черной металлургии — на 35,5%.

Таким образом рабочий класс не остановился перед трудностями, неизбежными во всяком большом деле, не спасовал перед узкими местами, а последовал совету товарища Сталина, который еще в тот период сказал: «...трудности существуют для большевиков не для

того, чтобы хныкать и плакаться, а для того, чтобы их преодолеть»¹.

Вредителям и контрреволюционерам не удалось сорвать плановую работу, превратить план в пустышку, выхолостить его революционное содержание. Несмотря на попытки вредительства, выражавшиеся в стремлении снизить темпы индустриализации, препятствовать росту колхозов и т. д., рассматриваемый период (1926—29 гг.) увенчался большим успехом в области плановой работы: в этот период был создан первый пятилетний план.

К этому периоду система плановых органов оформилась. Образовались госпланы республик, губернские и областные плановые комиссии. Большое внимание стали уделять синтетической работе, обобщению, налаживанию связей между отраслями, районами, подчинению всей текущей оперативной работы центральным целевым заданиям. Появляются «контрольные цифры» Госплана, представляющие наметки годовых народнохозяйственных планов.

Плановая работа расширялась и качественно улучшалась. Государством непосредственно планировались те отрасли народного хозяйства, которые целиком или в подавляющей части находились в руках государства и кооперативных организаций. Развитие сельского хозяйства, почти целиком состоявшего из индивидуальных крестьянских хозяйств (количество колхозов и совхозов было крайне незначительно), лишь косвенно регулировалось через налоговую систему, политику цен, снабжение, торговлю и т. д. Но вместе с общим развитием социалистического наступления усиливалось плановое регулирование сельского хозяйства Советским государством. Оно выражалось в том, что государственные и кооперативные организации овладели сбытом сельскохозяйственной продукции, в подавляющей части вытеснив частный капитал, и влияли на развитие сельского хозяйства установлением заготовительных цен. XV съезд партии предложил усилить все эти методы планового регулирования сельского хозяйства, проводя более решительное наступление на кулака и опираясь на растущую активность бедняцко-средняцких масс.

XV съезд вынес резолюцию «о директивах по составлению пятилетнего плана народного хозяйства», в которой партия дала исчерпывающие установки по всем основным вопросам социалистического строительства на ближайший период. XV съезд требовал положить в основу плана усиление производства средств производства, особенно развитие металлургии, электрификации, химии, машиностроения, топлива. Пятилетний план должен был предусмотреть снабжение деревни сельскохозяйственными машинами, и особенно тракторами, чтобы усилить коллективизацию сельского хозяйства.

Подготовка и окончательное утверждение первого пятилетнего плана означали подъем плановой работы на высшую ступень. От планирования на короткие отрезки времени, на квартал, на год, Советская власть перешла к систематическому перспективному планированию, к составлению развернутых планов всего народного хозяйства на длительный период. Прообразом такого перспективного плана был план Гоэрло 1920 г.

Наше хозяйство от восстановления перешло к большим задачам индустриализации, к широкому строительству, к подготовке и разработке великих проектов реконструкции страны. Это был грандиозный план перевооружения промышленности и сельского хозяйства

¹ Сталин, Партия и оппозиция. Речь на XVI Московской губернской партконференции 23 ноября 1927 г., Гиз, 1928, стр. 24.

СССР на основе современной техники. Весь предыдущий ход социалистического строительства подготовил условия для разработки и осуществления первого пятилетнего плана. Он был принят партией на XVI конференции в апреле 1929 г. Партия отвергла капитулянтскую установку правых оппортунистов, минимальный, так называемый «отправной» вариант пятилетки, защищавшийся ими, и утвердила оптимальный вариант, обеспечивший глубокую техническую реконструкцию хозяйства. По оптимальному варианту намечено было довести объем капитальных вложений в промышленность до 19 с половиной млрд. руб., в транспорт — 10 млрд. руб., в сельское хозяйство — 23,2 млрд. руб.

Основная задача первой пятилетки состояла в том, чтобы превратить СССР, на основе новой современной техники, из аграрной страны в мощную индустриальную независимую страну, способную перевооружить все отрасли народного хозяйства на базе социализма. На этой основе надо было обеспечить построение фундамента социалистической экономики, создать все необходимые технические и экономические предпосылки для максимального поднятия обороноспособности страны.

После XV съезда партии усиливается наступление социализма на капиталистические элементы и вытеснение последних. Обобщественная часть народного хозяйства СССР (государственная и кооперативная) быстро росла, вытесняя капиталистические элементы. В 1925/26 г. в руках частного торгового капитала было 42% розничного оборота, а в 1928/29 г. доля его сократилась до 16%. Из основных своих позиций частник был выбит. В крупной промышленности роль частного капитала была ничтожна: в 1925/26 г. он давал 4% продукции, а в 1928/29 г. — 0,9%.

В результате последовательно проводимой классовой налоговой политики повышения налоговых ставок значительная часть дохода частного торгового капитала поступала в советскую казну. В деревне происходило оживление работы Советов, возрастал отпор бедноты и батраков кулацкой эксплуатации. В то же время имело место и частичное нарастание классовых противоречий. Хотя удельный вес частного торгового капитала снижался, но обороты его вплоть до 1928 г. росли. Если в крупной промышленности доля частника была ничтожна, то в мелкой капиталистические элементы занимали еще значительное место. Государственные и кооперативные предприятия в мелкой промышленности давали в 1928/29 г. около 40% валовой продукции (в 1925/26 г. — меньше 20%). Большая часть лиц наемного труда в сельском хозяйстве эксплуатировалась в кулацких хозяйствах.

Таким образом наряду с быстрым укреплением экономических и политических позиций рабочего класса росла также хозяйственная и политическая активность классово-враждебных элементов — буржуазии и кулачества. Последние усиливали свое противодействие растущему социалистическому наступлению рабочего класса, пытались оказывать влияние на отсталые слои кустарей, ремесленников, крестьян, рабочих, на известные слои служащих и интеллигенции.

Однако методы борьбы буржуазных элементов против развивающегося социалистического наступления должны были измениться. Шахтинский процесс 1928 г. выявил и вскрыл эти новые методы подрывной работы, направленной к срыву социалистического строительства и разрушению советской системы.

На шахтинском процессе перед судом пролетарского государства предстала группа старой буржуазной технической интеллигенции, поставившая задачей путем вредительства сорвать работу и дальней-

шее развитие каменноугольной промышленности Донбасса, дезорганизовать и разрушить ее. Бессильные в своей злобе, эти наемные слуги капитализма, верхушечные слои инженеров и техников, поддерживали еще связь со старыми хозяевами шахт, получали от них из-за границы деньги и задания — наносить удары советскому хозяйству.

Вредительство шахтинцев выражалось в ненужных затратах средств, в неправильном использовании капитальных вложений, в ухудшении качества продукции, в повышении себестоимости и т. п. Вредители выводили из строя, затопляли, взрывали шахты с мощными пластами, которые могли давать сотни, тысячи и миллионы тонн угля. И, наоборот, они разрабатывали шахты с плохим углем. Вредители закупали за границей негодное, устарелое оборудование или пускали новейшее оборудование в таких условиях, при которых оно не могло быть использовано. Переоборудование шахт производилось так, что влекло за собой аварии, несчастные случаи. Ухудшение положения рабочих, запущенность жилищ, нарушение правил безопасности, обсчеты и оскорбления рабочих — все это входило в систему работы вредителей. Таким путем они стремились дезорганизовать промышленность, расстроив ее топливную базу, и подорвать обороноспособность СССР. Чем более безнадежным становилось положение буржуазных групп, борющихся против наступающего социализма, тем более яростно стремились они удержать свои позиции. В борьбе против социализма их поддерживало то обстоятельство, что за пределами СССР капитализм вступил в полосу стабилизации, которую они считали устойчивой и прочной. Потеряв надежды на буржуазное «перерождение» СССР, капиталистические элементы внутри нашей страны обратились за помощью к международному капиталу, сделали основную ставку на иностранную интервенцию. Бывшие российские капиталисты, которым служили шахтинские вредители, связаны были с разведками ряда капиталистических стран Западной Европы. Враги социалистической революции усилили скрытую подрывную вредительскую работу. Игги в открытую, выступать против линии партии и ее мероприятий, как это имело место в годы гражданской войны и иногда в первые годы нэпа, стало невозможным. Пользуясь тем, что хозяйственных кадров, овладевших техникой, тогда еще у нас не было, как не было в массовом масштабе и своей собственной производственно-технической интеллигенции, шахтинские вредители вступили на путь технического обмана наших хозяйственных руководителей, проявлявших излишнюю доверчивость.

Процесс шахтинских вредителей вскрыл много недостатков, без устранения которых нельзя было прочно поставить дело индустриализации. Прежде всего возник вопрос о воспитании новых хозяйственных кадров, стоящих на уровне революционных задач. Такие кадры могли быть созданы, как правило, из людей, выросших в рабочей и крестьянской среде. Нужно было создать новую производственно-техническую интеллигенцию, воспитанную и выросшую в советских условиях, свободную от буржуазных связей и традиций, несущую с собой пыл и энтузиазм нового социалистического строительства. Да и количественно старые инженерно-технические кадры не могли удовлетворить новых потребностей. Всемерно привлекая и используя основную часть старой интеллигенции, партия и Советская власть предприняли целую систему мероприятий для скорейшего создания новой, советской интеллигенции из рабочих и крестьян.

Основные выводы из шахтинского дела были таковы: хозяйственникам-коммунистам надо самим овладеть техникой производства,

чтобы их не могли обманывать вредители; в то же время необходимо улучшить подготовку кадров молодых специалистов в высших технических учебных заведениях.

Шахтинское вредительство поставило задачу дальнейшего коренного улучшения методов работы Советов, профсоюзов. Успешная борьба против вредительства предполагала активное участие в этой борьбе самих масс, создание условий, при которых самодеятельность, инициатива и активность трудящихся развивались бы наиболее широко. Развертывание самокритики, борьба против бюрократизма приобрели особо важное значение в связи с раскрытием шахтинского вредительства. Советы и профсоюзы должны были сыграть в этом отношении крупнейшую, первостепенную роль. Советы и профсоюзы это — приводные ремни от коммунистической партии, являющейся стержнем пролетарской диктатуры, к массам.

С 1925/26 г. партия приняла новые меры для дальнейшего оживления деятельности Советов. Это явилось крупным шагом вперед в развитии советского демократизма. После гражданской войны были успешно проведены две широкие кампании по выборам Советов: одна длилась с сентября 1925 по март 1926 г., другая — с января по март 1927 г. Они имели целью подорвать остатки политического влияния буржуазных элементов, проникавших в Советы, в аппарат, расширить и укрепить в деревне бедняцко-средняцкий актив, сплоченный вокруг большевистской партии.

В результате широких избирательных кампаний Советы сильно выросли, окрепли, политическая активность масс повысилась, буржуазные элементы оттеснились, уничтожались остатки их политического влияния. На этой основе особенное значение приобретала борьба за улучшение советского аппарата, борьба против бюрократизма. Широкое развитие самокритики было объективным результатом войны вредительским и бюрократическим элементам. На основе развернутой самокритики была проведена чистка государственного аппарата от чуждых, буржуазных, обюрократившихся элементов, наличие которых помогало вредителям.

Столь же важные задачи возникли и перед профсоюзами. В борьбе против бюрократизма профсоюзы должны были выполнять роль главного организатора масс. Развертывание социалистической индустриализации налагало новые серьезные обязанности на профсоюзы. Укрепление трудовой дисциплины, режим экономии, углубление работы производственных совещаний, вовлекавших рабочую массу в активное обсуждение вопросов хозяйственного строительства, — этим вопросам профсоюзы должны были уделять все больше внимания.

Шахтинское дело поставило перед профсоюзами такие неотложные задачи, как широкое выдвижение новых кадров, особенно из числа беспартийных активистов, и усиление участия профсоюзов в организации производства. И то и другое встретило решительное сопротивление со стороны правых во главе с Томским, орудовавшим тогда в профсоюзах. Чтобы выполнить свои новые задачи, возникшие в связи с развертыванием индустриализации и вскрытием вредительства «шахтинцев», профсоюзам необходимо было самим изменить методы работы, теснее связаться с партией, бороться против нарушений и извращений профсоюзной демократии.

Коммунистическая партия — авангард и руководитель рабочего класса и всех трудящихся СССР — со всей большевистской последовательностью сделала выводы из шахтинского процесса. Надо было освободиться от тех групп внутри партии, которые срослись с буржуазными элементами, с нэпманами, кулаками, которые стали в партии рупором буржуазной реставрации, прямыми идеологически-

ми защитниками вредителей, оппортунистов, контрреволюционеров. Центральный комитет ВКП(б) подготовил и провел в 1929 г. генеральную чистку партии.

В этот период наряду с троцкистами, ушедшими в подполье, развернули свою вражескую работу против партии правые во главе с группой Бухарина, Рыкова, Томского. Будучи агентурой кулацких слоев деревни и капиталистических элементов города, будучи вместе с тем — как это выяснилось уже значительно позже — и прямой наемной агентурой иностранных военных разведок, правые и троцкисты стремились сорвать развертывавшееся наступление социализма. Правые выдвинули якобы «теоретическую» платформу, целью которой было обоснование их контрреволюционной позиции. Прежде всего ими выдвинута была смехотворная, насквозь фальшивая контрреволюционная «теория» мирного вращающегося кулака в социализм.

Товарищ Сталин, давая оценку бухаринской «теории» вращающегося кулака в социализм, указал, что «она усыпляет рабочий класс, подрывает мобилизационную готовность революционных сил нашей страны, демобилизует рабочий класс и облегчает наступление капиталистических элементов против Советской власти»¹.

По всем без исключения решающим вопросам экономической политики и социалистического строительства правые реставраторы выступали против партии. Они отвергали строительство колхозов и совхозов, предлагая сохранить и увековечить отсталое мелкособственническое крестьянское хозяйство и дать полную свободу роста кулаку. По этим же причинам правые были против социалистической индустриализации как ключа к коренной перестройке сельского хозяйства, против развертывания капитального строительства. Они были против применения в 1928 г. во время хлебозаготовок чрезвычайных мер в отношении кулака, который объявил хлебную забастовку и не хотел добровольно продавать хлеб государству, предпочитая гнить зерно в ямах. В интересах кулака и в целях срыва политики индустриализации правые требовали повышения хлебных цен и даже ввоза хлеба из-за границы. Они были яростными противниками контрактации. Пятилетнему плану правые противопоставили рыковский двухлетний план, который фактически был планом срыва социалистической индустриализации. Правые, как и троцкисты, пророчествовали гибель Советской власти.

Выдвигая состряпанную Бухариным специально для предательских целей «теорию» потухания классовой борьбы при диктатуре пролетариата, правые хотели отвлечь партию и рабочий класс от социалистического наступления, ослабить этим рабочий класс, усыпить его бдительность, чтобы самим в это время заняться организацией контрреволюционных элементов в городе и деревне. На судебном процессе так называемого «право-троцкистского блока» в 1938 г. выяснено, что Рыков и другие уже в 1928 г. установили через своего агента-шпиона Чернова связь с контрреволюционной организацией заграничных меньшевиков и с германской разведкой.

Троцкистско-зиновьевский блок был разгромлен идейно и организационно. Все активные деятели этого антиленинского, антисоветского блока были исключены XV съездом из партии. После исключения они подавали заявления о разрыве с троцкизмом и возвращении в партию. Хотя партия и не могла еще тогда знать, что главы троцкизма давно уже ведут шпионскую, вражескую работу, однако, не доверяла им и требовала открытого осуждения ими троц-

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 258.

кизма и безусловного подчинения партии. Это способствовало расколу троцкистско-зиновьевских рядов и разоблачению вожаков как двурушников и обманщиков рабочего класса. Только впоследствии выяснилось, что одновременно они не прекращали своей вражеской деятельности, налаживали связи с иностранными разведками, а в ряде случаев являлись их давнишними агентами (Троцкий, Радек, Сокольников и др.). Заявления главарей троцкистско-зиновьевского блока были насквозь лживыми, двурушническими. Троцкизм перестал уже играть роль политического течения в рабочем классе.

Необходимость укрепления союза рабочих и крестьян в новых условиях стала ясна массам. Главной опасностью был правый уклон, стремившийся сорвать руководящую роль пролетариата в этом союзе и повернуть страну на путь капиталистической реставрации. «До перехода партии в наступление на кулачество, пока партия была занята ликвидацией троцкистско-зиновьевского блока, бухаринско-рыковская группа вела себя более или менее тихо, оставалась в резерве антипартийных сил, не решалась открыто поддерживать троцкистов, а иногда даже выступала совместно с партией против троцкистов. С переходом партии в наступление против кулачества, с применением чрезвычайных мер против кулачества, бухаринско-рыковская группа сбросила маску и стала открыто выступать против политики партии. Кулацкая душа бухаринско-рыковской группы не выдержала, и сторонники этой группы стали выступать уже открыто в защиту кулачества»¹.

Партия и рабочий класс отвергли право-уклонистскую платформу капиталистической реставрации. На VIII съезде профсоюзов были полностью разгромлены правооппортунистические элементы в профдвижении во главе с Томским. Ноябрьский (1929 г.) пленум ЦК ВКП(б) постановил «...признать пропаганду взглядов правого оппортунизма и примиренчества с ним несовместимой с пребыванием в рядах ВКП(б)»².

В непримиримой борьбе против троцкистских двурушников и бухаринских фракционеров партия успешно осуществляла социалистическую индустриализацию страны. Усилившееся после XV съезда партии наступление социализма на капиталистические элементы увенчалось успехом. 1929 год — год великого перелома — был первым годом успешного выполнения первой пятилетки. Прирост продукции промышленности за первый год пятилетки (1928/29) достиг 23,4% (при плане в 21,4%). Грузооборот вырос на 17,6% против 11,5% в предыдущем году, причем особенно увеличились перевозки строительных материалов — на 33%, чугуна и железа — на 23,4%. Посевная площадь колхозов расширилась за этот год в 3 раза — с 1,4 млн. га в 1927/28 г. до 4,3 млн. га в 1928/29 г. В то же время укрупнились и сами колхозы. Средний размер посевной площади на 1 колхоз повысился до 82 га против 54 га в 1927/28 г.

Вооруженный ленинско-сталинской теорией построения социализма в одной стране, рабочий класс увидел уже наглядно первые результаты индустриализации. Они воодушевляли на новые подвиги. Они будили новое сознание, новое отношение к труду. С огромным подъемом рабочие боролись за производительность социалистического труда, выполняя завет Ленина о социалистическом соревновании. Трудовой героизм рабочих масс и пафос строительства характеризовали новый трудовой подъем в стране строящегося социализма.

¹ История ВКП(б), стр. 280.

² ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, Партиздат, 1936, ч. II, стр. 375.

На фронте социалистического строительства произошел решительный перелом в области производительности труда. В 1928 г. производительность труда во всей крупной промышленности (средняя выработка на одного рабочего) повысилась по сравнению с предыдущим годом на 12,2⁰%, составив 4 764 руб. (в ценах 1926/27 г.). В 1929 г. она достигла 5 378 руб. (в ценах 1926/27 г.), т. е. увеличилась на 12,9⁰% к 1928 г.¹ Если проследить движение выработки за последние 5 кварталов данного периода (с 1/X 1926 г. по 1/I 1930 г.), по материалам выборочного обследования ЦУНХУ, охватившего 600 предприятий, то будет видна тенденция к непрерывному росту.

Динамика производительности труда по кварталам
(в % к среднегодовой за 1927/28 г.)²

	1927/28 г.	X—XII 1928 г.	I—III 1929 г.	IV—VI 1929 г.	VII—IX 1929 г.	X—XII 1929 г.
Натуральная выработка (по 600 предприятиям).	100	106,7	112,2	119,5	122,1	127,9

Какие факторы лежат в основе этого замечательного явления, неуклонного роста производительности труда, являющегося лучшим залогом победы социализма? Обновление технической базы сыграло значительную роль. Но оно еще не было настолько широким, чтобы его можно было считать решающим фактором. В 1928/29 г. продукция новых отраслей промышленности составляла только 8⁰/₁₀₀ всей промышленной продукции. Причины лежали в другом — в особенностях советской системы хозяйства, в социалистических производственных отношениях. Рабочий и крестьянин после Великой Октябрьской социалистической революции разогнули спину и стали пожинать сами плоды своих трудов.

В июне 1928 г. опубликовано было обращение ЦК ВКП(б) ко всем членам партии, ко всем рабочим о самокритике, а в мае 1929 г. — постановление ЦК ВКП(б) о социалистическом соревновании фабрик и заводов. Оба документа подняли волну трудового энтузиазма в рабочем классе и вызвали рост производительности труда. В обращении о самокритике Центральный Комитет писал, что дело реконструкции требует самого смелого и решительного вовлечения масс в социалистическое строительство, контроля со стороны масс над всем государственным и хозяйственным аппаратом, очищения его от негодных элементов. Чтобы превратить старую, нищую и безграмотную Россию в богатую и культурную социалистическую страну с первоклассной техникой, с общественным хозяйством в городе и деревне, с просвещенным, трезвым народом, рабочий класс должен направить оружие всеочищающей самокритики против врагов, саботажников, вредителей, против всякой гнили, распушенности, пьянства, подхалимства, невежества, чиновнического перерождения. «Лозунг самокритики — «невзирая на лица», критика сверху донизу и снизу доверху есть один из центральных лозунгов дня»³, — говорилось в обращении ЦК. Лозунг самокритики, борьбы против бюрократизма приобрел особенно большую актуальность в связи с шахтинским процессом (1928 г.) вредителей в каменноугольной промышленности.

¹ Молотов, На верном пути, «Правда» от 7/XI 1936 г., № 308.

² Народное хозяйство СССР. Статистический справочник 1932 г., стр. 16.

³ Савельев и Поскребышев, Директивы ВКП(б) по хозяйственным вопросам, Соцэкгиз, 1931, стр. 454.

Самокритика, так же как и социалистическое соревнование, двинули вперед производительность труда. В основе обоих этих явлений лежит социалистическое отношение к труду, к своей фабрике, к своему государству. В недрах рабочего класса выросла могучая сила социалистического соревнования, творческой инициативы, трудового энтузиазма, выросло стремление улучшить, очистить весь аппарат. Самокритика помогла преодолеть ряд больших трудностей, связанных со строительством тяжелой индустрии, с осуществлением быстрых темпов социалистической индустриализации. На многих предприятиях, в колхозах и совхозах рабочими и колхозниками перевыполнялись намеченные партией и правительством планы и выдвигались более широкие встречные планы.

1929 год был годом коренного поворота к социализму крестьянской массы, когда середняк пошел целыми селами и волостями в колхозы, когда коллективизация из лозунга для партии превратилась в лозунг масс. «Поворот крестьянства в сторону коллективизации начался не сразу. Он, этот поворот, и не мог начаться сразу. Правда, лозунг коллективизации был провозглашен партией еще на XV съезде. Но для массового поворота крестьянства в сторону социализма недостаточно еще провозглашения лозунга. Для поворота требуется, по крайней мере, еще одно обстоятельство, а именно, чтобы сами крестьянские массы убедились в правильности провозглашенного лозунга и приняли его как свой собственный лозунг»¹.

На протяжении ряда лет, особенно после XV съезда, этот поворот подготовлялся тщательно продуманной, планомерно руководимой системой мероприятий. Большую роль сыграли в этом отношении совхозы и МТС (машинно-тракторные станции, вооруженные тракторами и другими сельскохозяйственными машинами). «Крестьяне массами приходили в совхозы, в МТС, наблюдали за работой тракторов, сельхозмашин, выражали свой восторг и тут же выносили решение — «пойти в колхозы»². На этой основе начало разворачиваться массовое строительство колхозов.

В 1928 г. число крестьянских хозяйств, вошедших в колхозы, увеличивается по сравнению с 1927 г. в 2 раза, к 1/VI 1929 г. — в 2¹/₂ раза против 1928 г., к 1/X 1929 г., за 4 месяца опять в 2 раза. Процент коллективизации подымается за 2 года и 4 месяца с 0,8 до 7,6, т. е. увеличивается почти в 10 раз. Мощное движение крестьянских масс, стимулированное успешным ходом индустриализации и всей политикой партии в деревне, развивалось бурными темпами. Особенно быстрым был рост коллективизации в основных зерновых районах:

Процент крестьянских хозяйств в колхозах

	На 1/VI 1927 г.	На 1/X 1929 г.
Северный Кавказ	1,6	19,0
Нижняя Волга	1,6	18,3
Степная полоса Украины	1,6	46,0

Посевная площадь колхозов, составлявшая в 1928 г. 1 390 тыс. гектаров, достигла в 1929 г. 4 262 тыс. гектаров. Произошла коренная перестройка мелкого отсталого индивидуального хозяйства в крупное коллективное производство. Это было начало массового колхозного движения.

«В чем состоит новое в нынешнем колхозном движении?» — спрашивал товарищ Сталин в своей статье «Год великого перелома». И отвечал: «Новое и решающее в нынешнем колхозном движении

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 373.

² История ВКП(б), стр. 284.

состоит в том, что в колхозы идут крестьяне не отдельными группами, как это имело место раньше, а целыми селами, волостями, районами, даже округами. А что это значит? Это значит, что в колхозы пошел середняк. В этом основа того коренного перелома в развитии сельского хозяйства, который составляет важнейшее достижение Советской власти...»¹.

1929 год товарищ Сталин назвал годом великого перелома. Этот год прошел под знаком разрешения трех узловых задач большого решающего значения. Разрешена была в основном проблема накопления внутренних средств для строительства индустрии. Неуклонно росла производительность труда на основе могучего движения социалистического соревнования и ударничества. В результате упорной, систематической подготовки произошел поворот в колхозы основной массы крестьянства — середняка.

Большевистская партия разбила ставку буржуазных реставраторов, предателей и шпионов из право-троцкистско-зиновьевского лагеря на частный капитал, на кулака, на иностранный концессионный капитал. Социализм рос и укреплялся, удельный вес социалистического сектора в промышленности, товарообороте, в сельском хозяйстве увеличивался нарастающими темпами. Поворот середняка в колхозы поставил на очередь дня возможность последующего перехода к сплошной коллективизации.

В выступлении на конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 г. товарищ Сталин показал, что развертывание наступления на капиталистические элементы по всему фронту позволило перейти от политики ограничения и вытеснения капиталистических элементов в деревне к новой политике — политике ликвидации кулачества как класса. Благодаря строительству колхозов и совхозов, росту их посевных площадей социалистический сектор сельского хозяйства стал давать товарного хлеба больше, чем кулаки. Создана была экономическая база для замены кулацкого производства хлеба социалистическим.

Товарищ Сталин разгромил буржуазно-реставраторскую бухаринскую «теорию» равновесия, утверждавшую, что социалистический сектор народного хозяйства может развиваться мирно и параллельно с другими секторами — мелкотоварным хозяйством и капиталистическим укладом. Товарищ Сталин подверг также уничтожающей критике другую бухаринскую «теорию», утверждавшую, что деревня с ее мелкотоварным крестьянским хозяйством, стихийно и неизбежно рождающим капиталистические элементы, может пойти за социалистической промышленностью, за пролетарским городом в порядке самотека. Эти бухаринские «теории» равновесия и самотека вооружали кулачество и капиталистические элементы вообще для борьбы против социализма.

Наиболее многочисленному эксплуататорскому классу в нашей стране наносился сокрушительный удар, приводивший в трепет и отчаяние врагов партии и народа. Теряя социальную базу, враги обратились к организации террора, восстаний, диверсионных актов против Советской власти, ориентировались на иностранные разведки.

Для капиталистических стран 1929 год был также годом перелома, но не в сторону подъема, а в сторону падения, кризиса. Еще в 1926 г. VII расширенный пленум исполкома Коминтерна указал на частичный и непрочный характер относительной капиталистической стабилизации. Эта стабилизация происходила за счет нажима на рабочий класс, увеличения рабочего дня, уменьшения заработной платы и усиленного

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 296.

выколачивания налогов из рабочего класса и широких масс трудящихся вообще. Капитализм вышел за пределы довоенного уровня, техника его росла и развивалась, но в то же время на расширенной основе развивались и противоречия мирового капитализма. Коммунистический интернационал исходил из того, что новый период, в который вступил капитализм, есть прежде всего период расшатывания временной капиталистической стабилизации и резкого обострения всех внутренних и внешних противоречий капиталистических стран. Осенью 1929 г. начался мировой экономический кризис, подтвердивший правильность прогноза Коминтерна.

В 1926 г. происходила всеобщая стачка в Англии, охватившая около 5 миллионов рабочих, и семимесячная забастовка горняков. В 1927 г. вспыхнула всеобщая забастовка в Вене, превратившаяся в восстание венского пролетариата. Это восстание было подавлено буржуазией при поддержке социал-демократии, но оно не прошло бесследно для революционного движения. В 1925/26 г. происходила героическая борьба китайских пролетариев Гонконга и Кантона. В конце 1927 г. произошло кантонское восстание, знаменовавшее новый этап в развитии китайской революции. Международный пролетариат все больше объединялся под знаменем революционного марксизма. Относительная стабилизация капитализма сопровождалась все усиливающейся острой конкурентной борьбой между главными империалистическими державами. Колониальные аппетиты их росли, они готовились к новым переделам колоний путем империалистической войны. В первую очередь империалисты готовились к нападению на Советский Союз. Существование и быстрый рост СССР не давали покоя мировой буржуазии, напоминая ей ежечасно о грядущей победе пролетарской революции во всем мире. Интервенционистские планы мировой буржуазии во главе с Великобританией в этот период приобретали все большее распространение. Они усиленно питались также расчетами на вредительскую, диверсионную и шпионскую работу капиталистических элементов и право-троцкистских банд внутри СССР. VI конгресс Коминтерна (1928 г.) выступил против троцкистов и правых, против примиренческого отношения к ним. VI конгресс Коминтерна в своем манифесте к рабочим, трудящимся, солдатам, матросам и угнетенным народам колоний призывал «...разоблачать каждый военный шаг буржуазии, указывать на опасность войны, бить в набат»¹.

Советский Союз твердо и неуклонно проводил политику мира, укреплял свою обороноспособность, экономическую мощь, единение народов, расстраивая тем самым авантюристские планы своих врагов. В результате этого наряду с усилением подготовки интервенции против СССР налаживались нормальные взаимоотношения страны пролетарской диктатуры с рядом капиталистических стран. Международное положение СССР укреплялось благодаря росту его политической и хозяйственной мощи.

Стабилизация капитализма, которую воспевали троцкистско-бухаринские прислужники буржуазии, трещала по всем швам. Это не было неожиданностью для партии. В то время как Бухарин предрекал прочную будущность капитализма, утверждая, что капитализм реконструируется и прочно держится, товарищ Сталин еще задолго до того, как разразился мировой экономический кризис 1929 г. с гениальной прозорливостью подлинного вождя революции предсказал неизбежность разрушения стабилизации несмотря на рост производства и торговли.

¹ Стенографический отчет VI Конгресса Коминтерна, выпуск 6, ГИЗ, 1929, стр. 184.

Товарищ Сталин говорил еще в 1927 г., на XV съезде партии, что именно из этой стабилизации «...вырастает самый глубокий и самый острый кризис мирового капитализма, чреватый новыми войнами...

Из частичной стабилизации вырастает усиление кризиса капитализма, нарастающий кризис разваливает стабилизацию — такова диалектика развития капитализма в данный исторический момент»¹.

Эта оценка состояния капитализма была теснейшим образом связана с революционной оценкой перспектив социалистического строительства в СССР, с уверенностью, что социализм построить мы можем и нам это удастся.

Но неизбежное разрушение стабилизации капитализма означало вместе с тем и усиление интервенционистских стремлений в лагере империалистов. Оно означало усиление угрозы войны против СССР. К этому периоду отнесся разрыв дипломатических отношений с Англией и ухудшение отношений с некоторыми другими странами. Проблема «кто кого» в международном масштабе резко обострялась. Это диктовало нам необходимость ускорения темпов развития индустрии как базы укрепления обороноспособности. И наши темпы оказались более высокими, чем темпы капиталистические, даже в период относительной стабилизации капитализма. Индекс объема промышленной продукции капиталистического мира и СССР по отношению к 1913 г. изменялся следующим образом:

	1913 г.	1925 г.	1929 г.
СССР	100	76,0	191,8
Капиталистический мир	100	123,3	144,8

За 4 года своего пресловутого «процветания» капиталистический мир увеличил продукцию промышленности только на 17%, а наша страна, собственными силами пробивавшая дорогу к построению социалистического общества, без всякой материальной помощи извне, противостоя врагам извне и изнутри, преодолевая вредительство, бедность, добилась роста продукции социалистической индустрии за те же 4 года в 2½ раза. Передовые в технико-экономическом отношении капиталистические страны — Англия и Германия — в 1929 г. по добыче угля не достигли уровня 1913 г., а в СССР несмотря на вредительство «шахтинцев» и другие формы противодействия буржуазии в 1929 г. было добыто свыше 40 млн. т угля, что намного превышало добычу угля в России 1913 г. (в границах СССР добывалось около 30 млн. т).

В области внешних отношений XV съезд партии постановил проводить неуклонную политику мира и дальнейшего систематического развития на этой основе экономических связей с капиталистическими странами, обеспечивая в то же время рост хозяйственной самостоятельности Советского Союза. Советская власть осуществляла это постановление. Общий оборот внешней торговли (экспорт плюс импорт) рос из года в год и составлял в 1929 г. 1 804,3 млн. руб.².

Внешняя торговля, находившаяся целиком в руках государства, являлась немаловажным источником средств для социалистической индустриализации. Вывоз давал иностранную валюту, на которую СССР покупал за границей оборудование и сырье для промышленности. Продукты питания ввозились из-за границы в незначительном

¹ Сталин, Политический отчет Центрального комитета XV съезду ВКП(б), Партиздат, 1933, стр. 5.

² Социалистическое строительство СССР, ЦУНХУ, 1936, стр. 679.

количестве, 8,4% всего импорта в 1929 г. (в 1913 г. — 17,3). Основная масса импорта предназначена была для производственных целей. Что же касается экспорта, то его характер также резко изменился. В 1913 г. 70,6% всего экспорта составляли продукты сельского хозяйства, а крестьянин недоедал. В 1929 г. 61,2% экспорта составляли промышленные товары (лес, нефть, руда и др.) и только 38,8% падали на сельскохозяйственный экспорт.

Стремясь увеличивать наряду с другими резервами и валютные резервы страны, СССР ставил себе целью добиваться активного торгового баланса, т. е. превышения экспорта над импортом. Увеличив по сравнению с предыдущим периодом (1923/24 г.) общий размер внешней торговли, СССР в то же время достиг улучшения торгового баланса. За годы 1926—1929 было два пассивных баланса на общую сумму 161,9 млн. руб. и два активных — на 79 млн. руб., т. е. за 4 года СССР уплатил разницу в 82,9 млн. руб. Рост нашей внешней торговли и ее характер были выражением курса на индустриализацию страны, выражением советской политики мира и растущей хозяйственной мощи.

1929 год полностью подтвердил правильность генеральной линии партии. Для капитализма 1929 год был началом глубочайшего мирового кризиса, вновь показавшего несостоятельность капиталистической системы хозяйства. Для СССР 1929 год был годом великого перелома, годом, продемонстрировавшим неиссякаемые жизненные силы советской хозяйственной системы, ее громадные, все более раскрывающиеся резервы и энтузиазм советского народа.

Общий итог периода борьбы за индустриализацию подведен в заключительных словах статьи товарища Сталина «Год великого перелома», посвященной двенадцатой годовщине Октября: «Мы идем на всех парах по пути индустриализации — к социализму, оставляя позади нашу вековую «рассейскую» отсталость»¹.

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 298.

К. ОСТРОВИТЯНОВ

ЧЛЕН-КОРРЕСПОНДЕНТ
АКАДЕМИИ НАУК СССР

Об основных типах производственных отношений

В основе общества лежит способ добывания средств к жизни, способ производства материальных благ, необходимых для того, чтобы общество могло жить и развиваться.

В процессе производства материальных благ участвуют средства производства и люди.

Средства производства и люди, приводящие их в движение, образуют производительные силы общества. «Орудия производства, при помощи которых производятся материальные блага, люди, приводящие в движение орудия производства и осуществляющие производство материальных благ благодаря известному производственному опыту и навыкам к труду, — все эти элементы вместе составляют производительные силы общества»¹.

Люди ведут борьбу с природой и производят материальные блага не изолированно, не в одиночку, а сообща. Отношения, в которые люди становятся друг к другу в процессе производства, называются производственными отношениями.

Решающую роль при определении различных типов производственных отношений играет форма собственности на средства производства. «Если состояние производительных сил отвечает на вопрос о том, какими орудиями производства производят люди необходимые для них материальные блага, то состояние производственных отношений отвечает уже на другой вопрос: в чьем владении находятся средства производства...»².

Всякий строй общественных отношений, имеющий в своей основе частную собственность на средства производства, неизбежно порождает эксплуатацию. Люди, владеющие средствами производства, заставляют на себя работать тех, кто лишен средств производства. Так было при рабстве и феодализме. Так обстоит дело и при капитализме.

Наоборот, строй общественных отношений, основанный на общественной собственности на средства производства, уничтожает эксплуатацию человека человеком, что уже осуществлено в СССР.

Производительные силы являются определяющим элементом производства. Каждому данному уровню производительных сил соответствует определенная система производственных отношений. «Каковы производительные силы, — таковыми должны быть и производственные отношения»³.

Производительные силы являются «...наиболее подвижным и рево-

¹ История ВКП(б), стр. 114—115.

² Там же, стр. 118.

³ Там же.

люционным элементом производства»¹. Сначала происходят изменения в производительных силах общества, а затем — соответствующие изменения и в области производственных отношений. Последние, вырастая на определенном уровне производительных сил, оказывают, в свою очередь, огромное обратное воздействие на развитие производительных сил: они могут содействовать развитию производительных сил или же тормозить это развитие.

Когда производительные силы перерастают рамки старых производственных отношений, между ними возникает конфликт, который находит свое выражение в острой классовой борьбе и завершается взрывом революции. В основе развития общества, в основе смены одной системы производственных отношений другой и лежит противоречие между производительными силами и производственными отношениями.

В понятие «способ производства» входят производительные силы и производственные отношения в их единстве; «...способ производства охватывает как производительные силы общества, так и производственные отношения людей, являясь, таким образом, воплощением их единства в процессе производства материальных благ»².

Решающее значение для определения способа производства имеет форма соединения рабочей силы со средствами производства, а для антагонистических формаций, кроме того, еще и форма присвоения господствующими классами прибавочного труда непосредственного производителя. В свою очередь, способ соединения рабочей силы со средствами производства и присвоения прибавочного труда зависит от формы собственности на средства производства и уровня производительных сил.

Под экономикой общества основоположники марксизма-ленинизма понимали систему производственных отношений или, что одно и то же, тип производственных отношений. Но производственные отношения они никогда не отрывали от производительных сил, а рассматривали их в единстве с последними. Поэтому неудивительно, что нередко Маркс и Энгельс отождествляли способ производства с экономикой общества. Так, в письме к Г. Штаркенбергу Энгельс пишет: «Под экономическими отношениями, которые мы считаем определяющей основой истории общества, мы понимаем тот способ (Art und Weise), каким люди определенного общества производят все, что требуется для поддержки их жизни, и как они это произведенное обменивают (поскольку существует разделение труда). Таким образом, сюда входит вся техника производства и транспорта»³.

Здесь Энгельс прямо говорит, что под экономическими отношениями он разумеет способ производства и обмена.

То же мы находим в Кратком курсе Истории ВКП(б), где говорится, что ключ к изучению законов истории общества нужно искать не в головах людей, а «в способе производства, практикуемом обществом в каждый данный исторический период, — в экономике общества»⁴.

Таким образом, способ производства, экономическая структура общества и тип производственных отношений — это аналогичные по-

¹ История ВКП(б), стр. 118.

² Там же, стр. 115.

³ Маркс и Энгельс, Письма, Соцэргиз, 1931, стр. 406.

⁴ История ВКП(б), стр. 116 (подчеркнуто нами. — К. О.).

нения, включающие в себя производственные отношения в их единстве с производительными силами.

Способ производства, или экономическая структура общества, другими словами — тип производственных отношений определяет собой характер общественного строя, характер общественной формации. Так, в IV главе Краткого курса Истории ВКП(б) отмечается, что главной силой, определяющей характер общественного строя, является способ производства материальных благ (стр. 114).

Общественный строй здесь употребляется в смысле общества или общественной формации. Последняя, в отличие от способа производства, экономической структуры или типа производственных отношений, охватывает всю совокупность общественных отношений — как экономический базис, так и все вырастающие на нем юридические и политические надстройки и соответствующие формы общественного сознания.

Но нередко основоположники марксизма-ленинизма употребляют выражения «экономический строй» или «общественно-экономическая формация» в смысле способа производства или экономической структуры общества. Так, Ленин в работе «Друзья народа», полемизируя с Михайловским, под «экономической формацией» понимает систему производственных отношений, или экономическую структуру общества, а под «общественной формацией» — совокупность всех общественных отношений, включая базис и надстройки.

Согласно закону диалектики, каждый общественный строй содержит в себе свое прошлое и свое будущее, т. е. пережитки старых способов производства и зародыши новых; все они носят название укладов.

Своеобразное положение в развитии общества занимает мелкотоварное производство. По способу соединения рабочей силы со средствами производства оно отличается от всех других, имевших место в истории человечества. Мелкотоварное производство характеризуется тем, что производитель, работающий на рынок, является индивидуальным собственником средств производства, рассчитанных на индивидуальное их применение, а отсюда — и собственником продуктов своего труда. Это обстоятельство дает основание говорить о мелкотоварном способе производства. Маркс в «Капитале», в частности в главе «О так называемом первоначальном накоплении» и в других главах, называет мелкотоварное производство способом производства. Однако особенность последнего состоит в том, что он никогда, ни в одной общественной формации не был господствующим способом производства.

Возникнув в эпоху разложения первобытно-общинного строя, мелкотоварное производство существовало и при рабстве, и при феодализме, и при капитализме в качестве уклада. Оно дожило до диктатуры пролетариата, которая впервые в истории переделала его в крупное социалистическое производство на основе коллективизации. Особенность возникновения социалистического способа производства состоит в том, что он не зарождается в недрах капитализма в качестве социалистического уклада. В недрах капитализма создаются лишь объективные и субъективные предпосылки для революционного низвержения буржуазии, установления диктатуры пролетариата и построения социализма.

Способ производства, экономическая структура общества образует собой базис всякого общественного строя, на котором возвышаются соответствующие ему политические и идеологические надстройки. Между базисом общества — его экономикой — и надстройками —

идеями и политическими учреждениями — существует определенное взаимодействие. Идеи и политические учреждения, возникая из экономических потребностей общества, в свою очередь оказывают обратное воздействие на его экономику. Отжившие идеи и политические учреждения тормозят развитие производительных сил общества. Наоборот, новые общественные идеи и политические учреждения, вырастающие из новых потребностей экономического развития, играют в высокой степени прогрессивную роль как в упразднении революционным путем отживших производственных отношений, так и в содействии развитию производительных сил. В Кратком курсе Истории ВКП(б) сказано: «...возникновение новых производительных сил и соответствующих им производственных отношений происходит не отдельно от старого строя, не после исчезновения старого строя, а в недрах старого строя, происходит не в результате преднамеренной, сознательной деятельности людей, а стихийно, бессознательно, независимо от воли людей»¹.

Но в периоды острых конфликтов между производительными силами и производственными отношениями, в периоды революционных переворотов старые производственные отношения и их носители — господствующие классы — устраняются с дороги общественного развития лишь путем сознательной деятельности новых классов, путем революции. Мы видим, как в реальной исторической действительности многообразны сочетания различных укладов на разных ступенях общественного развития, но главные магистрали этого развития проходят через пять основных типов производственных отношений: первобытно-общинный строй, рабовладельческий строй, феодальный строй, капиталистический строй и социалистический строй.

Первобытно-общинный строй

Первобытно-общинный строй характеризуется крайне низким уровнем производительных сил. В борьбе с природой первобытный человек был вооружен до крайности плохо, хуже многих зверей. Природные орудия — руки, ноги, зубы — у него гораздо слабее, чем, например, у крупных хищных животных. Орудия же искусственные, взятые первобытным человеком прямо из природы, были грубы и примитивны: камень, палка и др.

Мозг первобытного человека был слаб и неразвит. Для умственной работы у него оставалось очень мало времени среди постоянной изнуряющей борьбы, в которой на каждом шагу его подстерегала опасность смерти.

С чрезвычайной медленностью, на протяжении многих тысяч лет появлялись одно за другим изобретения и открытия. Путем соединения камня и палки, обработки их, приспособления к разным целям из этих первобытных орудий произошли многие другие — каменные топоры, молотки, ножи, копья и т. п.

Приблизительно в ту же эпоху каменных орудий были открыты полезные свойства огня. Огонь сыграл огромную роль в развитии первобытного общества. Только огонь дал относительную безопасность человеку от окружавших его могучих хищников, а также защиту от зимнего холода.

Рыболовный крючок из рыбьих костей и плот, преобразованный затем в лодку, явились позже. Наконец, изобретение лука и стрел поставило человека на один уровень с самыми сильными животными.

¹ История ВКП(б), стр. 123.

Так происходил мало-помалу прогресс орудий и производительности труда в этот ранний период жизни человека.

В соответствии с характером орудий труда способы добычи средств существования на первых порах сводились главным образом к собиранию плодов и корней растений, к охоте за мелкими зверями и к рыбной ловле.

Такой уровень производительных сил вызывал необходимость в общественной собственности на средства производства. «При первобытно-общинном строе,—говорится в Кратком курсе Истории ВКП(б),—основой производственных отношений является общественная собственность на средства производства. Это в основном соответствует характеру производительных сил в этот период»¹.

Крайне слабая вооруженность первобытного человека в борьбе с окружающими его враждебными силами природы требовала общего труда, коллективной добычи средств существования, коллективной борьбы с природой. Первобытный человек вне коллектива был обречен на верную гибель. Совместная жизнь, общий труд были первейшим законом для людей. В основе общего труда первобытных людей, их коллективной борьбы за существование лежали простое сотрудничество, простая кооперация, которая заключается в том, что несколько человек вместе и одновременно делают одну и ту же работу. Пережитки этих коллективных способов борьбы первобытного человека за своё существование можно было наблюдать до недавнего времени в Австралии и других странах.

«Общий труд ведет к общей собственности на средства производства, равно как на продукты производства. Здесь не имеют ещё понятия о частной собственности на средства производства, если не считать личной собственности на некоторые орудия производства, являющиеся вместе с тем орудиями защиты от хищных зверей. Здесь нет эксплуатации, нет классов»². Общественная собственность на средства производства существовала в первобытном обществе не потому, что орудия труда сами по себе требовали их коллективного применения. Она существовала потому, что орудия труда были слишком примитивны и малопродуктивны и не могли обеспечить существования человека без той новой добавочной производительной силы, которая создавалась совместным трудом на основе простой кооперации. Первобытно-общинный строй, как это отмечал Маркс, был результатом слабости обособленной человеческой личности, а не обобществления средств производства.

Наряду с этим существовала личная собственность на те орудия производства, с которыми была непосредственно связана личность первобытного человека, как улитка связана со своей раковиной, и которые являлись в то же время орудиями самозащиты. Эту личную собственность необходимо отличать от частной собственности на средства производства. Личная собственность первобытных людей не была связана с эксплуатацией человека человеком. Между тем частная собственность на средства производства неизбежно порождает эту эксплуатацию. Маркс в предисловии «К критике политической экономии» отмечает, что частная собственность в качестве условия своего существования предполагает противоположную форму — отсутствие собственности.

Низкий уровень производительных сил, общая собственность на продукты труда вызывали также необходимость в уравнительном распределении. При скудости предметов потребления всякое наруше-

¹ История ВКП(б), стр. 119.

² Там же.

ние принципа равенства в распределении неизбежно обрекало часть членов рода на голодную смерть и вело к разрушению коллектива. А только в коллективе, как уже указывалось, первобытный человек мог отстаивать свое существование в борьбе с окружающей природой. Поэтому принцип равенства в распределении свято соблюдался первобытным человеком. Ле-Валльян рассказывает следующий интересный случай, который он наблюдал в Южной Африке. Племя каминкоев явилось к нему в лагерь. «У него не было на всех водки, и потому он предложил по стакану только начальнику и тем, кто, по внешнему виду и возрасту, казался ему более других достойным уважения; каково же было его удивление, когда он заметил, что они удерживали жидкость во рту, не проглатывая ее, а потом все приблизились к своим товарищам, не получившим ее, стали переливать ее изо рта в рот, подобно тому как птицы небесные кормят друг друга из клюва в клюв»¹.

По свидетельству путешественников, у австралийцев существовал такой обычай. Если кто-либо из охотников, австралийцев, возвращался с охоты с пустыми руками, то он наряду со всеми занимал свое место при огне, на котором готовили пищу. Причем другие, более удачливые охотники протягивали ему куски, которые он принимал без всяких признаков признательности.

Первобытное общество не знало еще обмена. Продукты производились не на продажу, а для непосредственного потребления. В первобытно-общинном строе труд носил непосредственно-общественный характер, который базировался «...на незрелости индивидуального человека, еще не оторвавшегося от пуповины естественно-родовых связей с другими людьми...»², на низком уровне развития производительных сил, на поло-возрастном разделении труда. Внутри родовой общины не было эксплуатации и классов, господствовали отношения равенства.

Сплоченность первобытных людей внутри родовой общины, отсутствие классов и классовой борьбы давали им большое преимущество в борьбе с природой. При крайне низком уровне производительных сил первобытные люди не могли бы успешно бороться с природой, если бы они не были сплочены на основе общинной собственности и коллективного труда.

Первобытные люди находились в рабской зависимости от стихийных сил природы. Но поскольку они жили в условиях натурального хозяйства, они еще не знали общественной анархии производства. Однако внутреннюю организованность родовой общины ни в коем случае нельзя преувеличивать. Некоторые не в меру усердные поклонники первобытно-общинного строя готовы изображать его как строй, где господствует план. Так, Роза Люксембург рисует первобытные общины как «...строго регулируемые общинные хозяйства с типичными чертами коммунистической организации»³. Причем у австралийских негров, по словам Розы Люксембург, «...план явственно имеет в виду снабжение и обеспечение всех членов общества, соответственно как потребности в питании, так и производительным силам...»⁴.

В пылу полемики с буржуазными учеными, отрицавшими существование общинной собственности на заре истории, Р. Люксембург явно преувеличивает планомерность и «коммунистические» черты в орга-

¹ Зибер, Очерки первобытной экономической культуры, Соцэкгиз, 1937, стр. 120.

² Маркс, Капитал, Партиздат, 1937, т. I, стр. 78.

³ Р. Люксембург, Введение в политическую экономию, «Прибой», 1925, стр. 107.

⁴ Там же, стр. 102.

низации первобытного общества. Нельзя забывать, что у первобытного человека еще чрезвычайно слабо была развита способность познавать законы природы и постигать «как наиболее близкие, так и наиболее отдаленные последствия нашего активного вмешательства в ее естественный ход»¹. Не будучи в состоянии предвидеть даже близкие последствия своей деятельности, первобытные люди были игрушкой в руках стихийного процесса развития.

Внутренняя организованность родовых общин была ограничена пределами рода или племени, а за этими пределами господствовала звериная борьба с другими враждебными племенами за существование.

Для первобытно-общинного строя характерна наряду с поло-возрастным разделением труда родовая и племенная организация. Это связано опять-таки с крайне низким уровнем производительных сил и производственных отношений, с слабым развитием экономики первобытного общества. Экономические отношения не развились еще настолько, чтобы оттеснить на задний план родовые и племенные связи.

Первоначально родовой строй существовал в форме матриархата, а затем в форме патриархата. В Истории ВКП(б) первобытное общество названо *п е р в о б ы т н о - о б щ и н н ы м* строем. В этом названии отмечена наиболее характерная черта первобытного общества — общинный характер его организации, базирующийся на общественной собственности на основные средства производства и прежде всего на землю. С другой стороны, в этом названии отражено то глубокое различие, которое разделяет первобытное общество от современного коммунизма.

До самого последнего времени в нашей преподавательской практике имели место факты модернизации первобытного общества, перенесения на него некоторых черт современного коммунизма. Такая модернизация, конечно, ничего общего не имеет с марксизмом-ленинизмом. Современный коммунизм является высшим продуктом общественного развития, открывает неограниченный простор для развития производительных сил, несет человечеству невиданное изобилие, обеспечивает осуществление принципа — с каждого по способностям, каждому по потребностям, обеспечивает разностороннее развитие личности.

Совсем иными, противоположными чертами характеризуется первобытно-общинный строй. Общинный характер этого строя является результатом крайне низкого уровня производительных сил, крайне слабой вооруженности человека орудиями труда, рабской зависимости его от стихийных сил природы, результатом крайней необеспеченности и нищеты. На известном историческом этапе первобытно-общинные производственные отношения открывали некоторые, хотя и до крайности ограниченные, возможности для развития производительных сил. Эти возможности заключались в коллективном труде, в простой кооперации.

В процессе коллективной борьбы за существование первобытный человек знакомился постепенно с силами природы, накапливал опыт и передавал его из поколения в поколение, совершенствовал орудия труда, а вместе с тем и способы добычи средств существования. Уже переход от грубых каменных орудий к луку и стрелам привел к приручению животных, к первобытному скотоводству.

Громадным шагом вперед явился переход к возделыванию растений и к земледелию. Первоначальные орудия и приемы земледелия

¹ Э н г е л ь с, Диалектика природы, Соцэкгиз, 1931, стр. 71.

были крайне примитивны и требовали коллективного труда. Дальнейший рост земледелия был связан с переходом от кремневых орудий к металлическим. Применение металлических орудий дало толчок к развитию внутри родовой общины различных ремесел. К числу важнейших из них надо отнести гончарное производство, прядение, ткачество, плавку и обработку металлов и другие.

Все это знаменовало уже значительный прогресс в развитии производительных сил человеческого общества. Вместе с тем первобытно-общинные отношения, базировавшиеся на примитивных орудиях и поло-возрастном разделении труда, из фактора, содействовавшего развитию производительных сил, все более превращались в оковы этого развития. Первобытно-общинный строй вступил в стадию своего разложения. Орудия труда развились настолько, что могли обеспечить существование человека при индивидуальном их применении. Появилась соха, в качестве тяговой силы стали использоваться животные. Обработка участка с помощью сохи, которую тянул вол, не требовала уже коллективного труда. Это породило тенденцию к раздроблению рода на мелкие хозяйственные единицы — тенденцию к индивидуальному производству отдельной семьи и к частной собственности на средства производства.

В том же направлении действует рост общественного разделения труда и обмена. На первых порах обмен носил случайный характер. Регулярный же характер он принял с возникновением первого крупного общественного разделения труда — с выделением пастушеских племен. Первоначально обмен производился между племенами при посредстве старейшин, вождей. Причем вначале старейшины выступали только как представители племени. Впоследствии они стали присваивать себе право собственности на продукты, идущие в продажу. Прежде всего это относится к скотоводческим племенам, где стада из общей собственности всего племени начали переходить в собственность старейшин. Так в родовые общины проникала частная собственность.

Проникновение обмена и частной собственности внутрь рода вело к его разложению. Род распался на ряд больших семейств, которые обособились и начали самостоятельно добывать средства существования. Возникло деление на богатых и бедных. Более богатые семьи стали применять у себя труд рабов, который начал давать прибавочный продукт. Так рост производительных сил, развившийся первоначально под влиянием первобытно-общинных производственных отношений, привел к гибели этих отношений.

Человечество вступило в эпоху классовых антагонистических формаций.

Рабовладельческий строй

Разложение первобытно-общинного строя привело к возникновению рабства. Энгельс связывал возникновение зачатков рабства еще с первым крупным общественным разделением труда — между пастушескими и земледельческими племенами. С дальнейшим развитием производительных сил возникает обработка металлов, создаются железные орудия. Наступает время железного меча, плуга и топора. Развиваются ремесла. Происходит второе крупное общественное разделение труда — ремесло отделяется от земледелия.

С отделением ремесла от земледелия было связано возникновение товарного производства, т. е. производства непосредственно для обмена. Вместе с тем развилась торговля не только между племенами и внутри их, но и внешняя морская торговля, что в свою очередь привело к появлению металлических денег. Это была новая экономиче-

ская сила, обладание которой давало и богатство и власть. Произошло третье крупное общественное разделение труда — выделился класс купцов.

В результате отделения ремесла от земледелия и развития торговли возникли города как ремесленно-торговые центры, а вместе с тем впервые в истории возникла противоположность между городом и деревней.

Рост товарно-денежных отношений в свою очередь способствовал дальнейшему развитию рабства. Возможность продажи продуктов рабского труда толкала рабовладельца на все более широкое применение труда рабов и усиление их эксплуатации.

С появлением денег и развитием товарно-денежного хозяйства неизбежно возникли ростовщичество и процент, а вместе с ними — долговая кабала и разорение мелких производителей. Наряду с богатством, заключающимся в товарах и рабах, появляется новое богатство — земля. Она превратилась в частную собственность, ее можно было продавать и закладывать. Быстро росли ипотека, отчуждение земли за долги и разорение крестьян.

Таким образом, совершался процесс сосредоточения богатства в руках немногочисленного класса богатых, а с другой стороны, возрастала масса бедноты. Вместе с этим разделением свободных на классы, как отмечает Энгельс, в огромной степени увеличилось число рабочих, чей принудительный труд представлял собой основание, на котором возвышалась надстройка всего общества.

Так патриархальное рабство, возникшее сначала как уклад разлагающегося первобытно-общинного строя, развилось в рабовладельческую формацию.

Возникновение классов — рабов и рабовладельцев — породило и новую общественную организацию — государство как орган насилия класса рабовладельцев над рабами и мелкими производителями, т. е. крестьянами и ремесленниками.

Истории известны две разновидности или два типа рабовладельческого строя: азиатский и античный. Маркс в предисловии к «Критике политической экономии» писал: «В общих чертах азиатский, античный, феодальный и современный буржуазный способы производства можно обозначить как прогрессивные эпохи экономической общественной формации»¹. Таким образом, наряду с античным, феодальным и буржуазным способами производства Маркс выделяет еще азиатский. Однако последний нельзя рассматривать как какой-то особый способ производства, принципиально отличный от рабовладельческого.

Энгельс в предисловии к своей работе «Положение рабочего класса в Англии» прямо характеризует азиатский способ производства как разновидность рабства. «В азиатской и классической древности, — пишет он, — преобладающей формой классового угнетения было рабство...»².

Маркс выделил азиатский способ производства наряду с античным потому, что азиатская форма рабства исторически предшествовала античной форме рабства и имела свои специфические черты, отличающие ее от последней. Азиатская форма рабства была более примитивной по сравнению с античной.

Азиатский способ производства характеризуется преобладанием

¹ Маркс, К критике политической экономии, Партиздат, 1933, стр. 43.

² Энгельс, Положение рабочего класса в Англии в 1844 году, ГИЗ, 1928, стр. 148.

патриархального и долгового рабства. Наряду с этим сохранялись разнообразные переходные формы полурабской зависимости.

Важнейшим фактором, приведшим к развитию рабства на древнем Востоке, явилась ирригационная система земледелия, необходимость устройства каналов, плотин с целью регулирования рек. Эти работы велись на основе массовой эксплуатации рабов. Возникли восточные централизованные, деспотические формы государства, игравшие огромную роль в жизни древнего Востока.

Эти специфические черты азиатского способа производства и дали основание Марксу упомянуть о нем при перечислении способов производства, имевших место в развитии общества. Однако поскольку азиатский способ производства есть лишь разновидность рабства, он не может быть отнесен к основным типам производственных отношений. Поэтому и в Кратком курсе Истории ВКП(б), где дана характеристика основных типов производственных отношений, азиатский способ производства не упоминается.

«При рабовладельческом строе основой производственных отношений является собственность рабовладельца на средства производства, а также на работника производства — раба, которого может рабовладелец продать, купить, убить, как скотину»¹. Таким образом характерной особенностью рабовладельческого способа производства является неограниченная собственность рабовладельца на средства производства и на рабов — эту главную производительную силу рабовладельческого общества. Отсюда и соединение рабочей силы со средствами производства зависит исключительно от усмотрения и произвола рабовладельца. Он дает рабам орудия и материалы для производства, по своему усмотрению распределяет между рабами работу и дает им средства к жизни. Обладая собственностью на средства производства и на рабов, рабовладелец присваивает в свою пользу весь продукт их труда, уделяя на воспроизводство рабочей силы рабов лишь ничтожную часть созданного ими продукта, абсолютно необходимого для того, чтобы они могли работать.

Раб, низведенный до положения говорящего орудия, относился к своему подневольному труду с чувством глубокой ненависти. Отсюда низкая производительность рабского труда, которая делала выгодным этот труд лишь при его крайней дешевизне. В силу этого путь естественного выращивания рабов не получил значительного распространения. Рабовладельцу было невыгодно тратить средства на содержание детей рабов, когда они еще неспособны были создавать для него прибавочный продукт. Более выгодным способом приобретения рабов была война. Войны с целью захвата рабов получили чрезвычайно широкое развитие в древнем мире; они давали возможность добывать огромное количество рабов.

Наличие рынка рабов и их дешевизна позволяли доводить эксплуатацию до такого уровня, что на деле она превращалась в хищническое, беспощадное выматывание всех жизненных сил из рабов, приводившее к их преждевременному вымиранию целыми поколениями.

В основе рабовладельческого производства лежала ремесленная техника. Рабовладельческие мастерские включали обычно два-три десятка рабов, а в отдельных случаях — до 100 и более человек.

В еще большем количестве труд рабов применялся в строительном и горном деле, в добыче железа, серебра, золота и т. д. Эксплуатация сотен тысяч рабов позволила осуществить такие огромные по тем временам работы, как прорытие каналов, устройство пристаней и т. д.

¹ История ВКП(б), стр. 119.

В силу незаинтересованности раба в производстве и крайне низкой производительности рабского труда развитие рабовладельческого производства пошло не столько по линии роста техники, сколько по линии применения массовой рабочей силы рабов в форме простой и отчасти сложной кооперации. Рабская мастерская (эргастерий) основывалась, главным образом, на простом сотрудничестве, или простой кооперации. Особо детального разделения труда внутри мастерской не было. В этом отношении справедливо замечание Вебера о том, что «эргастерий можно делить на сколько угодно частей, как кусок свинца».

Маркс отмечает, что в общем древние никогда не шли дальше ремесленного труда. При рабовладельческом строе имелись элементарные машины, вроде, например, водяной мельницы, водоналивного колеса и др. Однако все эти отдельные технические достижения имели подсобное значение. Основные же процессы труда, выполняемые рабами, обслуживались чрезвычайно примитивными ремесленными орудиями.

В соответствии с громадной ролью, которую играла война в рабовладельческом обществе, сравнительно большего развития достигла военная техника: осадные вооружения, кораблестроение и т. д.

В Греции рабский труд получил большее развитие в области ремесленного производства, а в Римской империи — в области сельского хозяйства. Богатые римские землевладельцы отчасти покупали, отчасти отнимали силой и присваивали себе земли окружающих их крестьян. На этих землях они создавали крупные сельскохозяйственные имения (латифундии), основанные на рабском труде. Техника в этих латифундиях была низкая. Рабовладельческая система не содержала в себе таких факторов, которые стимулировали бы раба к повышению производительности и интенсивности его труда. Рабовладелец заставлял раба работать при помощи насилия и принуждения. Поэтому главные усилия рабовладельца были направлены на такую организацию труда рабов и надзора за ними, которые обеспечили бы получение максимума прибавочного продукта.

Рабовладельческий строй в своей основе являлся натуральным хозяйством, хотя и имел довольно развитые товарные отношения. Еще в период разложения первобытно-общинного строя и существования патриархального рабства возникло товарное производство и развились все формы стоимости, начиная с простой случайной формы стоимости и кончая ослепительной денежной формой.

В самом возникновении и развитии рабовладельческой формации, как мы видели, немалую роль сыграли рост обмена, торговый и ростовщический капитал. Тем не менее товарные отношения в рабовладельческом обществе играли подчиненную роль. «При древне-азиатских, античных и т. д. способах производства,—говорит Маркс,—превращение продукта в товар, а следовательно, и бытие людей как товаропроизводителей играют подчиненную роль, которая, однако, становится тем значительнее, чем далее зашел упадок общинного уклада жизни. Народы торговые в собственном смысле этого слова существуют, как боги Эпикура, лишь в междумировых пространствах древнего мира, или — как евреи в порах польского общества»¹.

В отличие от первобытно-общинного строя, труд в рабовладельческом строе покоится на непосредственных отношениях господства и подчинения, на внеэкономическом принуждении.

Своеобразную роль в развитии рабовладельческого производства играло мелкое производство. Оно возникло в период разложения

¹ Маркс, Капитал, Партиздат, 1937, т. I, стр. 78.

первобытно-общинного строя и как уклад существовало в недрах рабовладельческого строя. Мелкий производитель был главной военной силой рабовладельческого строя, на него обрушивались со всей тяжестью государственные налоги, он страдал от конкуренции крупного рабовладельческого земледелия и находился в кабале у ростовщического капитала. В результате крестьяне все больше превращались в «люмпен-пролетариев», т. е. в босяков, лишенных не только средств производства, но и средств существования. В деревне, где господствовали рабовладельцы и хозяйство велось при помощи рабского труда, пролетарию нечего было делать — он бежал в город искать средств к жизни. Но на базе рабского труда нельзя было произвести революцию в технике и создать условия для развития крупного производства, которое могло бы поглотить этих пролетариев. Таким образом, в городах скоплялись сотни тысяч бездомного люда, не находившего производительных занятий. Основными средствами существования люмпен-пролетариев являлись подачки со стороны богачей, государственная помощь и продажа голосов политическим партиям. В особенности это относится к тем пролетариям, которые жили в Риме.

Рабство явилось необходимой ступенью в общественном развитии; «...человек, бывший вначале зверем, — говорит Энгельс, — нуждался в варварских, почти зверских средствах, чтобы выйти из первобытного состояния»¹.

Как мы видели, рабство стало возможным, потому что в первобытно-общинном строе в результате развития производительных сил появился прибавочный продукт. Рабство оказалось необходимым в силу того, что труд оставался все же слишком мало производительным и давал лишь небольшой излишек прибавочного продукта сверх абсолютно необходимого для существования непосредственных производителей. Энгельс говорит: «...пока человеческий труд был так мало производителен, что доставлял лишь небольшой излишек сверх безусловно необходимых человеку средств существования, увеличение производительных сил, расширение торговли, развитие государства и прав, начало искусств и наук были возможны не иначе, как при усиленном разделении труда, в основу которого должно было лечь великое разделение труда между массами, поглощенными простой физической работой, и немногими привилегированными, управлявшими трудом, занимавшимися торговлей, государственными делами, а также искусствами и науками. Простейшей, естественно выросшей формой такого разделения труда было именно рабство»².

Отсюда характерная черта рабовладельческого строя — разрыв между умственным и физическим трудом. Умственная жизнь господствующих классов сосредоточилась на вопросах управления рабами, на торговле, политике, философии и различных видах искусстваа между тем как вся тяжесть физического труда целиком была переложена на рабов.

Преимущество рабовладельческого производства по сравнению с первобытно-общинным и мелким индивидуальным производством состояло в том, что, эксплуатируя труд массы рабов, оно могло гораздо шире развить простую и отчасти сложную кооперацию. В силу этого рабовладельческий строй двинул вперед развитие производительных сил по сравнению с первобытно-общинным строем, которому он пришел на смену. Во-первых, были достигнуты прогресс в развитии сельскохозяйственного производства, некоторое улучшение ору-

¹ Маркс и Энгельс, Об античности, ГАИМК, стр. 211—212.

² Там же, стр. 212.

дий и приемов в земледелии и скотоводстве. Во-вторых, зародилось множество новых ремесел и развились существовавшие ранее, произошли известные улучшения в ремесленных орудиях и значительное развитие ремесленного искусства. В-третьих, было достигнуто развитие науки и в особенности расцвет искусств.

Однако возможности развития производительных сил, заложенных в рабовладельческом способе производства, были очень ограничены. Рабовладельческий строй не смог вступить на путь сколько-нибудь значительного развития техники в силу противоречий, которые были заложены в самой системе рабовладельческой эксплуатации. «Там, где рабство является господствующей формой производства, там труд становится рабской деятельностью, т. е. чем-то бесчестящим свободных людей. Благодаря этому закрывается выход из подобного способа производства, в то время как, с другой стороны, требуется устранение его, ибо для развития производства рабство является помехой. Всякое покоящееся на рабстве производство и всякое основывающееся на нем общество гибнут от этого противоречия»¹.

Таким образом противоречие рабовладельческого строя заключалось в том, что по мере развития рабства труд с точки зрения свободных людей превращался в позорное дело, а рабовладельцы — в паразитов. Для рабов труд был тяжелым, ненавистным бременем. В то же время конкуренция дешевого рабского труда разорила огромные массы крестьянства и превратила их в «люмпен-пролетариат». Этим самым была подорвана как экономическая, так и военная мощь рабовладельческого строя. Рабство превратилось в тормоз прогресса.

В результате подрыва экономической и военной мощи рабовладельческого общества победы Римской империи над варварами сменились рядом поражений, войны из наступательных превратились в оборонительные. Источник дешевой рабочей силы иссяк. Рабский труд становился все более невыгодным, латифундии перестали приносить доход. Крупные рабовладельческие хозяйства одно за другим разбирались на мелкие parcels, которые сдавались в аренду разоренным крестьянам. За это последние уплачивали $\frac{5}{6}$, а иногда и $\frac{9}{10}$ собранного продукта. Но главным образом parcels сдавались в аренду бывшим рабам, которые прикреплялись к своему участку и платили оброки землевладельцу.

Так возник колонат — сословие мелких земледельцев, которые вели свое самостоятельное хозяйство на государственной или частновладельческой земле за установленную сумму повинностей.

Политическим результатом господства рабовладельцев явилось крайнее обострение классово-борьбы. Этим и был нанесен последний, решающий удар рабству. Огромное революционное значение восстаний рабов заключалось в том, что они расшатали устои рабовладельческой формации, подорвали ее мощь и тем самым явились решающим фактором ее гибели. «Революция рабов, — говорит товарищ Сталин, — ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплуатации трудящихся»².

Феодальный строй

Феодальные отношения зародились еще в недрах разлагающейся Римской рабовладельческой империи в виде колоната. Но этот процесс имел и другую сторону: как известно, Римская империя была за-

¹ Маркс и Энгельс, Об античности, ГАИМК, 1932, стр. 219—220.

² Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 527.

воевана германскими племенами, которые захватили и поделили между собой приблизительно $\frac{2}{3}$ занятой земли. Часть завоеванных земель осталась во владении народа или отдельных племен и родов. Короли начали присваивать эти земли и раздавать их своим дружинам, приближенным и т. д. Таким образом, как говорит Энгельс, за счет народа создавалась основа нового дворянства.

К началу IX столетия свободные земледельцы были совершенно разорены. Феодалы грабили их, захватывали их земли. Доведенные до отчаяния грабежами и поборами земледельцы вынуждены были прибегать к защите знатных феодалов и церкви. Но эта защита доставалась им чрезвычайно дорогой ценой: приходилось отказываться от прав собственности на землю и передавать ее своему знатному и могущественному покровителю. Последний предоставлял эту же землю во временное пользование крестьянам за разнообразные повинности. Крестьяне, таким образом, постепенно теряли не только землю, но и личную свободу, превращаясь в крепостных.

Огромное количество земель сосредоточилось в руках церкви и монастырей.

Так на развалинах рабовладельческого строя возник и начал развиваться феодализм.

«При феодальном строе основой производственных отношений является собственность феодала на средства производства и неполная собственность на работника производства, — крепостного, которого феодал уже не может убить, но которого он может продать, купить. Наряду с феодальной собственностью существует единоличная собственность крестьянина и ремесленника на орудия производства и на свое частное хозяйство, основанная на личном труде»¹.

В условиях феодализма основным средством производства являлась земля, которая составляла собственность феодалов. Она распадалась на две части: на барскую землю и крестьянскую. Барскую землю крестьяне обрабатывали непосредственно в пользу помещика при помощи своего собственного инвентаря. Крестьянскую же землю, т. е. ту, которую феодал предоставлял во временное пользование крестьян, последние обрабатывали в свою пользу. За предоставляемый земельный надел феодал заставлял крепостных крестьян отбывать барщину, т. е. обрабатывать барскую землю и нести другие разнообразные повинности.

Крепостной крестьянин был собственником средств производства и вел собственное хозяйство, основанное на личном труде.

Власть феодала-помещика основывалась на внеэкономическом принуждении, которое выражалось в прикреплении крестьянина к земле, в ряде личных повинностей в пользу помещиков, в насильственных методах принуждения к труду, в праве помещика творить суд и расправу над своим крепостным. Помещик присваивал в свою пользу прибавочный продукт крепостного крестьянина в форме ренты. Для раннего периода в развитии феодализма характерны натуральные формы ренты: отработочная рента или барщина и рента продуктами или оброк.

Феодальное хозяйство, так же как и рабовладельческое, в своей основе было хозяйством натурального типа, которое характеризовалось непосредственно общественным трудом, покоящимся на отношениях господства и подчинения. «Личная зависимость, — говорит Маркс о феодализме, — характеризует тут общественные отношения материального производства в такой же степени, как и иные, воздвигнутые на этой основе сферы жизни... Непосредственно общественной

¹ История ВКП(б), стр. 120.

формой труда является здесь его натуральная форма, его особенность, а не его всеобщность, как в обществе, покоящемся на основе товарного производства»¹.

Феодальный способ производства являлся более прогрессивным по сравнению с рабовладельческим и открывал больший простор для развития производительных сил. Если рабовладельческая система хозяйства превращала труд в позорное дело для свободных людей и убивала у раба всякий стимул к повышению производительности и интенсивности своего труда, то феодальная система, хотя и в очень слабой степени, все же содержала в себе стимул, толкавший крепостного крестьянина на путь развития своего производства. «Новые производительные силы требуют, чтобы у работника была какая-нибудь инициатива в производстве и склонность к труду, заинтересованность в труде. Поэтому феодал покидает раба, как не заинтересованного в труде и совершенно инициативного работника, и предпочитает иметь дело с крепостным, у которого есть свое хозяйство, свои орудия производства и который имеет некоторую заинтересованность в труде, необходимую для того, чтобы обрабатывать землю и выплачивать феодалу натурой из своего урожая»².

Уже барщина создавала некоторую заинтересованность крепостного крестьянина в труде, так как он хотя бы часть времени работал для себя на наделной земле. Эту часть времени он старался использовать с наибольшей производительностью и интенсивностью. «Таким образом здесь, — говорит Маркс, — имеется возможность известного экономического развития, разумеется, в зависимости от более или менее благоприятных обстоятельств...»³.

Переход от барщины к оброку открывал еще большие возможности для развития производительных сил, так как крепостной крестьянин мог более свободно распоряжаться своим трудом и временем. По мере дальнейшего развития феодализма, роста общественного разделения труда и развития обмена, крепостной крестьянин получал все большую хозяйственную самостоятельность и, следовательно, возрастал стимул, толкавший его к повышению производительности и интенсивности труда.

Однако эксплуатация феодалами крепостных крестьян не только не смягчалась, но все более и более усиливалась. Развитие производительных сил феодального общества привело к росту разделения труда в поместье феодала, к расширению торговли, к усиливающемуся отделению ремесла от земледелия и города от деревни.

Экономической основой города были всевозможные ремесла и торговля. Промышленное население городов было организовано в цехи. Цех представлял собой союз, в который входили все ремесленники одного или нескольких близких ремесел, живущие в одном городе. Главной задачей цехов было не допускать конкуренции между ремесленниками. Производство было регламентировано до мелочей. В уставах точно определялись и заработная плата, и цена товара, и качество его.

Цехи возникли на определенной ступени развития товарного производства. Однако они могли существовать лишь в условиях низкого развития товарного производства, в условиях узости рынка, работы на местный рынок. Когда же рост производительных сил в области ремесла потребовал выхода ремесленной продукции на более широ-

¹ Маркс, Капитал, Партиздат, 1937, т. I, стр. 76.

² Источник ВКП(б), стр. 120.

³ Маркс, Капитал, Партиздат, 1937, т. III, стр. 699.

кий рынок, между ремесленником и потребителем его продукции встал скупщик, торговец. Началось разложение цехов.

Чем больше росли производительные силы феодального общества, тем более они наталкивались на феодальные производственные отношения. Рост производительных сил находился в непримиримом противоречии с цеховым строем, с его замкнутостью, рутиной, враждебностью ко всяким техническим нововведениям и требовал его устранения. Цеховые ограничения стесняли развитие ремесленного производства. В результате, несмотря на все рогатки, конкуренция проникла внутрь цехов. Более зажиточные мастера становились скупщиками и ростовщиками. Наряду с этим обострялись противоречия между мастерами, с одной стороны, подмастерьями и учениками — с другой. Под влиянием роста товарно-капиталистических отношений совершался процесс разложения цехового ремесла.

Тот же процесс разложения феодализма и развития капиталистических отношений совершался и в феодальной деревне. Когда хозяйство феодала начало работать все больше и больше на рынок, характер феодальных отношений быстро изменился. Прежде, при натуральном хозяйстве, размеры барщины и оброка находили свою границу в объеме потребностей феодала; теперь эта граница исчезла, следствием чего явился переход от барщины и оброка к денежной ренте. Крепостная деревня тем самым все более и более втягивалась в обмен. Одновременно начался быстрый процесс расхождения крепостного крестьянства. С одной стороны, рос кулак, который постепенно откупался от крепостной зависимости и наряду с феодалом становился эксплуататором крестьянства. С другой стороны, усиливалась эксплуатация крестьянства со стороны феодала, а вместе с тем быстрым темпом шло разорение основной массы крестьянства.

Таким образом и в области ремесла и в области сельского хозяйства происходило развитие капиталистических отношений. Питательной базой для капитализма служило мелкотоварное производство, покоившееся на частной собственности на средства производства.

Мы видели, что мелкотоварный способ производства встречается и в докапиталистических формациях. «Однако он достигает полного расцвета, проявляет всю свою энергию, приобретает адекватную классическую форму лишь там, где работник является свободным частным собственником своих, им самим применяемых условий труда, где крестьянин обладает полем, которое он возделывает, ремесленник — инструментами, которыми он владеет как виртуоз»¹.

Мелкотоварный способ производства достигает своего наибольшего развития в период разложения феодализма, когда крепостное право ликвидируется в результате революционных восстаний крестьян. Этот способ производства таит в себе глубокое противоречие, которое ведет его к разложению и в известных исторических условиях создает предпосылки для развития капиталистических отношений.

Мелкотоварное производство, как и его носитель — мелкий товаропроизводитель имеет двойственную природу, вытекающую из двойственного характера труда товаропроизводителя. Труд последнего является общественным, поскольку все товаропроизводители работают друг на друга, связаны друг с другом на основе общественного разделения труда. С другой стороны труд мелкого товаропроизводителя является частным, поскольку в основе мелкотоварного производства лежит частная собственность на средства производства и продукты труда, разделяющая товаропроизводителей друг от друга.

¹ Маркс, Капитал, Партиздат, 1937, т. I, стр. 712.

Это противоречие между частным и общественным трудом порождает конкуренцию среди товаропроизводителей и ведет к их расслоению на богатых и бедных, эксплуататоров и эксплуатируемых. В недрах феодализма зарождается капиталистический уклад, который растет развивается и вступает в конфликт с феодальной системой производственных отношений.

Конфликт между новыми производительными силами, новым, капиталистическим укладом, сложившимся в недрах феодализма, и старыми, отжившими феодальными производственными отношениями находит свое выражение в обострении классовой борьбы прежде всего между помещиками и крепостными крестьянами.

Под влиянием роста рыночных отношений феодал всячески старался увеличить размеры собственного хозяйства и с этой целью обыкновенно присваивал себе земли, находившиеся у него в общем пользовании с крестьянами.

Вместе с усилением экономического гнета более тяжелыми становились и юридические формы зависимости. В условиях развивающегося товарного производства усиление эксплуатации вызывало крестьянские возмущения и бунты. Развитие национального хозяйства на базе роста товарных отношений создало почву для широких национальных крестьянских восстаний, охватывавших целые страны. В Италии в XIII в., в Англии и Франции в конце XIV в., в Богемии в XV в., в Германии в начале XVI в. происходили настоящие крестьянские войны. Эти восстания в конечном счете привели феодальную систему эксплуатации к гибели.

«Революция крепостных крестьян, — говорит товарищ Сталин, — ликвидировала крепостников и отменила крепостническую форму эксплуатации»¹. Однако плодами крестьянских восстаний воспользовалась буржуазия. Рабочий класс был еще слаб и неорганизован. Он не мог еще повести за собой крестьянство.

Окончательное торжество капитализма, превращение его из уклада феодального общества в господствующий способ производства было достигнуто в результате буржуазной революции.

На смену феодализму пришел капитализм.

(Окончание статьи следует)

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 527.

А. АРАКЕЛЯН

КАНДИДАТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК

«Итоги выполнения второго пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР» Госпланиздат, 1939, 158 стр., 95 000 экз., ц. 3 руб.

На XVII конференции ВКП(б) были утверждены директивы к составлению второго пятилетнего плана, а на XVII съезде — второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР. Основными задачами второй пятилетки являлись: «...окончательная ликвидация капиталистических элементов, преодоление пережитков капитализма в экономике и сознании людей, завершение реконструкции всего народного хозяйства на новейшей технической базе, освоение новой техники и новых предприятий, механизация сельского хозяйства и поднятие его продуктивности...»¹.

Товарищ Молотов в докладе на XVII съезде ВКП(б) о втором пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР, касаясь вопросов завершения технической реконструкции, подчеркнул, что необходимо: 1) осуществить техническое перевооружение всех отраслей народного хозяйства, обеспечивающее внедрение в кратчайший срок новейших технических достижений; 2) провести реконструкцию машиностроения, которая обеспечила бы удовлетворение собственными силами всех потребностей народного хозяйства в современном технически передовом оборудовании, при широком развитии новых видов производства; 3) завершить в основном механизацию всех трудоемких и тяжелых процессов в промышленности; 4) создать новую энергетическую базу для завершения реконструкции всех отраслей народного хозяйства и образования во всех энергетических узлах резервов мощностей, обеспечивающих бесперебойное электроснабжение народного хозяйства; 5) полностью ликвидировать отставание черной металлургии от общих темпов развития народного хозяйства, обеспечить особенно быстрые темпы развития и технического перевооружения цветной металлургии; 6) осуществить решающие сдвиги в развитии химической промышленности с тем, чтобы широко химизировать все отрасли народного хозяйства и укрепить обороноспособность страны.

Кроме того XVII съезд партии принял решение о всемерном развешивании производства важнейших отраслей легкой и пищевой промышленности и повышении на этой основе потребления масс в два-три раза.

Анализ и иллюстрация выполнения всех этих решений и директив партии по развитию

народного хозяйства СССР во второй пятилетке является содержанием рецензируемой книги. Она демонстрирует грандиозные успехи страны социализма за годы второй пятилетки. Она показывает, что народнохозяйственный план второго пятилетия не только выполнен, но и перевыполнен. В этой книге читатель найдет многочисленные конкретные данные по итогам второй пятилетки.

В результате успешного выполнения второго пятилетнего плана окончательно ликвидированы все эксплуататорские классы и полностью искоренены причины, порождающие эксплуатацию человека человеком не только в городе, но и в деревне. Труднейшая задача Великой Октябрьской социалистической революции — социалистическая переделка сельского хозяйства — завершена. Колхозный строй окончательно окреп. Товарищ Сталин в докладе о проекте новой Конституции Союза ССР подчеркнул, что «...социалистическая собственность на орудия и средства производства утверждена, как незыблемая основа нашего советского общества»¹.

К концу второй пятилетки в основном уже была осуществлена первая фаза коммунизма — социализм. В рецензируемой книге приведены данные, характеризующие безраздельное господство социалистической формы хозяйства во всех отраслях народного хозяйства. В 1937 г. удельный вес социалистической формы хозяйства во всех производственных фондах страны составлял 98,7%, во всем народном доходе — 99,1, в валовой продукции всей промышленности — 99,8%, в валовой продукции всего сельского хозяйства, включая личное подсобное хозяйство колхозников, — 98,6%, в розничном товарообороте — 100%. Эти цифры свидетельствуют о том, что в конце второй пятилетки социалистическая система хозяйства стала единственной системой во всех отраслях народного хозяйства СССР.

В результате социально-экономической перестройки страны изменился и классовый состав советского общества. В 1913 г. буржуазия составляла 15,9% всего населения дореволюционной России, крестьяне-единоличники, кулаки и ремесленники 65,1%, рабочие и служащие — 16,7% и прочие — 2,3%. За годы социально-

¹ ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, Партиздат, 1936, ч. II, стр. 591.

¹ Сталин. О проекте Конституции Союза ССР. Доклад на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде советов 25 ноября 1936 г., Партиздат, 1936, стр. 10.

экономического преобразования нашей страны ликвидирована буржуазия, а трудящиеся — рабочие, крестьяне, интеллигенция — глубоко изменились.

Пролетариат СССР стал совершенно новым классом, он превратился в рабочий класс, освобожденный от эксплуатации, имеющий в своих руках средства производства и обладающий государственной властью.

Новым классом стало и крестьянство СССР — классом, освобожденным от всякой эксплуатации. Огромнейшее большинство крестьян вступило в колхозы, где существует коллективная собственность на средства производства.

Изменилась также интеллигенция СССР. Вышедшая в большинстве своем из среды рабочих и крестьян, освобожденная от всякой эксплуатации, она служит социализму, служит народу.

В 1937 г. 34,7% всего населения СССР составляли рабочие и служащие, занятые в социалистическом хозяйстве, 55,5% — колхозники и кооперированные кустари, 4,2% — армия, учащиеся, пенсионеры и другие. Следовательно еще в 1937 г. 94,4% населения СССР работало в социалистическом хозяйстве или было тесно связано с ним. Вне сферы социалистической экономики оставалось всего 5,6% населения. Это — крестьяне-единоличники, некооперированные кустари и ремесленники, которых с 1937 г. в связи с вступлением в кооперативные хозяйства стало еще меньше.

Наряду с политической задачей второй пятилетки выполнена и главная хозяйственная задача — завершена техническая реконструкция всего народного хозяйства. В рецензируемой книге приведен обширный материал, посвященный этому вопросу. В 1937 г. более 80% всей промышленной продукции дали заводы и фабрики, построенные или целиком реконструированные за годы двух сталинских пятилеток. Превышение второго пятилетнего плана промышленности, в особенности по машиностроению, обеспечило техническое перевооружение не только промышленности, но и других отраслей народного хозяйства. «Большее 50% наличного (на 1 января 1938 г.) парка металлорежущих станков по всему народному хозяйству произведено за годы второй пятилетки; около 90% всех действующих в сельском хозяйстве тракторов и комбайнов произведено советской промышленностью за период второй пятилетки» (стр. 10). Товарищ Сталин в докладе на XVIII съезде ВКП(б) говорил: «...с точки зрения техники производства, с точки зрения насыщенности промышленности и земледелия новой техникой, наша страна является наиболее передовой в сравнении с любой другой страной»¹.

Второй пятилетний план промышленности выполнен досрочно — в 4 года 3 мес. Рост промышленной продукции за вторую пятилетку составляет 120,6% против 114%, предусмотренных планом, что дает среднегодовой прирост продукции 17,1%. «За годы второй пятилетки продукция промышленности СССР выросла больше чем в 8 раз по сравнению с 1913 г.

и в 4,3 раза по сравнению с 1929 г., в то время как промышленность капиталистических стран достигла в 1937 г. едва 102,5% от уровня 1929 г., а со второй половины 1937 г. под ударами нового экономического кризиса снова покатились вниз. В 1938 г. продукция всей промышленности СССР увеличилась по отношению к предыдущему году еще на 11,3%, в то время как в странах капитализма в 1938 г. промышленная продукция сократилась на 13,5% против предыдущего года и упала до 90,0% от уровня 1929 г.» (стр. 12).

В 1928 г. СССР занимал пятое место в мире по объему промышленной продукции, а в 1937 г., в результате выполнения двух сталинских пятилеток, наша страна по объему промышленной продукции обогнала Англию, Францию, Германию и вышла на первое место в Европе и на второе место в мире (после США). СССР сделал гигантский шаг вперед по пути к разрешению задачи — догнать и перегнать передовые в технико-экономическом отношении капиталистические страны.

Колоссальные успехи второй пятилетки, созданная передовая техника, несравненное превосходство в темпах роста производства составляют предпосылки для успешного решения в ближайшие 10—15 лет основной экономической задачи СССР: догнать и перегнать главные капиталистические страны по размерам продукции на душу населения.

В рецензируемой книге заслуживают особого внимания данные об освоении новой техники. В 1937 г. коэффициент использования домашних печей составлял 1,11 против 1,75 в 1932 г.; среднесуточный съем стали — соответственно 4,35 т против 2,12 т; расход условного топлива на районных электростанциях на 1 квтч — 0,62 против 0,77 кг. Вырос среднесуточный пробег вагона, увеличилась выработка на один трактор и на один комбайн и т. д.

Успехи в области освоения, новой техники нашли свое наиболее яркое отражение в огромном росте производительности труда. За второе пятилетие производительность труда выросла во всей промышленности на 82% против 63% по плану; по машиностроению — на 111,2% (план — 85%); в черной металлургии — на 126,3% (план — 100%); в строительстве — на 83% (план — 75%); на железнодорожном транспорте — на 47,9% (план — 43%).

Значительное превышение плана роста производительности труда за второе пятилетие объясняется созданием и освоением новой, совершенной техники и грандиозными успехами стахановского движения — этой высшей формы социалистического соревнования.

Особенно величественными становятся данные о росте производительности труда работников социалистического общества при сопоставлении их с динамической производительности труда в капиталистических странах. За период с 1919 по 1936 г. производительность труда (годовая выработка рабочего) в крупной промышленности США поднялась на 50%, или в среднем меньше, чем на 3% в год. В Англии с 1924 по 1936 г. она увеличилась всего на 5%, что составляет в среднем меньше, чем 0,5% в год.

¹ Сталин, Отчетный доклад на XVI съезде партии о работе ЦК ВКП(б), стр. 49.

За второе пятилетие значительно перевыполнен план производства зерна и хлопка. В 1937 г. было собрано на 1 млрд. пудов больше зерна и на 4 млн. ц больше хлопко-сырца, чем это намечалось по плану. Эти колоссальные успехи являются результатом укрепления колхозов и внедрения новой техники в сельское хозяйство. За вторую пятилетку было создано 3372 МТС. Технически перевооружены и еще больше укреплены совхозы, которые стали бесперебойно снабжать народное хозяйство продовольствием и сырьем. Значительно перевыполнен второй пятилетний план и по железнодорожному транспорту. План железнодорожных грузоперевозок выполнен в 4 года. Их объем в 1937 г. составил 354,8 млрд. т/км (по плану намечалось 300 млрд. т/км). В результате этих огромных успехов ликвидировано отставание железнодорожного транспорта от общих темпов развития народного хозяйства СССР.

Однако не во всех отраслях народного хозяйства была выполнена и перевыполнена вторая пятилетка. Так, рецензируемая книга показывает, что не выполнен план технического перевооружения хлопчатобумажной промышленности. Сорвано, по существу, дело создания постоянных кадров и использования механизмов в лесной промышленности. Вредители, орудовавшие в этой отрасли, причинили немалый ущерб.

В книге отмечается также «...невыполнение плана второй пятилетки по поголовью продуктивного скота и отставание племенного дела. Это отставание явилось результатом подрывной деятельности врагов народа, проводившейся путем разрушения кормовой базы, заражения скота, срыва случных кампаний и прямого отравления скота в колхозах и совхозах. Неблагоприятные метеорологические условия в 1936 г. были особенно широко использованы врагами народа для подрыва кормовой базы и злостного разбазаривания кормов, что и оказалось на замедлении темпов роста скота» (стр. 31).

Наконец, не выполнен второй пятилетний план и по водному транспорту.

Главной причиной отставания ряда отраслей от плановых заданий являлась подрывная деятельность врагов народа — троцкистов, бухаринцев и буржуазных националистов. Но было бы неверно отставание отдельных звеньев народного хозяйства объяснять только подрывной деятельностью врагов народа. Зачастую невыполнение плана является результатом плохой, неумелой работы наших хозяйственников, которые еще недостаточно усвоили большевистский стиль руководства.

Завершение технической реконструкции и выполнение больших производственных заданий требовали колоссальных капитальных вложений. За годы второго пятилетия в народное хозяйство было вложено 137,5 млрд. руб.¹ (против 50,5 млрд. руб. в первой пятилетке), из них в промышленность — 65,8 млрд. руб., в сельское хозяйство — 16,8 млрд. руб., в транс-

порт — 25,4 млрд. руб. За второе пятилетие построены сотни новых заводов, фабрик, электростанций, шахт и т. д.

В книге приведены данные об экономическом и культурном росте 11 союзных республик. Эти данные свидетельствуют о том, что равноправные народы СССР благодаря взаимной помощи и нерушимой братской дружбе развивают свое социалистическое хозяйство и социалистическую культуру. Читатель может найти в рецензируемой книге основные показатели роста 11 союзных республик за годы второй пятилетки.

С большим успехом выполнены задачи второй пятилетки и в области повышения материально-культурного уровня трудящихся СССР. За вторую пятилетку народный доход СССР вырос на 111,6% — с 45,5 млрд. руб. в 1932 г. до 96,3 млрд. руб. в 1937 г. (в ценах 1926/27 г.). Фонд заработной платы рабочих и служащих увеличился в 2½ раза, среднегодовая заработная плата — в 2 с лишним раза. За период 1934—1937 г. валовой доход колхозников вырос в 2,7 раза, выдача зерна по трудодням увеличилась на каждый колхозный двор с 6 в 1932 г. до 17,5 ц в 1937 г.

В огромной мере повысилось также потребление различных товаров и продуктов. Об этом свидетельствует рост товарооборота: в 1937 г. товарооборот государственной, кооперативной и колхозной торговли составлял 143,7 млрд. руб. против 47,9 млрд. рублей в 1932 г.

Одним из показателей подъема благосостояния трудящихся является рост культуры в стране. Число учащихся во всех начальных и средних школах СССР увеличилось за годы второй пятилетки с 21,3 млн. человек до 29,4 млн. человек. Количество учащихся вузов выросло с 504,4 тыс. человек в 1932 г. до 547,2 тыс. в 1937/38 г.

Совершенно противоположная картина в капиталистических странах. Там происходит процесс дальнейшего абсолютного и относительного обнищания трудящихся масс. По официальным данным, с 1925 до 1936 г. заработная плата рабочих в Германии уменьшилась на 21%, в Италии — на 18%, в США — на 14%. В 1932/33 г. число учащихся в вузах Англии, Германии, Франции, Италии и Японии, вместе взятых, составляло 453,6 тыс. человек, т. е. значительно меньше, чем в одном только СССР. В 1937/38 г. указанное число еще уменьшилось и достигло 420,7 тыс. человек (снижение на 7,3%). В странах капитализма подавляющая часть создаваемых трудящимися огромных богатств идет на паразитическое потребление эксплуататоров, на войны для расширения рынков капиталистов и т. д. На одном полюсе происходит рост безработицы, нищеты, пауперизма, а на другом — еще большее обогащение кучки эксплуататоров.

Показатели роста советской экономики, в частности итоги второй пятилетки, грандиозны. Но они становятся особенно величественными, если их сопоставить с показателями капиталистической экономики.

Рецензируемая книга должна быть настольным справочником экономистов, пропагандистов и всех, кто в той или иной мере изучает советскую экономику.

¹ За вычетом капитального ремонта и внеплановых затрат в народное хозяйство было вложено 114,7 млрд. руб.

«СССР и капиталистические страны». Статистический сборник технико-экономических показателей народного хозяйства СССР и капиталистических стран за 1913—1937 гг. Составил Я. А. Иоффе. Под редакцией Л. Я. Эвентова, Госпланиздат, 1939 г., стр. 330, ц. 9 р. 75 коп., тир. 10 000.

Советский читатель с удовлетворением встречает выход в свет статистического сборника технико-экономических показателей народного хозяйства СССР и капиталистических стран. Наши издательства, как известно, не балуют читателя выпуском подобной литературы. Надо поэтому всемерно приветствовать инициативу составителя сборника т. Я. А. Иоффе и его редактора т. Л. Я. Эвентова, подготовивших и выпустивших в свет интересный статистический сборник.

Ленин говорил, какое великое значение имеет всенародный контроль и учет в строительстве социалистического общества. Только в Советском Союзе государственная статистика не служит интересам капитала, только в СССР статистика превращается в подлинную науку, объективно отражающую реальную действительность.

Тем больше оснований у советского читателя сетовать на ЦУНХУ, который до сих пор не возобновил регулярной публикации статистических ежегодников. Огромные достижения Советского Союза на всех участках социалистического строительства не получают своевременно должного статистического освещения перед широкой читательской массой в специальной литературе.

Изданная недавно книга «Итоги выполнения второго пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР» является хорошим начинанием и отправным пунктом для налаживания продуманной регулярной публикации общих статистических ежегодников и др. Вышедший из печати до этого сборник «СССР и капиталистические страны» в свою очередь показывает, что мы могли бы хорошо наладить издание общих статистических сборников.

Рецензируемый сборник «СССР и капиталистические страны» ставит своей задачей «дать в систематизированном виде основной материал о путях и итогах развития страны социализма и капиталистических государств в свете борьбы двух систем — социализма и капитализма» (стр. III).

После Великой Октябрьской революции соревнование и борьба между социализмом и капитализмом заполняет всю историю человечества. Каковы итоги этого соревнования на сегодня, каковы результаты этой борьбы? Вот вопрос, который интересует каждого вдумчивого читателя, особенно в капиталистических странах.

Экономически грамотное сопоставление статистических данных об СССР и капиталистических странах представляет большие трудности. Они вытекают прежде всего из различий в методологии статистических исчислений в СССР и в капиталистических странах. Надо

также отметить, что буржуазная статистика, особенно в фашистских государствах, обычно фальсифицирует данные, особенно касающиеся уровня жизни народных масс, например данные о заработной плате, о безработице, о народном доходе и т. д.

Статистические материалы рецензируемого сборника открываются таблицей, содержащей интересные сводные показатели о победе социализма в СССР. Этой таблице противопоставлены данные об основных показателях развития народного хозяйства в США, Англии, Германии и Франции.

Уже первые таблицы сборника говорят об огромных преимуществах советского хозяйства перед хозяйством капиталистическим. Народное хозяйство СССР по сравнению с довоенным периодом сделало гигантский шаг вперед, а народное хозяйство капиталистических стран продолжает топтаться, как отметил товарищ Сталин на XVIII съезде партии, вокруг довоенного уровня. Народный доход СССР составил в 1937 г. 458,6% к уровню 1913 г., основные фонды промышленности — соответственно 792,6%, валовая продукция промышленности — 816,4%, годовая производительность труда в промышленности — 335,3%, валовая продукция сельского хозяйства — 157,2% и т. д. В США — этой наиболее развитой капиталистической стране — народный доход в 1936 г. составлял 130% к 1913 г., объем промышленной продукции — 156,9% (1937 г.), индекс объема сельскохозяйственной продукции в 1937 г. — 98,9% к 1929 году, годовая производительность труда — 146,2% к 1913 г., индекс выплаченной заработной платы в обрабатывающей промышленности — 89,8% к 1929 г. и т. д. В Англии объем промышленной продукции в 1937 г. составлял всего лишь 121,9% к уровню 1913 г., годовая производительность труда в промышленности в 1937 г. — 134% к 1928 г. и т. д. В целом производство крупной промышленности капиталистического мира в 1937 г. составило 149,4% к уровню 1913 г., в то время как советская промышленность в этот период превысила довоенный уровень более, чем в 8 раз.

Удельный вес СССР в мировой промышленной продукции поднялся с 2,6% в 1913 г. до 13,7% в 1937 г., в мировом грузообороте — с 9,3% до 28,9% (1935 г.) и т. д. СССР прочно занял по объему промышленной продукции первое место в Европе, перегнав Францию, Англию и Германию, и успешно догоняет США. Две системы — две линии мирового развития: быстрое развитие социализма, с одной стороны, и загнивание капитализма, с другой. В историческом соревновании двух систем все ярче раскрываются

преимущества социалистической системы хозяйства.

В рецензируемом сборнике собран разнообразный статистический материал, показывающий эти две линии мирового развития. Сборник состоит из четырех больших разделов: 1) сводный раздел, 2) промышленность, 3) сельское хозяйство, 4) транспорт и связь.

Фактический материал доведен в большинстве случаев до 1937 г., местами — до 1936 г. В некоторых случаях, особенно по капиталистическим странам, цифры не доведены до указанных годов. По ряду вопросов, касающихся советского хозяйства, цифры рецензируемого сборника не совпадают со статистическими данными, опубликованными после выхода в свет сборника. Однако это расхождение в цифрах нельзя ставить в вину составителям сборника, ибо это объясняется позднейшим уточнением статистических данных.

Вопрос о борьбе двух систем приобретает новый интерес в связи со вступлением СССР в новую полосу развития — в период завершения строительства бесклассового социалистического общества и постепенного перехода к коммунизму. Борьба двух систем поднялась на новую ступень. Рецензируемый сборник дает богатый материал для сравнительного изучения статистических материалов, касающихся экономики СССР и капиталистических стран.

Однако в сборнике не нашел освещения вопрос о размере производства на душу населения, за исключением данных из тезисов товарища Молотова, приведенных в предисловии сборника. В сборнике, в котором дано много интересных таблиц, мы можем встретить только два раза исчисление на душу населения. На стр. 81 дается лишь динамика народного дохода на душу населения в СССР, США, Германии и Франции за 1928—1937 гг. по сравнению с 1913 и 1928 гг. В то время как народный доход на душу населения в СССР неуклонно и быстро растет, в капиталистических странах наблюдается топтание на месте и даже падение. Народный доход на душу населения в СССР составлял в 1937 г. 375,8% к уровню 1913 г., а в США — 98,4% (1936 г.), в Германии — 91,9% (1935 г.), во Франции — 90,8% (1934 г.). На стр. 101 сборника показано количество населения на одну торговую единицу в СССР и в Соединенных Штатах.

Известную настороженность вызывают ценностные расчеты составителя сборника. Различия в природе и уровне цен у нас и в капиталистических странах создают огромные трудности при сравнении в ценностном выражении нашего хозяйства с хозяйством капиталистических стран. К сожалению, составитель сборника не показывает, как он

преодолеет эти трудности, поэтому читатель не может иметь суждения, насколько правильно автор выполнил свою задачу. В предисловии к сборнику составитель и редактор ограничиваются следующим ничем не говорящим читателю местом относительно методологии сравнения уровня промышленной продукции в СССР и в капиталистических странах в ценностном выражении. «Для исчисления сопоставимого объема промышленной и сельскохозяйственной продукции капиталистических стран (см. табл. на стр. 8 и 9) для данной работы были разработаны специальные индексы, учитывающие различия в уровне цен и позволяющие исчислить объем промышленной и сельскохозяйственной продукции в сравнимых рублях. Эти индексы были исчислены путем составления для ряда отраслей промышленности и сельского хозяйства специального индекса цен. На основе этих частных индексов и удельного веса отраслей в продукции был составлен общий индекс цен отдельно для промышленности и сельского хозяйства» (стр. XV).

Правда, в ряде случаев итоговые ценностные расчеты авторов подкрепляются сравнительными данными по отраслям хозяйства, исчисленными в натуральном выражении. Например, уровень годовой выработки на 1 рабочего в СССР в 1936 г. составляет по всей промышленности в неизменных сопоставимых рублях 37% от уровня США (1929 г.); годовая добыча каменного угля на 1 рабочего в натуральных единицах составляет соответственно 38,8%, годовая выработка хлопчатобумажных тканей на 1 рабочего — 37,3%, выплавка чугуна на 1 рабочего — 37% и т. д. По ряду других таблиц сопоставление суммарных данных в ценностном выражении и отраслевых материалов, подсчитанных в натуре, приводит приблизительно к одним и тем же заключениям. Но все же отраслевые материалы при таком сопоставлении являются не более чем иллюстрациями, и читателю предлагается лишь возможность либо принять ценностные исчисления на веру, либо отвергнуть их. И в этом отношении автор сборника и его редактор заслуживают безусловного упрека.

Можно было бы отметить еще ряд частных недостатков рецензируемого сборника. Но при всем том книга несомненно представляет большой интерес для научных работников, хозяйственных руководителей, преподавателей, пропагандистов и других работников, интересующихся конкретными данными, необходимыми для анализа народного хозяйства СССР и капиталистических стран. Советский читатель получил интересный и полезный статистический справочник, подводящий итоги борьбы двух систем за двадцать лет.

И. МИХЕЕВ

КАНДИДАТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК

Замечательная книжка

И. Гудов. Депутат Верховного Совета СССР. «Путь стахановца». Рассказ о моей жизни. Госуд. социально-экономическое издательство, 1938 г., стр. 136, тир. 20 000 экз., ц. 3 р. 60 к.

Читая волнующие страницы биографии т. Гудова, каждый вдумчивый читатель всей логикой фактов неизбежно подводится к единственному выводу: только в стране социализма возможны такие чудесные превращения, о которых повествует книжка т. Гудова, такой расцвет человеческой личности, народных талантов. С большим интересом будет прочитана эта книга широкими кругами советских читателей, которые увидят в ней яркий документ, раскрывающий рост кадров нашей социалистической родины.

Большую школу жизни прошел т. Гудов. Он испытал на себе трудности наемного труда у деревенского кулака, работал на торфяных разработках, шуровщиком-истопником в Орехово-завеском театре, воспитателем в колонии беспризорных. Ленинский комсомолец помог т. Гудову выйти на верный путь. Началом расцвета его сил являются первые годы второй сталинской пятилетки в Москве, на станкостроительном заводе им. Серго Орджоникидзе. Условия работы на социалистическом предприятии превратили т. Гудова, мастерски овладевшего вершинами новой техники, в передового борца за коммунизм.

Серьезную учебу т. Гудов начал только в 1934 г. Работая в качестве чернорабочего, он быстро освоился с делом, и на второстепенном участке (уборка деталей) сумел проявить себя ударником-рационализатором. В короткое время благодаря организованности труда и вдумчивому отношению к делу он уже выполнял работу, которая раньше требовала трех чернорабочих.

Будучи еще чернорабочим-«обученцем», т. Гудов вечерами учился работать у станка. Здесь уже сказались его пытливость стахановца, враждебность к рутине и косности. Для своей практики т. Гудов считал ночные смены самым лучшим временем. «Никто не докучает, никто не мешает подумать, поразмыслить и попробовать сделать деталь иначе, чем записано в технологической карте,— быстрее, лучше» (стр. 25).

С целью осуществления своей мечты — стать квалифицированным рабочим — т. Гудов поступает на курсы револьверщиков. Руководитель курсов заметил прилежание и способности новичка и перевел его на курсы фрезеровщиков.

В феврале 1935 г. т. Гудов занял место у станка. Глубоко и всесторонне изучая технику производства и опыт других производственников, он сразу же обратил внимание на то, что отдельные, даже передовые, рабочие расматривали технологические карты как закон, не подлежащий критике.

В сентябре 1935 г. т. Гудов установил свой первый рекорд, выполнив норму на 410%.

Первые успехи т. Гудова, перевыполнение им плана, были встречены некоторыми отсталыми рабочими с тревогой.

Вредители, пробравшиеся к руководству заводом, продолжали в то время творить свое гнусное дело, пытались сорвать выполнение плана. На совещании отличников у директора завода проповедывалась вредительская формула, противопоставлявшая количественную выработку требованиям качества. Следуя указаниям товарища Сталина в речи на выпуске академиков Красной армии об овладении техникой, т. Гудов дал обещание выполнять норму на 175% и сдать работу на «отлично». Но вредители и оказавшиеся в плену у врагов народа бюрократы не пожелали даже напечатать в многотиражке эту цифру. 175% они исправили на 115%. Тов. Гудов вначале считал это опечаткой, но впоследствии убедился в обратном. В редакции многотиражки его стали поучать: «Вы еще молодой рабочий и очень легко даете невыполнимые обещания» (стр. 27).

На втором совещании у директора, рассказывает т. Гудов, он выступил и заявил, что можно давать и количество и качество. Здесь же он взял на себя обязательство давать две нормы. Вредительское руководство пыталось замаять выступление т. Гудова, но этого сделать не удалось. На совещании присутствовал представитель Наркомтяжпрома, который затем информировал обо всем т. Орджоникидзе. «Товарищ Орджоникидзе всем этим заинтересовался,— пишет т. Гудов.— С этого дня я, сам того не зная, нашел в лице товарища Серго заботливого руководителя и защитника» (стр. 27).

Почти т. Стаханова некоторые на станкозаводе им. Серго Орджоникидзе оценили крайне своеобразно, утверждая, что подобные рекорды возможны только в угольной промышленности. В машиностроении, мол, дело сложнее. Но находились и такие, которые считали вполне применимым метод Стаханова в машиностроении. Вот как описывает т. Гудов свой первый стахановский рекорд 13 сентября 1935 г. «В ту ночь я фрезеровал чугунные запорные крышки. По технологическому процессу полагалось фрезерование паза производить в два прохода, режим был такой — скорость резания 16 м/мин. и подача 21 мм/мин. Я фрезеровал в один проход, скорость увеличил до 27 м/мин., а подачу — до 84 мм/мин. Хотя я все это делал за свой страх и риск, но я был спокоен и уверен в успехе» (стр. 28—29).

Вопреки сопротивлению вредителей, пробравшихся к руководству, вопреки зубоскальству бюрократов и рутинеров, плетущихся в хвосте у вредителей, была пробита брешь,

положено начало стахановскому движению на станкостроительном заводе им. Серго Орджоникидзе.

Используя метод т. Гудова, и другие рабочие-отличники стали давать высокие, стахановские выработки, опрокидывая нормы, рассчитанные на остальные кадры. Вот что пишет по этому поводу т. Гудов: «В качестве идола, которому все поголовно должны были на заводе поклоняться, был выставлен так называемый «иностранный опыт». То, что делали или предлагали немецкие мастера и инженеры (многие из которых оказались агентами германской фашистской разведки), нельзя было даже критиковать. В нормах выработки было предусмотрено 20% времени на разные потери. Когда рабочий пытался жаловаться на очереди в инструментальной или другие неполадки, ему обычно тыкали этими двадцатью процентами» (стр. 30).

Указаний на неполадки администрация не принимала. Тов. Гудов рассказывает о конфликте между ним и мастером-наладчиком немцем, «которому платили золотом» (стр. 31). Дело кончилось тем, что т. Гудова обвинили в... хулиганстве и уволили с завода, но потом снова приняли.

Стремясь сорвать стахановское движение на заводе, враги запутывали планирование. «Все средства пускались для того, чтобы заставить рабочего по несколько раз в день переналаживать станок, чтобы создать новые и новые причины для простоев» (стр. 31).

Тов. Гудов подробно рассказывает в своей книге о Первом всесоюзном совещании стахановцев, о выступлении руководителей партии и правительства, об исторической речи товарища Сталина на этом совещании. Характерно, что вредительское руководство завода даже в этот момент пыталось «обрабатывать» т. Гудова, чтобы он «не выносил сора из избы», не создавал «превратного впечатления» о заводе.

С особенной теплотой т. Гудов описывает момент выступления товарища Сталина: «В зале стало тихо. Ровным, спокойным голосом говорил товарищ Сталин. Каждое слово его речи глубоко входило в сознание» (стр. 38).

На совещании стахановцев т. Гудов дал товарищу Сталину обещание выполнить на своем станке норму на 1 000 процентов. 30 ноября это обещание было значительно перевыполнено: т. Гудов дал 1 430% нормы. В декабре 1935 г. т. Гудов, в числе других передовиков-стахановцев, был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Особый интерес представляет описание т. Гудовым метода его работы. Невиданные рекорды производительности труда, оставившие далеко позади американские нормы, являются результатом того, что т. Гудов овладел культурой производства, правильно организовал рабочее место, решительно ликвидировал все непроизводительные затраты времени, использовал резервные возможности станка. Наряду с применением приспособлений для одновременной обработки многих деталей т. Гудов добился использования не только рабочего, но и холостого хода станка. В процессе устранения холостого хода т. Гу-

дов применил метод обратного фрезерования, который ускоряет обработку деталей. Совершенствуя свои методы, т. Гудов перешел к работе одновременно на двух 8-фрезерных станках.

Первым условием высокой производительности труда т. Гудов считает правильную организацию рабочего места. Вокруг станка должно быть чисто. Детали должны лежать в порядке, а не грудой. Гумба, в которой хранятся инструменты, содержится у т. Гудова также в образцовом порядке. Ключи отпозированы. «Все это... зачатки культуры рабочего места» (стр. 52). Наводя порядок у себя, т. Гудов всячески пропагандировал это среди рабочих завода.

«Но все это азы. Главное — учеба» — подчеркивает т. Гудов. «Чем глубже я изучаю станок, тем все большие и большие в нем силы обнаруживаю» (стр. 54).

Тов. Гудов приводит выдержку из речи т. Андреева на декабрьском пленуме (1935 г.) ЦК ВКП(б), где характеризуется метод его работы: «Тов. Гудов изменил технологию процесса обработки:

а) работает двумя фрезерами вместо одного, б) устанавливает одновременно шесть деталей (запорная крышка) вместо одной, в) работает на скорости резания в 34 метра в минуту вместо 20 метров в минуту по норме» (стр. 54). Применяя этот метод, т. Гудов при обработке запорной крышки в коробке скоростей револьверного станка перевыполнил норму тарифно-нормировочного бюро на 1 430 процентов!

«Мой принцип, — пишет т. Гудов, — не терять ни одной секунды во время работы. Чтобы этого достичь, я заранее планирую до мельчайших подробностей свое время и закрепляю его за определенными рабочими приемами. Такое распределение времени обеспечивает максимальную производительность» (стр. 55).

В книге показано, как враги, подделываясь под друзей стахановского движения, стремились дискредитировать и тормозить его, распространяя гнусную «теорию», что якобы стахановское движение кончилось, опыт уже обобщен в новых нормах. Эту гнусную, контрреволюционную ложь т. Гудов опровергнул делом: в июне 1936 г. он в течение одной смены обрабатывал 4 различные детали и тем не менее, сделав 4 переналадки, дал 650% новой нормы!

Совершенствуя свои методы работы, т. Гудов 7 декабря 1937 г. добился выполнения новой нормы на 4 582%, а 23 декабря 1937 г. — на 9 050%! Таких успехов он добился с помощью передовиков-инженеров.

С целью широкого распространения опыта работы т. Гудова Экономсовет при Совнаркоме СССР заслушал его доклад. Присутствовавшие на совещании товарищи Молотов и Хрущев особо подчеркнули огромную роль инженерно-технических работников в борьбе за массовость стахановского движения. Тов. Каганович указал, что необходимо бороться за культуру труда, за организацию рабочего места и т. п.

Стахановское движение, пишет т. Гудов, тогда достигает цели, когда становится массовым движением, а не отдельными рекордами одиночек.

Тов. Гудов рассказывает о работе своей бригады, представляющей, по сути дела, школу стахановских методов. Была намечена конкретная программа работы бригады, условия организации и обслуживания рабочего места, установлен план пересмотра технологических процессов на ряд деталей. Бригада внесла большое количество рационализаторских предложений, в частности по ее предложению были изготовлены различные приспособления для одновременной обработки нескольких деталей. За один только второй квартал 1938 г. было изготовлено 80 таких приспособлений.

С целью развития стахановского движения и поднятия производительности труда т. Гудов передает свой опыт рабочим других предприя-

тий. Он побывал на всех крупнейших машиностроительных заводах Москвы, Ленинграда, Украины и т. д., где помогал устранять обнаруженные недостатки, знакомил рабочих со своими методами работы.

Стахановская практика, внесшая поправки в разного рода технологические нормы, требует серьезного исследования. Нельзя ограничиваться только описанием опыта отдельного предприятия. «Нужны обобщения, нужен анализ большой работы, проделанной стахановцами» (стр. 84). Тов. Гудов обращается к советским ученым с призывом теснее держать связь со стахановцами, серьезно изучать методы их работы, как учит этому товарищ Сталин.

Рецензируемая книга очень полезна не только для рабочих-стахановцев, машиностроителей, для которых она имеет специальный интерес, но и для работников научного фронта, по-серьезному изучающих стахановское движение.

Л. ГЕЛЬЗИН

Н. М. Николаевский, Вопросы экономики нефтяной промышленности СССР. Исторический очерк, Главная редакция технико-экономической литературы ГОНТИ, М., 1938 г.

Утверждено ГУУЗ НКТП в качестве учебного пособия для студентов нефтяных вузов и техникумов.

Работа выполнена в Институте экономики Академии наук СССР под редакцией акад. С. Г. Струмилина.

В речи на совещании работников высшей школы т. Молотов вскрыл основные недостатки в работе высшей школы, устранение которых послужит делу коренного улучшения высшего образования. Решающая задача, указал т. Молотов, «заключается в том, чтобы обеспечить высшую школу хорошими учебниками, достойными нашего великого дела, дела социализма»¹. Это обязывает относиться с особым вниманием ко всякой попытке создать полезные высшей школе учебники и учебные пособия.

Рецензируемая работа т. Николаевского Н. М. не является учебником по экономике социалистической нефтяной промышленности для нефтяных вузов. Она издана в качестве учебного пособия по вопросу о развитии нефтяной промышленности СССР.

Автор обстоятельно останавливается на процессах создания этой отрасли и ее технической реконструкции, на качественных показателях по отдельным этапам развития нефтяной промышленности. Автор фиксирует внимание на конструкции скважин как важнейшем моменте технического перевооружения, имеющем крупное экономическое значение. Специальные главы посвящены вопросам труда и стахановскому движению. В работе дан анализ динамики производительности труда на отдельных этапах развития социалистической нефтедобывающей промышленности и

наглядно показан ее огромный рост. Уже в 1936 г. затраты труда на 1 т нефти (включая труд всех рабочих нефтяных промыслов) снизились по сравнению с 1913 г. в 4,2 раза.

В книге приведены материалы, показывающие исключительное внимание, которое уделял Ленин восстановлению — разрушенной нефтяной промышленности, в частности делу снабжения Баку необходимыми техническими материалами и природоольствием (стр. 45—46).

Автор показал также перелом в работе бакинских нефтяных промыслов, который произошел после того, как во главе Бакинской партийной организации стал С. М. Киров — верный соратник Ленина и Сталина.

К достоинствам работы т. Николаевского как учебного пособия необходимо отнести и то, что он подробно останавливается на некоторых экономических проблемах нефтедобывающей промышленности, в частности на проблеме амортизации буровых скважин. Автор выявляет средний срок жизни скважин в СССР и США, что имеет несомненно научное и практическое значение.

Но рецензируемая работа не лишена и весьма существенных недостатков. Книга начинается главой, посвященной нефтедобывающей промышленности до ее национализации. Глава эта страдает известным схематизмом и дает весьма скудное представление об этом этапе развития нефтедобывающей индустрии.

Известно, что техническая реконструкция нефтяной промышленности имела свои особенности, определявшие, в частности, более вы-

¹ Молотов, О высшей школе. Речь на Первом всесоюзном совещании работников высшей школы 13 мая 1938 г., Госполитиздат, 1938, стр. 13.

сокие темпы технического перевооружения этой отрасли по сравнению с другими отраслями промышленности, а также с нефтеперерабатывающим производством. Автор же совершенно не останавливается на этих особенностях.

Тов. Николаевский проявляет известную недооценку таких факторов ускорения проходки скважин, как работа ротора и насоса, между тем стахановцы бурения добились высоких показателей благодаря повышению скорости вращения ротора до 150—200 оборотов в минуту вместо установленных 60—70 оборотов. В Калифорнии для ускорения проходки в настоящее время доводят вращение ротора до 400—450 оборотов в минуту¹.

Автор почему-то не разграничил развития нефтяной промышленности в первой и второй пятилетках. А это помешало ему вскрыть причины отставания нефтедобычи во второй пятилетке. В книге даже не упоминается об историческом постановлении ЦК ВКП(б) о нефти от 15/XI 1930 г. Между тем в этом постановлении были отмечены весьма серьезные недостатки и поставлен перед нефтяной промышленностью ряд конкретных задач (ускорение бурения, разведка новых нефтяных районов, ликвидация диспропорции между добычей и переработкой, создание нефтяного машиностроения и др.), которые имели актуальное значение и во второй пятилетке и не потеряли своей ценности в настоящее время.

Наконец, автору следовало бы фиксировать внимание читателей-студентов на авариях в организационных простотах, которые, как подчеркнуто в приказах товарища Л. М. Кагановича, продолжают оставаться бичем бурения².

Освещая вопросы технической реконструкции нефтедобывающей промышленности, автор не показывает классовой борьбы вокруг ряда решающих вопросов развития нефтяного производства, совершенно не упоминает о созданной в результате вражеской работы диспропорции между добычей и переработкой нефти. В учебном пособии нельзя было также обходить такие вопросы, как классовая борьба и имевшее место вредительство при переходе, например, на глубоконасосный способ эксплуатации.

Совершенно недостаточно внимания уделит автор разоблачению вредительских «теорий» о «пределах» в использовании бурового оборудования.

Освещение вопросов труда на нефтяных промыслах в годы первой и второй пятилеток автор начинает со структурных изменений в составе рабочей силы, динамики среднемесячной заработной платы и улучшения культурных и материально-бытовых условий рабочих. После этого автор переходит к организации труда на промыслах. Нельзя, разумеется, претендовать на то, чтобы в данной работе были подробно освещены все связанные с этим вопросы. Но все же основные моменты организации, влиявшие на ход освоения техники и динамику производительности тру-

да, необходимо было безусловно подвергнуть тщательному анализу. К таким вопросам относятся и система оплаты труда, в практике которой был ряд крупных недостатков и извращений (в частности на бурении). Надо было ознакомить читателей с действующей системой заработной платы и наметить хотя бы основные линии ее перестройки. Автор же пошел по другому пути — он бегло изложил действующие системы оплаты труда, не подвергнув их критическому анализу и ограничившись лишь следующим замечанием: «было бы ошибочно считать, что в области организации заработной платы в бурении работа уже доведена до конца и остатки уравниловки уже окончательно уничтожены» (стр. 140). Автор выбрал чрезмерное количество «важнейших моментов», в результате чего он сам вынужден был признать: «Мы, исходя из поставленных перед нами задач, были в состоянии лишь бегло остановиться на важнейших моментах организации. Любой из перечисленных нами вопросов настолько важен, что должен стать особой темой исследования» (стр. 147). Такой стиль изложения и такая аргументация мало подходят для учебного пособия.

Стахановскому движению на нефтяных промыслах посвящена пятая глава рецензируемой работы. Автор правильно отмечает, что «на нефтяных промыслах стахановское движение развивалось неравномерно: раньше в бурении (с конца 1935 г.), позднее в подсобных производствах (1936 г.), позднее и медленнее в эксплуатации скважин (1936 г.)» (стр. 148). Но следовало бы указать, что это неравномерное развитие происходило не без участия врагов народа, прорабшихся к руководству работой нефтяных промыслов и всячески тормозивших развитие стахановского движения.

В дальнейшем изложении автор подробно останавливается преимущественно на рекордных показателях, достигнутых лучшими стахановцами нефтяных промыслов¹. Правда, он пытается также обобщить опыт лучших стахановцев, устанавливая несколько важнейших особенностей стахановской организации труда, выражающихся в рациональном режиме работы бурового и эксплуатационного оборудования, в максимальном использовании техники бурения и эксплуатации, создании сквозных бригад в эксплуатации и др. Но все же три четверти этой главы посвящены знакомству читателей с рекордными показателями отдельных стахановцев. Между тем, как известно, основная задача заключается в развитии массового стахановского движения, важнейшие вопросы которого и надо было осветить.

Автор уделяет недостаточно внимания анализу показателя полной цикловой скорости. Между тем ускорение цикла бурения является сейчас важнейшей задачей, поставленной товарищем Л. М. Кагановичем перед нефтяниками.

В книге совершенно не показана роль командиров производства в развертывании стахановского движения.

¹ Petroleum Engineer Midyear, 1938.

² Приказ НКТП № 378 от 13/IX 1930 г. и приказ Наркомтоппрома № 36 от 4/III 1939 г.

¹ Кстати, об этих рекордах в разное время сообщалось в печати.

Наибольший интерес представляет заключительная глава, посвященная производительности труда на нефтяных промыслах СССР. Однако и эта глава не лишена недостатков. Так, автор отрицает значение поправочных коэффициентов на глубины и диаметры скважин не только при учете, но и при анализе производительности труда. Объясняет автор это тем, что за исследуемый им период рост средней глубины скважин компенсируется уменьшением их диаметров. Но это весьма неубедительно. В самом деле, если считать технические и организационные условия неизменными, то вряд ли сам автор станет утверждать, что при равном объеме скважин (в 300—400 и 1 100—1 300 м) трудоемкость их, с учетом и крепости пород, будет одинаковой. Поэтому неправ автор, представляя проходку в метрах на одного работника как наиболее совершенный показатель производительности труда в бурении (стр. 180). Следовало бы, наоборот, подчеркнуть условный характер этого показателя.

К недостаткам последней главы работы необходимо также отнести то, что автор не подкрепляет никакими данными некоторые свои весьма важные выводы. Так, автор не приводит абсолютно никаких данных в подтверждение своего вывода о том, что СССР по уровню производительности труда в бурении не только приблизился к США, но и «вступает ныне в решающую фазу — фазу перекрытия уровня США (??) и достижения по производительности труда первого места в мире» (стр. 196). Между тем фактические данные об объеме бурения и количестве рабочих в СССР и США заставляют прийти к обратным выводам. В 1937 г. в СССР было пробурено 1 827 скважин и пройдено 1 908,17 тыс. м, а в США в том же году пробурено 29 014 скважин и пройдено 28 117 520 м, т. е., примерно, в 16 раз больше, чем в СССР. Хотя мы не располагаем точными данными о количестве рабочих, занятых в США в бурении, но, пользуясь данными планового и координационного комитета, на которые ссылается и автор рецензируемой работы, мы можем условно принять, что из 151 тыс. работников (включая и служащих), которые были заняты в бурении и добыче в 1934 г., непосредственно на бурение приходится 80 тыс. чел.¹ В СССР в 1937 г., по данным Главнефтедобычи, в бурении числилось всего персонала, примерно, 25 тыс. чел. Таким образом, если по объему производства в бурении мы отстаем от США, примерно, в 16 раз, то по количеству занятых работников — всего, примерно, в 3,5 раза. Несмотря на некоторую условность наших расчетов, можно все же с уверенностью сказать, что мы еще значительно отстаем от США по уровню производительности труда в бурении. Вместо самоуспокоения, вместо утверждения, что мы уже догнали США, автор поступил бы правильнее, если бы мобилизовал наших нефтяников на дальнейший подъем производительности труда, чтобы в ближайший период действительно догнать

и перегнать США. Для этого мы располагаем всеми возможностями.

Большие сомнения вызывает таблица № 38 (стр. 211), в которой автор сравнивает производительность труда на нефтепромыслах Баку и США. Прежде всего необходимо сделать упрек автору, что он сравнивает данные по нефтепромыслам США только с промыслами Баку, а не по всему СССР. Кроме того, располагая данными о количестве рабочих и технического персонала в добыче и бурении США, автор следовало бы при сравнении уровня производительности труда оперировать такими же данными по Баку. Из таблиц № 36 и 34 можно заключить, что в добыче и бурении Баку в 1936 г. было занято всего персонала 31 710 чел., включая и служащих. Между тем в таблице № 38 показано, что рабочих и технического персонала в бурении и добыче было занято всего 17 553 чел. Такой разрыв вызывает серьезные сомнения, так как автору следовало для сравнения с США из 31 710 чел. исключить только служащих, а число их не могло составить половины всего персонала, занятого в бурении.

Необходимо также указать на некоторые общие недостатки рецензируемой работы. При анализе динамики производительности труда в нефтедобывающей промышленности автор пользуется исключительно материалами бакинских нефтяных промыслов и вовсе не упоминает или упоминает вскользь другие нефтяные районы, в особенности восточные. В книге не освещены геолого-разведочные работы, являющиеся одним из важнейших условий развития нефтедобывающей промышленности.

Имеющийся в работе большой фактический материал недостаточно систематизирован и представлен в значительной части в сыром виде.

В книге встречаются опечатки и небрежные формулировки. Так, например, автор пишет: «Состояние промыслового хозяйства и производительность труда на промыслах в год создания социалистической нефтяной промышленности (?) определелись под влиянием ряда политико-экономических моментов» (стр. 5, подчеркнуто нами), к которым автор относит капиталистический характер развития нефтяной промышленности, участие иностранного капитала в добыче нефти и др. (стр. 5—6). В данном случае имеет место крайняя небрежность. Говоря о годе создания социалистической нефтяной промышленности, автор имел, очевидно, в виду период национализации этой отрасли. Между тем приведенные им политико-экономические моменты характеризуют нефтяную промышленность дореволюционной России.

Несмотря на серьезные недостатки, на которых мы преимущественно остановились в нашей рецензии, появление книги т. Николаевского следует считать своевременным. Автором проделана большая работа по анализу производительности труда в нефтедобывающей промышленности. Обширный материал, собранный и обработанный автором, несомненно будет использован в дальнейшем при создании учебника по экономике социалистической нефтяной промышленности.

¹ Данные по СССР нами позаимствованы из материала Главнефтедобычи, а по США — из журнала «Oil Weekly» 31/1 1938 г.

² American Petroleum Industry, N. J. 1935.

А. ПЕТРОВ

Негодная книга по статистике

В. Т. Евдокимов, Краткий курс статистики, Госпланиздат, 1939, 184 стр., 10 000 экз., ц. 3 р. 50 к.

Теория статистики социалистического хозяйства есть общественно-экономическая наука. Всякая попытка спростить эту теорию помимо марксистско-ленинского экономического учения заранее обречена на неудачу. К сожалению, в нашей учебной литературе наибольшее распространение получило формально-математическое направление, неизбежно связанное с «теорией отмирания» статистики при социализме. Это направление рассматривает теорию статистики социалистического общества в качестве раздела «общей теории статистики», устанавливающей особые «статистические закономерности» для всех явлений в природе и обществе.

Закон больших чисел как основная предпосылка и метод анализа всех явлений, исследование поведения абстрактных количественных множеств вместо конкретного социально-экономического анализа статистических данных, «схоластический» характер всех показателей статистики — вот, в основном, концепция формальной школы. Отсюда чисто математический характер большинства наших учебников по статистике, отсутствие в них таких кардинальных вопросов, как анализ выполнения плана и др., и почти полная непригодность этих учебников к использованию в практической работе экономистов-статистиков и плановиков. Это касается и рецензируемого учебника.

«Краткий курс статистики» включает следующие главы: I — Предмет статистики; II — Статистическое наблюдение; III — Статистическая сводка. Таблицы; IV — Графический метод в статистике; V — Средние и относительные величины; VI — Вариационный ряд; VII — Выборочный метод; VIII — Индексы; IX — Ряды динамики и X — Измерение связи.

Курс предназначается, как указано в авторском предисловии, в качестве учебного пособия для техникумов. Содержание курса (что отчасти можно видеть из перечня глав) представляет собою сокращенное изложение «больших» учебников по так называемой общей теории статистики.

Книга дает учащимся и практическим работникам необходимые сведения о важнейших элементарных приемах технической обработки конкретных данных, т. е. о том, что можно назвать вычислительной техникой. Сюда относится техника вычисления средних, индексов, построение кривых, графические методы в статистике и т. д. Автор полагает, однако, что этот курс дает вместе с тем и теорию статистики. Подмена теории статистики технико-математическими приемами обработки конкретных данных является коренным недостатком этого учебника.

Бесспорно, что статистика социалистического общества должна использовать весь арсенал технических средств, в том числе и ма-

тематику. Однако последняя не может явиться методологической основой статистики. Таковой основой может быть только экономическая теория.

Рецензируемая работа В. Т. Евдокимова целиком повторяет все ошибки формально-математической школы. Тщетно было бы искать в этой книге, предназначенной в качестве учебника для техникумов, ответа на актуальные вопросы статистики социалистического хозяйства. Достаточно сказать, что в учебнике нет ничего об анализе выполнения плана, а вопросу группировок, основному методу анализа статистических данных, отведено... 2½ страницы. Большая часть работы заполнена обильным количеством всевозможных формул. При применении их автор рекомендует исходить из качественных особенностей изучаемых явлений. Но это общее указание не подкреплено какими-либо примерами.

Возьмем, например, вопрос о средних величинах. То, что излагается в учебнике в виде формулы вычисления средне-арифметической; есть не более как технический прием, известный, вообще говоря, учащемуся средней школы. Действительная теория средних заключается не в вычислении средней, а в анализе составляющих общей средней.

Работы Ленина и Сталина учат нас именно научному анализу методом средних. Товарищ Сталин указал, как надо правильно пользоваться методом средних: «...метод средних чисел, не скорректированный данными по районам, не есть научный метод»¹.

Совершенно очевидно, что преподносить учащимся в качестве теории методы технических расчетов означает не что иное, как вредное извращение теории или, в лучшем случае, недопустимую вульгаризацию.

Формально-математическая трактовка пронизывает все основные разделы учебника. Более того, автор и не признает никакой другой основы статистики, кроме математики. В подтверждение своего взгляда он, вопреки фактам, заявляет, что «проникновение математики в статистику стало определяющим моментом для зарождения статистики как науки в современном ее понимании» (стр. II).

Это утверждение неверно потому, что исторически так называемое математическое направление в статистике появилось в позднейшее время. Например, идеи, развитые в работах В. Петти — одного из основателей статистики, о которых Маркс отзывался одобрительно, ничего общего с этим направлением не имеют. Значительная часть буржуазных статистиков, особенно практиков, никогда не примыкала к математической теории. Даже в современной буржуазной статистике мате-

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 281

математическая школа не является общепризнанной и господствующей. Дореволюционная русская земская статистика, недостатки которой Ленин неоднократно подвергал резкой критике, все же ставилась Лениным выше казенной и западноевропейской статистики. Между тем русская статистическая школа в практической и теоретической работе (например, Кауфман) никогда не опиралась на математическую теорию. Утверждение автора о математической основе статистики извращает, таким образом, ее подлинную историю. Характерно, что, говоря о последнем этапе развития статистики (конец XIX в.), автор считает нужным еще раз подчеркнуть значение математической школы К. Пирсова и др., ни словом не упоминая об идеалистических позициях этой школы и ее последователей.

Такое изложение истории статистической науки может только запутать читателя, тем

более что автор недопустимым образом опускает ленинский этап в статистике.

Формально-математический подход сказался и в определении статистики. По мнению автора, она сводится к наблюдениям массовых процессов в области естественных или общественных явлений, характеризуемых средними числами. Определение это игнорирует различие между закономерностями естественных и общественных явлений, неправильно ограничивает статистику социалистического хозяйства областью применения закона больших чисел и не отражает основной задачи статистики социалистического хозяйства: изучения выполнения плана.

Наличие такого рода серьезных ошибок делает книгу негодной. Этот «учебник» не только не может помочь учащемуся и практическому работнику, но, напротив, дезориентирует их и уводит далеко от насущных вопросов статистики в сторону схоластики.

Ис. М.

Из иностранной экономической литературы

◆ «Голод и труд» — так называется новое статистическое исследование Ю. Кучинского о современном положении рабочего класса в Англии (J. Kuczyński, Hunger and Work. Statistical Studies, London, Lawrence and Wishart, 1938). Это уже третья книга, выпущенная Кучинским в эмиграции на английском языке.

В первой части своей книги Кучинский подвергает критике так называемую «норму Роунтри». Согласно этой норме прожиточный минимум средней рабочей семьи в Англии в 1936 г. составлял 53 шиллинга в неделю (для 1938 г. «норма Роунтри» равна 56½ шиллингам в неделю). В своих исчислениях стоимости прожиточного минимума английского рабочего лейборист Роунтри (B. S. Rowntree, The Human Needs of Labour, London 1937), ограничивает состав рабочей семьи родителями и тремя детьми, кладет в основу слишком малое для лиц, занимающихся тяжелым физическим трудом, число калорий, а также предлагает совершенно недостаточную структуру питания. «Образцовый» рацион Роунтри значительно ниже уровня потребления плохо олачиваемых слоев английского пролетариата в середине XIX столетия.

В рационе Роунтри совершенно отсутствует сливочное масло (а в 1863 г., по данным исследования, приводимым Марксом в первом томе «Капитала», его все же было немного); на пять человек полагается по одному яйцу в неделю и одному литру снятого молока. Цельного же молока, согласно «норме Роунтри», рабочим вовсе не полагается употреблять. Но и этот сознательно заниженный минимум оказывается недосягаемым для широких рабочих масс нынешней Англии.

Во второй части книги Кучинский исследует заработную плату в тринадцати отраслях английской промышленности и размер пособий по безработице. Исследование показывает, что 80% рабочих угольной промышленности полу-

чают меньше «нормы Роунтри». В строительной промышленности этот процент равен 50, в текстильной — 40, в деревообделочной — 6,5, в машиностроительной (включая судостроение) — 5, в бумажной и полиграфической — 1½ (эти цифры относятся только к взрослым рабочим-мужчинам). Таким образом, разница в уровне жизни рабочих различных отраслей английской промышленности попрежнему очень велика. По данным Ю. Кучинского, около 4 млн. взрослых английских рабочих получают меньше «нормы Роунтри».

Еще хуже обстоит дело в сельском хозяйстве. Заработная плата всех 100% сельскохозяйственных рабочих ниже «нормы Роунтри». Автор приходит к выводу, что около 10 млн. чел., т. е. четверть всего населения Англии, не имеют обеспеченного прожиточного минимума, иначе говоря, обречены на недоедание.

В последней главе Кучинский рассматривает вопрос о том, что произошло с английским пролетариатом за последние семь лет.

◆ Джон Стрейчи, известный коммунистический публицист и популяризатор революционного марксизма в англо-американской литературе, выпустил новую книгу. Название книги — «Что делать?» — повторяет знаменитый вопрос, поставленный Лениным в 1902 г. (J. Strachey, What are we to do? New York, Random, 1938, 539 p.).

Книга Стрейчи посвящена судьбам и задачам рабочего движения в Англии и США. Автор констатирует, что социалистическое движение в этих странах, особенно в Англии, переживает кризис, исход которого должен иметь решающее значение для будущего европейской культуры. Причиной этого кризиса является принятие английской рабочей партией фабианской программы «эволюционного социализма». Убежденный, что силы истории неизбежно ведут к социализму, Стрейчи указывает, что в рамках определенных истори-

ческих условий люди сами творят свою судьбу. Он призывает к организации рабочей партии нового типа, по образцу ВКП(б).

В последней части книги Дж. Стрейчи обосновывает ближайшие задачи рабочего движения — обеспечение мира, демократии и уровня жизни, превышающего необходимый минимум. Книга написана с большой полемической силой, в ней проводится резкая грань между научным коммунизмом Маркса — Энгельса — Ленина и всеми видами оппортунизма и лжерадикализма.

◆ Политика «автаркии», проводимая в странах фашистской диктатуры в целях военной подготовки, вновь поставила перед буржуазной экономической мыслью проблему «самодостаточного государства». Комиссия советников по внешней торговле при французском министерстве торговли объявила конкурс на лучшее сочинение, задачей которого будет доказать, что автаркия является экономической, социальной и политической ошибкой. Жюри присудило первую премию молодому французскому экономисту Гастону Ледюк, автору удачно написанной работы «*Pasum против автаркии*» (G. Leduc, *La Raison contre l'Autarcie*, Paris, 1938, VIII + 54 p.).

Политика автаркии, указывает Ледюк, по своим целям выходит далеко за пределы простого протекционизма. Она предполагает полный разрыв коммерческих сношений с заграницей и прекращение всяких перемещений не только товаров, но также капиталов и даже людей. Никаких международных расчетов, никакого торгового баланса не будет, если представить себе осуществление планов автаркии. Подобный режим не только не является исторической необходимостью, как утверждают сторонники автаркии, — он противоречит основным тенденциям современной техники, приводящей к возрастанию экономических связей между странами. В применении к Франции политика автаркии даст эффект разрушительного циклона. Она оторвет французскую промышленность и сельское хозяйство от источников сырья и рынков сбыта. Морской торговле, транспорту, туризму будет нанесен смертельный удар. Разрыв торговых сношений со странами-должниками Франции сделает невозможным покрытие ими своей задолженности, что означает разорение сотен тысяч владельцев мелких сбережений. Подобное потрясение всего народного хозяйства вызовет и глубочайшую социальную разруху. Автаркия приведет к росту безработицы, недостатку продуктов и дороговизне. Она понизит уровень жизни, вызовет падение рождаемости и уменьшение населения страны, подорвет ее финансы.

Проблема перераспределения источников сырья и передела колоний, выдвигаемая в связи с политикой автаркии, разжигаемые ею

националистические инстинкты, систематическое подогревание старых конфликтов между народами приводят к росту военной опасности, к новой гонке вооружений. Рожденная войной, автаркия ведет к войне, — говорит Ледюк. Возлагая на различные социальные группы неравные жертвы, она несовместима с демократией. Автаркия ни в коем случае не может быть французским решением экономических проблем нашего времени, — заключает автор.

Не выходя из круга понятий буржуазного либерализма, Ледюк сумел, однако, доказать, что политика автаркии, пропагандируемая фашистами, представляет собой безумную и преступную авантюру.

◆ Задачей новой книги Р. Гоутри об истории банковского процента в Англии (R. G. Hawtrey, *A Century of Bank Rate*, London, Longmans, 1938) является, как говорит автор, «показать, как сложилась традиция банковского процента, что имели в виду те, кто создал этот институт, и какова его ценность в условиях настоящего дня и в будущем». Вопрос этот рассматривается автором как исторически, так и теоретически. Помимо фактического материала о развитии политики банковского процента в Англии за истекшее столетие Гоутри собрал ряд высказываний на эту тему практиков и руководителей банковского дела (главным образом из различных официальных отчетов). Это придает его книге отчасти характер собрания документов.

Много места занимает в книге полемика с теорией процентной ставки Дж. М. Кейнса и критика кредитной политики британского правительства.

Большой фактический материал, приведенный Гоутри, сообщает его работе известный научный интерес. На выборе материала отразился, однако, вульгарные представления Гоутри. Он стремится подтвердить свою теорию кредита, изложенную им в известной книге «*Currency and Credit*». Гоутри, как и все буржуазные экономисты, отрицает примат производства. Источник движения общественного производства он усматривает в кредите. Кредитный контроль представляет собой, по Гоутри, всемогущую силу, довлеющую над экономической жизнью. Соответствующая политика банковского процента может, якобы, нарушить любое процветание и прервать любой кризис, — достаточно лишь повысить или понизить процентную ставку. Такое извращенное представление о самодовлеющей и всемогущей роли кредита создает почву для своеобразного «кредитного фетишизма». Мировой экономической кризис 1929—1933 гг. достаточно наглядно показал всю вздорность попыток ликвидировать кризис при помощи мероприятий кредитной политики.

В Институте экономики АН СССР

Изучение проблем экономического районирования СССР

В соответствии с постановлением Совнаркома СССР, президиумом Академии наук возложена на Институт экономики научно-исследовательская работа по экономическому районированию СССР. Эта тема должна быть ведущей в работах института. Задача Института экономики в разработке этой темы состоит в том, чтобы дать анализ хозяйства экономических районов СССР, сложившегося к началу третьей пятилетки: характеристику природных энергетических и трудовых ресурсов района; структуру хозяйства; балансы производства и потребления основных промышленных и сельскохозяйственных продуктов (черные металлы, топливо, стройматериалы, цемент, лесоматериалы, зерновые культуры, продукты животноводства, хлопок, лен, соль, химические удобрения); изучить межрайонные экономические связи. Институт должен разработать перспективы комплексного развития экономических районов СССР на основе наиболее полного использования местных ресурсов, приближения промышленности к источникам сырья и районам потребления в целях ликвидации чрезмерно дальних и встречных перевозок, укрепления обороноспособности СССР и дальнейшего культурно-хозяйственного подъема национальных республик.

К разработке этой темы Институт экономики приступил в июне 1939 г. Сейчас развываются работы по району Урала, в ближайшее время начнется также изучение района Средней и Нижней Волги. Работа по Уралу должна быть закончена в конце 1939 г.

Одновременно институт приступил к изучению проблем размещения важнейших отраслей промышленности и сельского хозяйства. В выполнении этой темы примет участие ряд институтов, местных отделений и баз Академии наук.

Подготовка научных кадров

Институт экономики ведет большую работу в области подготовки научных кадров экономистов. Помимо 27 аспирантов, обучающихся при Институте, к сотрудникам института прикреплено более 100 диссертантов, готовящих

диссертации на получение ученой степени кандидата экономических наук, и несколько диссертантов, готовящих диссертации на получение ученой степени доктора экономических наук. За прошедшие шесть месяцев 1939 г. на заседаниях ученого совета Института проведена защита 11 диссертаций, из них 7 — на степень кандидата и 4 — на степень доктора экономических наук. Кандидатские диссертации защищали: В. М. Шнейерсон — на тему «Вопросы повышения производительности труда в зерновом хозяйстве колхозов засушливых районов юго-востока СССР», Ф. С. Кочерга — «Старый и новый Урал», В. И. Быковский — «Проблема автомобильного транспорта Карельской АССР и Мурманской области», И. И. Кузьминов — «Стахановское движение — высший этап социалистического соревнования» и Ф. Б. Зильберборг — «Экономика Германии в период мировой империалистической войны и теория «госкапитализма», С. Т. Альперович — «Социально-экономические взгляды Герцена» и С. П. Дадашев — «К пониманию классовой природы физикратической системы».

Докторские диссертации защитили: Б. Л. Маркус — на тему «Труд в социалистическом обществе», З. В. Атлас — «Денежное обращение и денежная политика Советской власти», А. М. Волков — «На подступах освоения Северной Арктики», П. В. Погорельский — на тему «Очерки социалистической реконструкции кочевого хозяйства».

Научно-пропагандистская работа института

Научно-пропагандистская работа проходит в форме публичных лекций, проводимых институтом систематически, по 2—3—4 лекции ежемесячно. Для чтения лекций привлекаются, кроме научных работников Института, видные экономисты Москвы. В течение прошедших шести месяцев проведены следующие лекции:

1) Чл.-корр. АН СССР т. Островитинов К. В. — Осуществление ленинско-сталинского плана построения социализма в СССР.

2) Чл.-корр. АН УССР т. Фейгин Я. Г. — Размещение производительных сил в СССР и третья сталинская пятилетка.

3) Доктор экон. наук т. Мендельсон А. С. — Догнать и перегнать в экономическом отношении наиболее развитые капиталистические страны.

4) Кандидат экон. наук т. Бумбер Я. Ф.— Социалистическое сельское хозяйство и третья сталинская пятилетка.

5) Доктор экон. наук т. Маркус Б. Л.— Борьба за социалистическую организацию труда в свете задач третьей сталинской пятилетки.

6) Чл.-корр. АН УССР т. Хромов П. А.— Производительность труда в промышленности СССР и в капиталистических странах.

7) Доктор экон. наук т. Гатовский Л. М.— Роль диктатуры рабочего класса в строительстве социалистической экономики.

8) Кандидат экон. наук т. Макарова М. Ф.— Торговля в период завершения строительства социалистического общества.

9) Проф. Ноткин А. И.— Душевные нормы производства и постепенный переход к коммунизму.

10) Проф. Черномордик Д. И.— Народный доход в СССР.

11) Чл.-корр. АН СССР Смит М. Н.— «Плановый» вариант современных социал-демократических «теорий» о мирном вращении капитализма в социализм.

12) Чл.-корр. АН СССР Смит М. Н.— Марксизм и прудонизм в эпоху революции 1848 г.

13) Чл.-корр. АН СССР Розенберг Д. И.— 90 лет работы К. Маркса «Наемный труд и капитал».

Содержание

	<i>Стр.</i>
Экономическое районирование СССР и задачи советской науки	3
Д. Шепилов — Социалистическая собственность — основа колхозного строя . .	9
А. Курский — Промышленность СССР в третьей пятилетке	24
Э. Локшин — Организационные проблемы промышленности СССР	39
Я. Бумбер — Сельское хозяйство СССР в третьей пятилетке	54
В. Матвеев, М. Бениаминов — Подготовка технической базы коммунизма и под- земная газификация	67
З. Атлас — О советской цене	80
Александр Кон — О книге Маркса «К критике политической экономии»	96
С. Вишнев — Военная экономика 1914—1918 гг.	113
И. Блюмин — Социальная демагогия германского фашизма	125

ИЗ ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Д. Черномордик — Социалистическая индустриализация — генеральная линия партии	140
--	-----

КОНСУЛЬТАЦИЯ

К. Островитянов — Об основных типах производственных отношений	159
--	-----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

А. Аракелян — «Итоги выполнения второго пятилетнего плана развития на- родного хозяйства Союза ССР»	176
А. Арутюнян — «СССР и капиталистические страны»	179
И. Михеев — Замечательная книжка	181
Л. Гельзин — Н. М. Николаевский, Вопросы экономики нефтяной про- мышленности СССР	183
А. Петров — Негодная книга по статистике	186

Ис. М. — Из иностранной экономической литературы	187
--	-----

ХРОНИКА

В Институте экономики АН СССР	189
---	-----

Опечатки, замеченные в № 3

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
59	11 сверху	формы	фонды
101	3 »	плне	плане
151	12 снизу	стране	стане
201	28 сверху	164,0%	164,7%

В № 2 на стр. 144, строка 5 сверху, вместо 21,3 млн. га следует читать 21,15 млн. кв. км.

Ответственный редактор Б. Л. МАРКУС

Адрес редакции: Москва, Волхонка 14, тел. К-1-25-81

Сдано в набор 14—20/VI 1939 г. Подписано к печати 29/VII 1939 г. Формат 70 × 114. Объем 12 п. л.
 *ЮЮ) зн. в п. л. Сдэкиз № 28. Заказ типографии № 743. Уполномоченный Главлита РСФСР № А—12410.
 Тираж 9 630 Техн редактор И. Широков

13-я типография треста «Полиграфкнига», Москва, Шубинский пер., д. 10.